

**СССР, ЕГО СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС,
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ,
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

**Материалы межвузовской
научно-практической конференции,
приуроченной к 65-летию Победы
в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.**

21-22 апреля 2010 г.

Москва - 2010

Редакционная коллегия:

Е.И. Пивовар, А.Б. Безбородов,
А.А. Киличенков, Л.И. Жижилева

Статьи публикуются в авторской редакции

© Коллектив авторов, 2010

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

Пленарное заседание

Пивовар Е.И.

Вступительное слово председателя Оргкомитета конференции

Христофоров В.С.

Документы в архивов ФСБ по истории Второй мировой войны

Мельтюхов М.И.

Миф о «превентивной» войне Германии против Советского Союза

Сенявская Е.С.

Фронтное поколение Великой Отечественной войны как феномен XX века

Быстрова И.В.

«Большая тройка» в 1941 – 1945 гг.: дискуссионные проблемы

Хавкин Б.Л.

Российская историография германского антигитлеровского сопротивления

РАЗДЕЛ II

Проблемы истории второй мировой войны в современном политическом дискурсе – поиск истины или мифотворчество?

Сенявская Е.С.

Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти

Сенявский А.С.

Интерпретация истории Второй мировой войны как инструмент современной политики

Анфертьев И.А.

Основные направления современных фальсификаций Великой Отечественной и второй мировой войн в зарубежных странах, на постсоветском пространстве и в России

Литвиненко В.А.

Вклад Ленд-лиза в военно-экономический потенциал СССР: мифы и реальность

Спирин Д.В.

Проблема второго фронта во взаимоотношениях «Большой тройки»

Копылов Н.А.

1941 год в Прибалтике: традиционные мифы и новые источники

Куренков Г.А.

ВКП (б) на страже партийно-государственной тайны накануне Великой Отечественной войны

Колдомасов И.О.

Военные миссии государств антигитлеровской коалиции в воспоминаниях очевидцев: проблема результативности

Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю.

Судьбы мемориалов павших советских воинов в современной геополитической ситуации

Загыртдинов Р.Б.

Политика органов власти по отношению к безвестно пропавшим солдатам Великой Отечественной войны в контексте современного российского политического дискурса

Садовников С.И.

Россия и Германия: военно-мемориальное сотрудничество

Соколов Б.В.

Официальные цифры советских военных потерь – научный расчет или миф?

Мартынов А.С.

Националистическая мифологизация истории Украины эпохи Великой Отечественной войны: на примере оккупированного региона Донбасса

РАЗДЕЛ III

История войны в современных масс-медиа: историческая достоверность или коммерческая привлекательность?

Торгашев Р.Е.

Использование современных средств массовой информации для достижения своих национальных интересов и оказания влияния на сознание современного поколения молодежи по оценке происходящих событий Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Хохлов В.А.

Великая Отечественная война в новейших российских фильмах: форматы исторической памяти

Разин С.Ю.

Русская Революция и Великая Отечественная война в зеркале массового сознания

Можаева Л.А.

Антифашистский комитет советской молодежи как инструмент формирования позитивного образа СССР в мире. (К характеристике источников изучения проблемы).

Сатаева С.А.

ЦОКС: Феномен правдивости. Кинохроника как исторический источник и документ.

Ерофеев Д.А.

Советско-финляндские отношения в 1939 – 1944 гг. и их отображение в советской пропаганде

Хавкин Б.Л.

Миф о Штирлице

РАЗДЕЛ IV

Дискуссионные вопросы истории второй мировой войны в современной историографической ситуации

Архипова Т.Г.

Наркомат путей сообщения СССР в годы Великой Отечественной войны

Сомов В.А.

И.В. Сталин и победа в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.): современная историография проблемы

Кузьминых А.Л.

Иностранцы военнопленные второй мировой войны в СССР: историографической аспект проблемы

Цурганов Ю.С.

Освободительное движение народов России: причины возникновения и характер

Минц М.М.

Советское стратегическое планирование, август 1940 – июнь 1941 г.: «стратегия сокрушения» в действии

Кикнадзе В.Г.

Советско-британское сотрудничество в области военной разведки в годы Второй мировой войны

Ермолов А.Ю.

Влияние экономических факторов на перелом в ходе Второй мировой войны

Герасимов В.Л.
Дискуссионные вопросы отечественной морской авиации в современной историографии

Коровин В.В.
История сопротивления немецко-фашистским оккупантам в трудах современных исследователей

Печенкин А.А.
О потерях генералитета в Великой Отечественной войне: подведение итогов

Малышева Е.М.
Дискуссионные проблемы истории Второй мировой войны в новейшей германской историографии и формирование исторической памяти

Голубев А.В.
Англия и Америка повернут нас на старый лад...

Герасимова С.А.
Военные действия в районе ржевско-вяземского выступа в 1942 – начале 1943 гг. в современной историографии

Молчанов Л.А.
Русские коллаборационистские листовки в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Киличенков А.А.
ВМФ СССР в 1941 – 1945 гг.: оценки новейшей отечественной историографии

РАЗДЕЛ V

Круглый стол «История холокоста: проблемы изучения и преподавания»

Альтман И.А.

РАЗДЕЛ I

ПЛЕНАРНОЕ

ЗАСЕДАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые коллеги!

Конференция «СССР, его союзники и противники во второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания», организованная Российским государственным гуманитарным университетом, Федеральным архивным агентством Министерства культуры РФ и Центральным советом Российского общества историков-архивистов, проходит в атмосфере подготовки к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Время, прошедшее после юбилейных торжеств по поводу 50-летия и 60-летия Победы, показало, что проблематика истории войны не только не теряет своей актуальности, но наоборот – привлекает все возрастающее внимание, как российского общества, так и общественности зарубежных стран. Более того, наряду с ростом общественного и научного интереса происходит дальнейшая политическая актуализация исторических проблем второй мировой войны и политическая актуализация исторической памяти. В этой ситуации перед исследовательским сообществом объективно возникают задачи не только дальнейшего накопления научного знания о событиях войны, но и корректной трансляции этого знания как в экспертно-аналитической, так и публицистической форме.

РГГУ традиционно и последовательно использует свой научно-педагогический потенциал для изучения истории второй мировой войны. В 1995 году в канун 50-летия Победы в РГГУ совместно с Российской академией наук и Институтом военной истории Министерства обороны была проведена конференция «Вторая мировая война: современные проблемы изучения и преподавания в вузе», по материалам которой был издан сборник «Другая война: 1939-1945», ставший заметным событием в отечественной историографии. В 2005 г. Российский государственный университет провел межвузовскую конференцию «Великая Отечественная война, 1941-1945 гг.: опыт изучения и преподавания», по итогам работы которой также был издан сборник трудов.

За прошедший период историческая наука совершила очередной шаг в исследовании второй мировой войны. Был введен в научный оборот новый массив архивных документов, опубликовано множество актуальных исследований по истории войны, появились новые имена ученых. Сегодня мы обращаемся к событиям 1939-1945 гг. не только для ретроспективного анализа прошлого, но и для глубокого размышления о настоящем и, конечно же, о будущем России. В развитии нашей страны непрерывное познание истории, расширение исторического знания обеспечивает важнейшую общественную функцию самоидентификации и целеполагания, когда глубоко осознанная историческая преемственность способствует формированию современной картины национального мировосприятия и системы общественных ценностей.

Целостное и комплексное отображение событий второй мировой войны в широком контексте мировой истории, строго опирающееся на документы, выявленные историками, подвергнутые всестороннему изучению на основе современных исследовательских практик, – вот путь, по которому должно двигаться современное научное сообщество.

В нашей конференции принимают участие преподаватели и аспиранты РГГУ и ряда других российских университетов, ученые из институтов Академии наук Российской Федерации, Академии военных наук и Института военной истории Министерства обороны РФ, ряда государственных, муниципальных архивов и научных центров, а также наши коллеги из зарубежных научных центров и вузов. Тематика представленных докладов и сообщений – весьма широка. В ней нашли свое отражение различные направления исследований истории второй мировой войны, составляющие современную основу источниковедения и историографии событий 1939-1945 гг. Оргкомитет конференции надеется, что в ходе пленарного заседания и работы секций конференции спектр высказываемых точек зрения будет таким же широким, но в то же время сохранит научный подход и безусловное стремление авторов к единству в нашей общей задаче – постоянном увеличении научного знания.

Больших успехов вам в работе, уважаемые коллеги!

Е.И.Пивовар,
д.и.н., чл.-корр.РАН

Христофоров В.С.

**Рассекреченная победа:
документы архивов ФСБ России по истории Второй мировой войны**

Прошло шестьдесят пять лет после окончания самых жестоких испытаний, которые выпали на долю нашего народа в борьбе с фашистскими агрессорами и их сателлитами. Победа в Великой Отечественной войне стоила огромных жертв и усилий, она стала знаковым событием 20-го столетия, вклад в победу наших соотечественников огромен и неоспорим.

По тематике Великой Отечественной войны к настоящему времени опубликовано огромное количество научных работ, публицистических, мемуарных и художественных произведений. Весомый вклад в документальное изучение истории войны вносят материалы из архивов, в том числе органов безопасности.

Документы периода Великой Отечественной войны, хранящиеся в Центральном архиве (ЦА) ФСБ России, представляют собой уникальный исторический источник по истории России XX века и по истории Великой Отечественной войны в частности.

В первую очередь следует отметить документы из так называемой «Особой папки». Это копии писем, специальных сообщений, докладных записок руководства НКВД-НКГБ СССР высшему руководству страны о состоянии дел на фронтах Великой Отечественной войны, боевых действиях оперативных групп и партизанских отрядов, выполнении постановлений и распоряжений ГКО, СНК СССР по различным вопросам военной, экономической и социальной жизни. Вторую, наиболее значительную по объему, группу документов составляют материалы секретного делопроизводства центрального аппарата НКВД-НКГБ СССР по направлениям деятельности органов безопасности: борьбе с агентурой противника, обеспечении безопасности тыла вооруженных сил, промышленности и транспорта СССР, зафронтной работе.

Большую группу, около 2 тыс. дел, составляют материалы 4 Управления НКВД-НКГБ СССР, где сосредоточены материалы как центральных органов управления организацией и деятельностью партизанских отрядов, так и документы отдельных оперативных групп и отрядов. В годы войны органы безопасности направили в тыл противника более 2 тыс. оперативных групп и отрядов, которые в тяжелых условиях фашистского оккупационного режима вели напряженную борьбу с разведывательными, контрразведывательными и карательными органами противника. В качестве еще одной группы можно рассматривать документы о радиоиграх. Высокоэффективными стали радиоигры по дезинформированию противника. Следующую группу документов составляют уголовные дела на высший офицерский состав германской армии, официальных сотрудников и агентов немецких разведывательных и контрразведывательных органов, на участников фашистских карательных частей и националистических банд, пособников немецких военных преступников.

Несмотря на то, что архивные документы органов госбезопасности использовались и ранее, сразу по окончании войны, широкое их обнародование началось только в последние семнадцать лет. Специалисты Управления

регистрации и архивных фондов и Центрального архива ФСБ России подготовили несколько сборников документов по тематике, связанной с событиями Отечественной войны. В их числе «Лубянка в дни битвы за Москву», «Сталинградская эпопея», «Огненная дуга», «Агония и смерть Адольфа Гитлера» и другие.

Названные сборники содержат докладные записки и спецсообщения особых отделов, дневники и письма солдат РККА и вермахта, донесения военной контрразведки из частей и соединений Красной армии и многие другие материалы.

В книге «Лубянка в дни битвы за Москву» опубликованы документы ЦА ФСБ России, рассказывающие о деятельности органов безопасности в первые военные месяцы: об участии частей и соединений войск НКВД в боевых операциях против вермахта, специальных операциях в Москве, охране тыла Действующей армии и обеспечении безопасности промышленных предприятий.

В планах командования немецких войск Москва была главным стратегическим объектом. С ее захватом гитлеровцы связывали надежды закончить войну. Для того чтобы сдержать продвижение частей и соединений вермахта, сорвать их снабжение оружием и боеприпасами, техникой и личным составом, необходимо было развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника.

В этих целях 5 июля 1941 г. была создана Особая группа НКВД СССР, подчиненная наркому внутренних дел, которую возглавил П.А. Судоплатовⁱ. В октябре 1941 г. Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР, а в январе 1942 г. – в 4-е Управление.

По заданию наркома внутренних дел для сбора разведывательной информации на дальних и ближних подступах к Москве было направлено несколько оперативных групп, перед которыми были поставлены следующие задачи: разведка мест сосредоточения, передвижения сил противника, их вооружения, расположения штабов, баз, складов с боеприпасами, горючим, продовольствием; совершение диверсионных актовⁱⁱ.

В архивных материалах советской контрразведки содержатся сведения о борьбе с агентурной и диверсионной деятельностью германских спецслужб в годы войны. Только в ходе битвы под Москвой в зоне боевых действий военные контрразведчики обезвредили свыше 200 агентов и более 50 разведывательно-диверсионных групп противника, чем способствовали провалу немецкой операции «Тайфун».

В Москве были сформированы 38 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 166 человек, подготовлены на оседание 78 агентов-одиночек, предназначенных для выполнения специальных заданий НКВД СССР. Для обеспечения их деятельности Особая группа НКВД СССР в сентябре 1941 г. провела закладку в Измайловском парке Москвы тайников с взрывчатыми веществами и боеприпасамиⁱⁱⁱ.

8 октября 1941 г. ГКО принял постановление о проведении специальных мероприятий по предприятиям Москвы и Московской области. Необходимо было провести минирование предприятий и наиболее важных объектов. С этой целью была образована комиссия во главе с заместителем наркома внутренних дел

И.А. Серовым. 9 октября 1941 г. в ГКО был представлен список из 1 тыс. 119 предприятий^{iv}.

Незабываемым событием стал исторический парад советских войск в Москве 7 ноября 1941 г. Обеспечением безопасности подготовки и проведения парада занимались отечественная контрразведка, подразделения охраны и другие оперативные службы НКВД СССР. Некоторые ранее неизвестные детали проведения парада на Красной площади стали известны благодаря опубликованным документам из ЦА ФСБ России.

Важным и эффективным мероприятием стала маскировка Кремля и центра города. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивах доклады коменданта Кремля Н.К. Спиридонова руководству страны о разрушениях важнейших объектов столицы в результате бомбардировок. Благодаря принятым мерам по маскировке, за всю войну Москва пострадала гораздо меньше столиц других европейских государств.

Наиболее интересные материалы о работе органов НКВД во время Сталинградского сражения опубликованы в книге «Сталинградская эпопея» и других изданиях^v, подготовленных архивистами ФСБ России.

В середине сентября 1942 г. советское командование приняло решение провести контрнаступательную операцию. Разработка плана и подготовка контрнаступления под Сталинградом проходила в обстановке тяжелых оборонительных боев за город, продолжавшихся до 18 ноября 1942 г.

Отечественные органы безопасности внесли свой вклад в разгром фашистских войск под Сталинградом. Они обеспечивали безопасность обороны, а затем и наступления. Выявляли шпионов, предателей, диверсантов, дезертиров и паникеров в зоне боевых действий и в тылу Действующей армии. Контролировали политико-моральное состояние местного населения, его реакцию на отход частей и соединений Красной армии, политически значимые события.

Советским специальным службам и, прежде всего, органам военной контрразведки, в годы Великой Отечественной войны пришлось столкнуться с хорошо подготовленным противником в лице военной разведки вермахта «Абвер», разведывательно-диверсионного органа РСХА «Унтермен Цеппелин», диверсионно-террористического органа «Ваффен СС Ягдфербанд».

За июль–сентябрь 1942 г. в тыл Сталинградского и Юго-Восточного фронтов германские спецслужбы забросили более 350 агентов и диверсантов. Немецкие оккупационные власти провели около 120 карательных операций против местного населения, партизан и подпольщиков, в результате которых задержали более 10 тыс. советских граждан, часть из которых была расстреляна.

Управление НКВД по Сталинградской области добывало разведывательную информацию о положении фашистских войск в районе Сталинграда, выявляло, предупреждало и пресекало разведывательную и диверсионную деятельность спецслужб и организаций Германии и ее союзников, пресекало преступные действия, как отдельных лиц, так и организованных групп.

За период обороны Сталинграда органы госбезопасности ликвидировали более 200 немецких шпионов и диверсантов-парашютистов, у которых изъяли радиостанции, шифркоды, фиктивные документы, большие суммы советских денег, ампулы с ядом, бактериологические средства для отравления источников питьевой воды.

После освобождения оккупированной территории сотрудники УНКВД по Сталинградской области проводили разведывательный опрос военнопленных для получения информации о минных полях и заминированных противником зданиях.

В результате публикации документов появилась возможность иначе взглянуть на уже известные события, дополнить их новыми историческими фактами, уточнить оценки происходивших событий, показать роль органов НКВД в разгроме фашистских войск под Сталинградом.

Деятельность отечественных органов безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. долгое время оставалась недостаточно исследованной в связи с закрытостью ведомственных архивов. К числу проблем, вызывающих дискуссии, относится тема заградотрядов.

С начала Великой Отечественной войны для борьбы с дезертирами и паникерами в прифронтовой полосе создавались заградительные отряды, по сути выполнявшие комендантские функции. Они выставляли свои посты на дорогах, железнодорожных узлах и на лесных тропах задерживали военнослужащих, покидавших поле боя, выявляли дезертиров, трусов и паникеров, лиц, подозреваемых в проведении разведывательной и диверсионной деятельности.

Летом 1942 г. произошло резкое обострение обстановки на советско-германском фронте, что отрицательно повлияло на боеспособность советских войск. В условиях, когда требовалось усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение, прекратить дезертирство и паникерство на передовой линии фронта, вышел приказ Наркомата обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227.

В соответствии с этим приказом в общевойсковых армиях было сформировано по 3-5 хорошо вооруженных заградительных отрядов численностью до 200 человек^{vi}. В случае паники и беспорядочного отхода частей от них требовалось остановить отступление любой ценой, вплоть до расстрела на месте паникеров и трусов.

Заградительными отрядами Донского фронта были задержаны 36 тыс. 109 человек, арестованы 736 человек, расстреляны 433 человека, направлены в штрафные роты 1 тыс. 56 человек, штрафные батальоны – 33 человека, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 32 тыс. 933 человека.

На Сталинградском фронте были задержаны 15 тыс. 649 человек, арестованы 244 человека, расстреляны 278 человек, направлены в штрафные роты 218 человек, штрафные батальоны – 42 человека, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 14 тыс. 833 человека^{vii}.

В условиях напряженных боев, острого недостатка в обученном и подготовленном пополнении, дефицита времени для детального разбирательства в причинах отхода частей и подразделений Красной армии не обошлось без тяжелых ошибок и неправомерных действий со стороны работников следственных аппаратов и командиров заградотрядов. Решения принимались поспешно, подробное разбирательство проводилось не всегда. Имели место необоснованные аресты, необъективное ведение следствия, многочисленные нарушения уголовно-процессуального законодательства^{viii}.

Архивные документы дают основание сделать вывод, что заградотряды, выполняя свои прямые задачи, могли открыть огонь над головами беспорядочно

бегущих подразделений или расстрелять трусов и паникеров перед строем. Однако никому из исследователей не удалось найти в архивах ни одного документа, который бы подтверждал факт, что заградительные отряды стреляли на поражение по своим войскам.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и победы на Курской дуге в войне наступил коренной перелом. Стратегическая инициатива перешла к Красной армии, и заградительные отряды утратили свое былое значение. К 20 ноября 1944 г. (в соответствии с приказом НКО СССР от 24 октября 1944 г. № 0349) все они были расформированы^{ix}.

Документы ЦА ФСБ России, проливающие свет на события Курской битвы, опубликованные в книге «Огненная дуга», до недавнего времени имели гриф «Совершенно секретно».

Приведенные в сборнике материалы дают достаточно полное представление о получении отечественными органами безопасности разведывательных данных о приготовлениях противника к летнему наступлению на Восточном фронте. Такая информация стала поступать ранней весной 1943 г. первоначально в 1 Управление НКГБ СССР и 4 Управление НКВД СССР, а спустя некоторое время и в органы «Смерш». В марте она носила отрывочный характер, но в апреле советской резидентурой в Лондоне были добыты исключительно важные материалы и к концу мая в ГКО гитлеровский план операции «Цитадель» уже не был секретом.

Среди разведывательных донесений, которые поступали из органов государственной безопасности в Генштаб Красной армии, заслуживает внимания спецсообщение 1 Управления НКГБ СССР от 27 мая 1943 г. В нем указывались направления будущих ударов гитлеровских войск на линии фронта «Курск–Белгород–Малоархангельск» и сообщалось о переброске дополнительных войск из Западной Европы на Восточный фронт.

На этапе подготовки к Курской битве органы военной контрразведки проводили комплекс организационных, агентурно-оперативных и предупредительно-профилактических мероприятий. Основное внимание сотрудники «Смерш» сосредоточили на обеспечении сохранности военной тайны в органах управления и штабах, где находились главные секреты, и на перекрытии каналов их утечки к противнику.

В этих целях с помощью агентуры и секретных осведомителей в Генштабе Красной армии, штабах фронтов и армий они осуществляли жесткий оперативный контроль за разработкой и хранением планов предстоящего наступления. В боевых порядках отслеживали скрытность рассредоточения войск, соблюдение мер маскировки, а в необходимых случаях во взаимодействии с Генштабом Красной армии проводили мероприятия по дезинформированию гитлеровского командования.

Наибольшую угрозу накануне боев представляли внедренные в части Красной армии агенты абвера и «Цепелина», а также заброшенные в тыл разведывательно-диверсионные группы. Именно на этом участке борьбы были сосредоточены основные усилия отечественных органов безопасности. С помощью агентуры и при активной поддержке населения им в большинстве случаев удавалось в короткие сроки выявлять и разоблачать шпионов и диверсантов противника.

Опубликованные в сборнике материалы всесторонне отражают эту непримиримую борьбу советских и немецких спецслужб.

Кульминационный период в борьбе отечественных и гитлеровских спецслужб приходится на июль и август 1943 г. По обе стороны линии фронта сосредоточилось такое огромное количество военной техники и личного состава, что как среди советских, так и немецких солдат и офицеров, не возникало сомнений в скором начале невиданного по своим масштабам и накалу сражения.

Приведенные в сборнике докладные записки, материалы военной цензуры и спецсообщения носят сугубо служебный характер. И, тем не менее, они дают наглядное представление о той исключительно острой и полной драматизма обстановке, что сложилась на передовой.

Наряду с разведывательной и контрразведывательной работой органов безопасности, в сборнике широко представлена их деятельность по дезорганизации тыла противника.

С 9 апреля по 20 мая 1943 г. только силами оперативных групп НКГБ СССР было пущено под откос 20 военных эшелонов с техникой и живой силой, 1 бронепоезд, уничтожено 9 автомашин и 2 склада горючего. Их совместные с партизанами действия серьезно осложнили ситуацию на транспортных магистралях противника.

Несмотря на сухой и лаконичный тон большинства документов: докладных записок, разведдонесений, ориентировок и срочных сообщений по ВЧ-связи, ощущаются колоссальное напряжение и ответственность, которые легли на плечи руководителей и рядовых сотрудников органов безопасности, бойцов и командиров Красной армии в канун и дни решающей битвы Великой Отечественной войны – Курского сражения.

Одним из самых загадочных событий Второй мировой войны, занимавших умы всего человечества на протяжении 2-й половины XX в., стали обстоятельства таинственного исчезновения или смерти Адольфа Гитлера. Весь мир пребывал в неведении, довольствуясь лишь рассказами немногочисленных свидетелей и домыслами журналистов, жаждущих сенсаций. И даже после обнародования подлинных архивных документов и вещественных доказательств смерти Гитлера, некоторые ученые и историки, а вслед за ними и простые обыватели, ставят под сомнение факт его смерти в 1945 году.

В 2000 г. вышла в свет книга, созданная на основе рассекреченных документов ЦА ФСБ России – «Агония и смерть Адольфа Гитлера». В этом издании впервые опубликованы материалы судебно-медицинских экспертиз, протоколы допросов лиц из ближайшего окружения фюрера, материалы секретной операции советских контрразведчиков по розыску Гитлера, Геббельса и других высокопоставленных нацистов, а также фотографии вещественных доказательств смерти фюрера, Евы Браун и четы Геббельсов.

2 мая бункер фюрера был занят советскими войсками, вечером офицеры из контрразведки «Смерш» при осмотре сада имперской канцелярии обнаружили обгоревшие трупы мужчины и женщины. К опознанию трупов были привлечены техник гаража Карл Шнейдер и повар рейхсканцелярии Вильгельм Ланге, которые по внешним признакам признали в них Геббельса и его жену. 3 мая были обнаружены трупы их детей. 5 мая неподалеку от места, где были найдены тела

Йозефа и Магды Геббельс, в воронке от бомбы были обнаружены еще два сильно обгоревших трупа, предположительно Гитлера и Браун. Для осмотра места погребения был привлечен солдат из охраны имперской канцелярии – Харри Менгесхаузен, который рассказал все, что ему было известно о смерти и попытках уничтожения трупов Гитлера и его жены.

Советские контрразведчики продолжали поиск документов и новых свидетелей. В зубо-врачебном кабинете профессора Блашке при имперской канцелярии они обнаружили записи о лечении зубов и изготовлении зубных протезов для Гитлера, Геббельса, других видных руководителей рейха и членов их семей, установили и привлекли для опознания зубных техников и ассистентов.

Важные показания 10 мая дала помощница профессора Блашке – Кете Гойзерман. Руководители контрразведки предъявили помощнице профессора Блашке сохранившиеся протезы и зубы. Она аргументировано подтвердила их принадлежность Гитлеру и Браун.

Документы, подтверждающие смерть Гитлера, по линии контрразведки «Смерш» и органов НКВД были направлены из Берлина для доклада руководству страны в конце мая 1945 г. 16 июня Л.П. Берия доложил И.В. Сталину и В.В. Молотову об актах опознания останков фюрера, результатах экспертиз и показаниях свидетелей.

В 1948 г. обгоревшие предметы, протез Геббельса, фрагменты челюстей и зубов, по которым проводилась идентификация трупов Гитлера, Евы Браун и четы Геббельсов, из Германии были направлены в Москву, в следственный отдел 2-го Главного управления МГБ СССР, который суммировал все факты, связанные с обстоятельствами смерти главарей рейха. С 1954 г. по распоряжению председателя КГБ при СМ СССР И.А. Серова все эти предметы и материалы хранятся в особом порядке в специальном помещении Центрального архива КГБ СССР (ныне ФСБ России). С 1996 г. материалы ЦА ФСБ России стали доступны широкой общественности.

Документы ЦА ФСБ России, опубликованные в названных сборниках, а также других изданиях, посвященных Великой Отечественной войне, свидетельствуют о том, что наши спецслужбы сумели создать надежную систему контрразведывательного обеспечения операций советских войск, наладить действенные каналы продвижения дезинформации.

Рассекреченные материалы рассказывают об участии органов безопасности, частей и соединений войск НКВД в боевых операциях против вермахта, специальных операциях в Москве, деятельности оперативных групп в тылу противника, охране тыла Действующей армии и обеспечении безопасности промышленных предприятий. Они помогают ответить на многие вопросы о событиях, ранее находившихся под грифом «Совершенно секретно».

ⁱ Судоплатов Павел Анатольевич(1907–1996), начальник Особой группы НКВД СССР (05.07.1941–03.10.1941), начальник 2-го отдела НКВД СССР (03.10.1941–18.01.1942); начальник 4-го Управления НКВД СССР (1942–1943); начальник 4-го Управления НКГБ СССР (1943–1946).

ⁱⁱ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 183-184.

ⁱⁱⁱ См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 12, 64-67.

^{iv} См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 211-212.

^v Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000; Перелистывая документы ЧК. Царицын – Сталинград 1917–1945 гг.: Сб. док. и матер. Волгоград, 1987; Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. Волгоград, 2002.

^{vi} См.: Чекисты в Сталинградской битве... С. 49.

^{vii} См.: Сталинградская эпопея. М., 2000. С. 230.

М.И. Мельтюхов

Миф о «превентивной» войне Германии против Советского Союза

В 5 часов 30 минут утра (по берлинскому летнему времени) 22 июня 1941 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп вручил советскому послу В.Г. Деканозову меморандум германского правительства правительству СССР об объявлении войны. В нем утверждалось, что честная и благородная Германия чуть было не стала жертвой подлого обмана со стороны Советского Союза, который не только продолжал свою подрывную работу против Германии и Европы, но и сосредоточил «на германской границе все свои войска в полной боевой готовности. Таким образом, советское правительство предало и нарушило все договоры и соглашения с Германией. [...] Большевистская Москва готова нанести удар с тыла национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за свое существование. Германия не намерена безучастно наблюдать угрозу своей восточной границе. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам отразить эту угрозу всеми имеющимися в их распоряжении средствами»^x.

Этот документ стал официальным обоснованием тезиса о «превентивной» войне Германии против Советского Союза. Для его доказательства германская пропаганда использовала различные аргументы: наличие советских вооруженных сил в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, численность захваченных вермахтом советских военных трофеев, высказывания советских военнопленных о «намерениях» советского правительства и т.п.

В годы «Холодной войны» идея о «превентивной» войне продолжала использоваться в праворадикальной литературе ФРГ для оправдания действий Германии в 1941 г. Причем авторы подобных текстов вновь акцентировали свое внимание на различных аспектах военных приготовлений Советского Союза. В этом плане довольно показательной является работа Э. Хельмдаха, который на основе использования германских разведывательных материалов 1940 — 1941 гг. и послевоенных советских исследований взялся доказать, что развертывание Красной армии против Германии было подчинено агрессивным целям, тогда как развертывание вермахта у советских границ являлось импровизацией^{xi}. Позднее схожие тезисы были сформулированы в работах Й. Хоффмана^{xii}.

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией в России книг В. Суворова^{xiii}, в которых германское нападение на СССР также представлено «превентивной» войной. Пытаясь обосновать этот тезис, автор много и излишне эмоционально пишет о развитии советских вооруженных сил и начале их развертывания на Западном театре военных действий (ТВД) в мае — июне 1941 г.

Однако на самом деле все эти советские военные приготовления не имеют к вопросу о «превентивной войне» со стороны Германии никакого отношения. Дело в том, что превентивная война — это «военные действия, предпринимаемые для предупреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего

такое, путем собственного наступления»^{xiv}, а значит, она возможна только в случае, когда осуществляющая их сторона знает о намерениях противника. Поэтому для доказательства этого тезиса его сторонникам следовало бы обратиться к германским документам и на их основе показать, что в Берлине ужасно опасались советского нападения. Однако германские документы свидетельствуют, что в Берлине воспринимали СССР лишь как абстрактную потенциальную угрозу, а подготовка «Восточного похода» совершенно не была связана с ощущением «непосредственной опасности, исходящей от Красной армии»^{xv}. Германское командование знало о переброске дополнительных сил в западные округа СССР, но расценивало ее как оборонительную реакцию на обнаруженное развертывание вермахта. Группировка Красной армии оценивалась как оборонительная, и никаких серьезных наступательных действий со стороны Советского Союза летом 1941 г. не предполагалось^{xvi}.

Сегодня очевидно, что, принимая решение напасть на СССР, Берлин руководствовался своими собственными стратегическими установками, а не страхом перед скорым советским нападением. Скорее, в данном случае германское руководство стремилось претворить в жизнь сформулированный Гитлером еще в «Майн кампф» основной закон внешней политики Германии: «Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. И вы не имеете права успокоиться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть»^{xvii}.

Затяжная война на Западе, постепенное усиление английской экономической блокады Европы создавали реальную угрозу экономического краха Германии, поэтому в Берлине было решено завоевать такое «жизненное пространство», чтобы Германия, «устойчивая от блокады, сплоченная территориально и экономически независимая от ввоза стратегического сырья континентально-европейская империя», была бы в состоянии выдержать длительную войну с Англией и США^{xviii}. Укоренению идеи «Восточного похода» в германском руководстве способствовало и то, что германская разведка имела чрезвычайно скудные данные о советских вооруженных силах и оценивала Красную армию по результатам боев советско-финляндской войны. В условиях переоценки собственных сил вермахта, столь быстро сокрушившего французскую армию, был сделан вывод о слабости советских вооруженных сил. То есть в Берлине сложилось мнение, что Советский Союз является не только ключевым звеном в стратегии будущей победы в войне с Англией, но и довольно слабым противником, разгром которого позволил бы Германии переломить ход войны в свою пользу.

В результате сторонники тезиса о «превентивной» войне Германии против СССР попадают в глупое положение, пытаясь доказать, что Гитлер решил сорвать советское нападение, о подготовке которого он на деле ничего не знал. Собственно, на этом спор относительно лживой версии о «превентивной» войне Германии против Советского Союза можно считать законченным.

^x Родина. 1991. № 5. С.41 — 43; Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С.32 — 40.

^{xi} *Helmdach E. Überfall? Der sowjetisch-deutsche Aufmarsch 1941. Neckargemünd. 1976.*

- xii Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.4. Stuttgart. 1983. S.38 — 97; *Hoffmann J.* Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941//Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». München-Zürich. 1991. S.367 — 388; *Хоффман Й.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год//Отечественная история. 1993. № 4. С.19 — 31; *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. Пер. с нем. М.,2006. С.25 — 93.
- xiii *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.,1992; *Суворов В.* День-М: Когда началась Вторая мировая война? М.,1994; *Суворов В.* Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? М.,1995; *Суворов В.* Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М.,1998; *Суворов В.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М.,2000.
- xiv Цит. по: *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939 — 1941 гг. М.,1992. С.283.
- xv *Фёрстер Ю.* Историческое место операции «Барбаросса»//Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М.,1996. С.490.
- xvi Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып.18. М.,1960. С.134; Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.30 — 32; Отечественная история. 1993. № 4. С.24 — 25; *Фёрстер Ю.* Указ. соч. С.494 — 495.
- xvii *Гитлер А.* Моя борьба. Ашхабад. 1992. С.565.
- xviii *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. Пер. с нем. М.,1980. С.28; *Филлипи А.* Припятская проблема. Пер. с нем. М.,1959. С.25 — 56; *Вегнер Б.* Основные черты стратегии Германии в войне с Советским Союзом//Россия и Германия в годы войны и мира (1941 — 1995). М.,1995. С.99 — 101.

Е.С. Сенявская

Фронтное поколение Великой Отечественной войны как феномен XX века*

Любая война через непосредственных ее участников, отличающихся совокупностью особых социально-психологических характеристик, влияет на целое поколение современников. И все же понятие «фронтное поколение» в XX веке мы прочно связываем с одной конкретной войной – Великой Отечественной.

Что же такое «фронтное поколение»? Прежде всего, это обозначение нескольких реальных поколений, ядром которых являются определенные демографические кагорты сверстников, наиболее активно вовлеченных в войну, то есть их объединение в «единое целое» происходит по принципу общности судьбы на весьма важном временном отрезке. При этом «только в переломные моменты развития общества возникает понятие Поколение» и миллионы людей осознают себя таковым. «...Поколение – это люди, которые не просто одновременно живут на Земле, а, поглощенные одной идеей, одновременно действуют. Острое ощущение поколения возникает в периоды народных испытаний, – размышлял бывший пехотный разведчик С.Фрейлих. – ...Великая Отечественная война разбудила самосознание каждого из нас, это она сделала нас поколением, которое теперь называется военным. Она поставила каждого из нас как личность в новое соотношение с Историей и Народом»^{xix}.

Принадлежность к «фронтному поколению» определяется в первую очередь таким вполне материальным критерием, как *массовое участие* в войне военнообязанных определенных возрастных категорий. Причем это участие становится главным фактором становления сознательной личности для военнообязанных младших возрастов, на которых данное событие биографии

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

наложило особый отпечаток в гораздо большей степени, чем на других участников войны, чья личность успела сформироваться в условиях мирного времени. «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта, – писал Константин Симонов. – Молодые люди тогда выросли (я имею в виду духовную сторону этого понятия) за год, за месяц, даже за один бой»^{xx}. С другой стороны, участие в войне должно являться фактором морально-психологического объединения значительного числа людей на основе определенных позитивных ценностей, а сами фронтовики оказывать активное социально-психологическое влияние на целое поколение современников и массовое сознание общества в целом. Наличие всех перечисленных критериев позволяет говорить не просто об участниках войны, а о феномене «фронтowego поколения». Но далеко не всякая война его формирует: для этого требуются особые исторические условия.

Так, у нас в стране не было поколения русско-японской войны. Крайне непопулярная в обществе, она стала фактором не объединения, а раскола, породив революцию 1905 г. К тому же это была проигранная война, поражение в которой воспринималось как национальный позор, и общество стремилось поскорее вытеснить ее из своего сознания и исторической памяти.

Во многом иной была Первая мировая война, в ходе которой через фронтовые части были пропущены огромные массы людей и прежде всего молодежи. Но и она не привела в России к формированию фронтowego поколения, прежде всего потому, что переросла в войну Гражданскую, расколов и общество в целом, и недавних товарищей по оружию на два смертельно враждебных лагеря, в котором не было и не могло быть места единому мироощущению. Было лишь формирование массовой психологии «человека с ружьем», готовности решать все проблемы самым простым и радикальным способом - силой оружия. Зато в общественном сознании советских людей утвердилось представление о поколении участников Гражданской войны, которое отождествлялось с победителями-«красными». Но это принципиально иной феномен, нежели феномен поколения, сражающегося с внешним врагом.

Не могли сформировать «фронтowego поколения» и небольшие локальные конфликты конца тридцатых годов, хотя бы в силу малочисленности их участников. Даже война в Афганистане 1979-1989 гг., при всей ее значимости и длительности, также не привела к его появлению. Она велась на чужой территории, в условиях информационной блокады, и в течение многих лет почти не влияла на общественное сознание внутри страны, а на заключительном этапе, в угоду политической конъюнктуры, получила резко негативную оценку в политических кругах и средствах массовой информации, сформировавших соответствующее отношение в обществе. Кроме того, из каждой возрастной группы призывников в Афганистан попадала относительно небольшая часть, и здесь можно говорить не о поколении, а лишь об особой социальной категории воинов-«афганцев» - ветеранов этой войны.

Почему же именно с Великой Отечественной войной мы прочно связываем понятие «фронтowego поколения»? В ней, в отличие от других войн России в XX веке, речь шла не о каких-то относительно узких стратегических, экономических и геополитических интересах, а о самом выживании российского (советского) государства и населявших его народов. Тогда, как это бывает лишь в определенных исторических условиях, совпали интересы народа, страны и государственной системы, миллионы людей ощущали, что в их руках судьба Родины, «и вели себя

соответственно этому представлению, чувствуя себя *гражданами* в полном и подлинном смысле этого слова...»^{xxi}. Многие фронтовики вспоминают Великую Отечественную как время духовного и нравственного очищения, ибо нигде они не чувствовали себя так свободно, раскованно, независимо от системы, как на передовой, за «четыре шага» от смерти.

Война на многое заставила взглянуть по-другому, «самым суровым образом возвращала не только к горькой действительности, но и к подлинным ценностям и реальным представлениям, требовала сознательного выбора и самостоятельных решений. Без этого невозможно было одолеть врага»^{xxii}. На прочность проверялись слова, принципы, убеждения. И не только они. «Там, на войне, – вспоминает бывший командир пехотного взвода В.Плетнев, – я научился ценить и понимать людей. Ведь на переднем крае с особой быстротой раскрывались их самые ценные качества, шла проверка каждого не только на стойкость, но и на человечность, а вместе с тем сразу выявлялись и подлость, и трусость, и шкурничество. За короткий срок, если не разумом еще, то чувством, постигались истины, к которым человечество шло иногда столетиями»^{xxiii}. Во всяком случае, за четыре года войны к этим истинам приблизились гораздо больше, чем за несколько предвоенных десятилетий.

Каждый исторический период накладывает свой отпечаток на людей, особенно на тех, чья личность в это время только еще формируется. «Современники определенной эпохи, принадлежащие к одному символическому поколению, не обязательно являются *сверстниками*. “Поколение Великой Отечественной войны” включает и тех, кому в 1941 г. было 17 лет, и тех, кому исполнилось 25. Однако жизненный путь тех, кто пошел на фронт прямо со школьной скамьи, не успев приобрести ни профессии, ни семьи, существенно отличается от судьбы тех, кого война застала уже взрослыми»^{xxiv}. Прошлый жизненный опыт оказывает огромное влияние на поступки людей, стиль их поведения, так же как и отсутствие подобного опыта.

Следует учитывать, что в войну вступила армия, весьма разнородная по своему социальному и возрастному составу, уровню образования и военной подготовки. К началу Великой Отечественной войны, то есть на 22 июня 1941 г., в Красной Армии и Военно-Морском Флоте состояло по списку 4,8 млн. военнослужащих. Кроме того, на довольствии в Наркомате обороны находилось около 75 тыс. человек, проходивших службу в формированиях других ведомств. Еще 805 тыс. военнообязанных находились на «Больших учебных сборах» и были включены в списочную численность войск с объявлением мобилизации. При этом на западных границах в июне 1941 г. было сосредоточено 2,9 млн. человек – столько на начало войны составила действующая армия^{xxv}. Основную массу рядовых кадровой армии составили призывники 1919–1922 гг. рождения. С началом войны и двумя массовыми мобилизациями личный состав советских Вооруженных Сил стал более разнородным. За две первые военные мобилизации (в июне и августе 1941 г.) были призваны военнообязанные старших возрастов – с 1890 по 1918 гг. рождения и молодежь 1923 года. Однако в частях народного ополчения, многие из которых влились в действующую армию, оказывалось немало лиц и старше 50 лет.

Особенно различен был жизненный путь, во многом определявший мировоззренческие установки людей разных поколений. Так, если поколение 1890–1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было участником

либо свидетелем Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, поколение 1905–1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события нэпа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией. Все они были современниками репрессий второй половины 1930-х гг. На различные поколения по-разному повлияли внешнеполитические акции СССР – присоединение Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии; война с Финляндией. Так, часть предвоенной кадровой армии (поколение 1919–1922 гг. рождения) непосредственно участвовала в ряде последних событий. Для младшего поколения, начиная с 1923 г. рождения, именно война стала временем личностного становления, главным фактором, формировавшим его гражданскую зрелость. За плечами мальчишек 1923–1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта, а потому меньшее значение имело социальное происхождение, меньшим был и разрыв в уровне образования, большее влияние на мировоззрение оказали идеологические установки сталинского режима, при котором они родились и выросли. Именно они составили основу «фронтowego поколения».

Всего за четыре года войны было мобилизовано (за вычетом повторно призванных с освобожденных от оккупации территорий) 29,5 млн. человек, то есть вместе с кадровым составом в армию, на флот и в военные формирования других ведомств было привлечено 34,5 млн. человек. Из них свыше одной трети (33%) ежегодно находились в строю (где состояло по списку 10,5–11,5 млн. чел.), причем половина этого личного состава (5,0–6,5 млн. чел.) проходила службу в войсках действующей армии, то есть воевала на советско-германском фронте. За годы войны из Вооруженных Сил убыло по различным причинам в общей сложности 21,7 млн. человек, или 62,9% общего числа всех призывавшихся и состоявших на военной службе. Более половины этой убыли составили безвозвратные потери^{xxvi}. При этом следует отметить, что кадровый состав Действующей Армии почти полностью погиб или оказался в плену в начале войны^{xxvii}. И та армия, которая дошла до Берлина, состояла в основном из людей ранее гражданских, в большинстве своем никогда не державших в руках оружие и взявшихся за него, чтобы защитить свою страну.

На войну шли разные люди – по воспитанию, по характеру, по судьбе. Но именно война всех сблизила, объединила – общей бедой, перед лицом общего врага. Без такого духовного, нравственного единения победить было бы невозможно. В этом единении и есть та целостность фронтowego поколения, которая позволяет отнести к нему представителей различных возрастных когорт, принимавших участие в Великой Отечественной.

Исход любой войны в конечном счете всегда определяют люди. Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии показала это с особой ясностью. Тогда на чашу весов истории легло соотношение всего комплекса экономических, политических и стратегических факторов противоборствующих сторон, но морально-психологическое превосходство советского солдата оказалось самым весомым. Война затронула каждого советского человека, заставила обратиться к национально-патриотическим традициям, подняться выше социальных и личных обид. И завершилась она победоносно. С нее возвращались солдаты-победители, в полном смысле слова спасшие Отечество, и гордое чувство причастности к этой Победе сыграло не последнюю роль в формировании «фронтowego поколения» – «поколения победителей». При этом сам социально-психологический феномен этого поколения

в его целостности и историческом развитии в годы войны можно по праву считать одним из решающих факторов Победы над врагом.

^{xix}Фрейлих С. Поколение // Коммунист. 1988. № 7. С. 43-44.

^{xx} Война: день за днем... Беседа с писателем К.Симоновым // Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 147.

^{xxi} Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 113, 123.

^{xxii} Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988. С. 411-412.

^{xxiii} Гуськов С. Если останусь жив. М., 1989. С. 215.

^{xxiv} Кон И.С. Психология юношеского возраста. (Проблемы формирования личности). М., 1979. С. 12.

^{xxv} Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 139; Россия и СССР в войнах XX века: Статическое исследование. М., 2001. С. 218-219.

^{xxvi} Гриф секретности снят. С. 139.

^{xxvii} По данным Красного Креста, к концу 1941 г. фашистские войска захватили в плен 3,8 млн. советских солдат и офицеров. - См.: Аргументы и факты. 1990. № 6. С. 8. А всего за годы войны, по последним официальным данным, пропало без вести и захвачено в плен 4 млн. 559 тыс. военнослужащих Красной Армии. - См.: Известия. 1998. 25 июня; Россия и СССР в войнах XX века. С. 248.

И.В. Быстрова

«Большая тройка» в 1941-1945 гг.: дискуссионные проблемы

В отечественной и зарубежной историографии проблема взаимоотношений между союзниками по антигитлеровской коалиции в 1941-1945 гг. освещалась как часть истории Второй мировой войны. Основное внимание уделялось военно-политическим, дипломатическим аспектам взаимоотношений союзников.

Коснемся одной из острых дискуссионных проблем, связанных с историей взаимоотношений союзников в годы Второй мировой войны – какая из сторон внесла решающий вклад в Победу. Известно, что в западной литературе – как научной, так и в особенности популярной и учебной, решающее значение придается действиям англо-американских союзников, в отечественной литературе – как советской, так и современной российской, проводится тезис о решающем вкладе СССР в Победу над фашистским блоком.

Необходимо подчеркнуть, что Вторая мировая война носила коалиционный характер. Блоку стран «Оси» - Германии, Италии и Японии - противостояла антигитлеровская коалиция. Боевые действия развернулись фронтах, отстоявших друг от друга на десятки тысяч километров - на европейском, азиатском на африканском театрах войны, на Средиземном море, в Атлантике и на Тихом океане. В Европе основным был советско-германский фронт, в Азии — американо-японский. Антигитлеровская коалиция - Большой союз — уникальное явление в мировой истории. В борьбе против агрессора объединились государства с различными социально-политическими системами, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции Большого союза явились страны «Большой тройки» - Великобритания, СССР и США. Важная роль в Большом союзе принадлежит Китаю, Франции, Канаде и ряду других стран.

Можно высказать предположение, что каждая из крупнейших стран, участвовавших в антигитлеровской коалиции, вела «свою войну». Главным противником СССР в этой войне была фашистская Германия, а для США и Великобритании это была прежде всего Япония. На протяжении первого периода войны, включая 1942 год, англо-американцы несли тяжелейшие потери, потерпели поражения в ряде крупных сражений на Тихом Океане и с Северной Африке. СССР

одержал судьбоносную победу в битве за Москву, но в целом период с июня 1941 до конца 1942 г. стал для нашей страны периодом тяжелейших поражений и потерь.

На протяжении всей войны США пытались всячески склонить СССР к вступлению в войну с Японией, но СССР твердо соблюдал пакт о нейтралитете, заключенный с этой страной в апреле 1941 г. – война на два фронта была немыслима. В свою очередь, попытки СССР склонить англо-американских союзников в открытию второго фронта в Европе в 1941-1943 гг. также не увенчались успехом. Союзники по-своему понимали «второй фронт» - то как военные действия в Северной Африке, то воздушные бомбардировки Германии, и ее сателлитов, то предлагали высадку на Балканах, сообразуясь со своими военными и политическими интересами.

При этом следует подчеркнуть, что в условиях ожесточенной войны “не на жизнь, а на смерть” задачи единства в общей борьбе в целом преобладали над противоречиями внутри “Большой тройки”. Важнейшие совместные решения принимались на конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране (1943), Ялте и Потсдаме (1945). Страны «Большой тройки» вели совместные военные операции. Первой стратегической операцией стала совместная высадка англо-американских войск в Северной Африке (ноябрь 1942 г.), разгром итало-германских армий в Тунисе, а после их поражения в Италии - фактическое прекращение боевых действий на Средиземном море.

Наиболее крупным достижением коалиции явилась координация военных усилий в Европе в связи с высадкой союзников в Нормандии (июнь 1944 г.). Параллельно с высадкой Красная Армия предприняла согласованное с западными союзниками стратегическое наступление, а затем наступление в январе 1945 г. между Вислой и Одером, ускоренное с целью поддержки англо-американских войск, подвергшихся неожиданному удару германских войск в Арденнах. На Дальнем Востоке значительный вклад в разгром Японии внес на заключительном этапе войны Советский Союз. Вооруженным силам США на этом театре оказывали содействие многие страны Большого союза. Совместные боевые действия сократили потери армий антигитлеровской коалиции и способствовали разгрому агрессоров.

На оперативно-тактическом уровне взаимодействие достигалось совместной охраной конвоев с военными и другими грузами, которые направлялись из США, Великобритании и Канады в СССР, их морским и авиационным прикрытием (с ВМФ и ВВС Великобритании), использованием советских авиабаз для челночных бомбардировок территории противника (ВВС США), разработкой совместного плана дезинформации (операция «Бодигард»), обменом сведениями разведки, контактов военных миссий.

В целом победа антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне была достигнута совместными усилиями, и не следует противопоставлять союзников друг другу в стремлении показать только роль «своей стороны» в достижении общей Победы – это упрощает и примитивизирует историю Второй мировой войны как гигантского военного столкновения, которое перемолотило судьбы миллионов людей, перекроило границы, привело к кардинальному изменению расстановки сил в мире.

К числу дискуссионных необходимо отнести проблематику, связанную с военно-экономической помощью союзников СССР, прежде всего со стороны США

по программе ленд-лиза. В 1990-е годы появился ряд новых исторических исследований по проблеме военно-экономической помощи СССР со стороны США в рамках программы ленд-лиза. Эта проблема до сих пор вызывает дискуссии: ряд авторов считает, что вклад ленд-лиза в победу СССР над фашистской Германией был незначителен (основываясь на официальных цифрах, согласно которым доля этих поставок в советском военном производстве составила 4 %), другие придают военно-экономической помощи гораздо больший вес, отмечая, что по ряду аспектов поставки были незаменимы по своему значению (например, поставки продовольствия, грузовиков, ряда станков, которые в СССР не производились; в области военного имущества уникальными были поставки радиооборудования, десантных судов, очень существенными – поставки боевых самолетов и кораблей, а также авиационного бензина)^{xxviii}.

На наш взгляд, в этом вопросе, как и в предыдущем, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роль военной помощи союзников, а изучать эту проблему объективно, по мере открытия новых архивных документов (отечественные архивные коллекции еще пока не полностью доступны для исследователей).

Далее следует подчеркнуть, что между союзниками имелись немалые противоречия. Проблема взаимонепонимания между союзниками коренилась и в различии их менталитета, и во взаимном недоверии. В последние годы получило развитие новое направление в отечественной историографии, связанное с изучением проблемы взаимовосприятия России и зарубежных стран, в том числе и применительно к отношениям между народами СССР, США и Великобритании во время войны. В этом ряду необходимо выделить серию сборников «Россия и внешний мир», а также работы А.В.Голубева по проблеме формирования «образа союзника»^{xxix}.

Следует отметить также ряд работ отечественных американистов. Так, проблемы общественного мнения США в отношении к войне и СССР как союзнику изучались в работах Р.Ф.Иванова и Н.К.Петровой^{xxx}. Личные взаимоотношения между И.В.Сталиным, Ф.Рузвельтом, У.Черчиллем, изучаются в работах В.О.Печатнова.

Личные отношения между лидерами «Большой тройки» – И.В.Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом, У. Черчиллем – изучались в мировой исторической литературе с 1950-х годов до наших дней^{xxxi}. В последние годы увидел свет ряд отечественных и зарубежных документальных публикаций, так или иначе касающихся личных взаимоотношений лидеров «большой тройки» в годы Второй мировой войны (в этом ряду можно отметить публикации Ржешевского О.А., А.Борисова, Е.Я. Трояновской и др.). Большое историческое значение имела публикация официальной переписки между тремя лидерами еще в годы холодной войны. В последние десятилетия в связи с открытием архивов были преданы гласности новые документы по этой проблематике как в России, так и за рубежом^{xxxii}.

В течение военных лет «лед недоверия» между союзниками не растаял до конца, противоречия тлели под оболочкой дружбы и сотрудничества. Тем не менее, война сформировала своеобразную модель неформальных отношений «лидер к лидеру», «народ к народу», «человек к человеку» между СССР и странами Запада. «Простые люди» в странах-союзниках, вступавшие в личные контакты, больше узнавали друг и друге и проникались доверием. Изучение архивных документов позволяет по-новому увидеть как известные исторические личности, их

человеческие качества и взаимоотношения, так и мысли, представления и образы, которые возникали у советских граждан, американцев, британцев в отношении друг друга.

^{xviii} Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941-1945 гг. М., 1997. С.13-24; Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн.1. М., 1998; Ленд-лиз: сотрудничество во имя Победы. Сборник материалов заседания «круглого стола», состоявшегося 14 февраля 2007 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны. М., 2008 и др.

^{xxix} Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг. М., 2008.

^{xxx} Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. М., 1995.

^{xxxi} Edmonds, R. The big three: Churchill, Roosevelt and Stalin in peace & war. New York: Norton, 1991; Feis, H. Churchill, Roosevelt, and Stalin: the war they waged and the peace they sought. Princeton, 1957; Fenby, J. Alliance: the inside story of how Roosevelt, Stalin and Churchill won one war and began another. San Francisco: MacAdam Cage, 2006; Larres, K. Churchill's Cold War: the politics of personal diplomacy. New Haven: Yale Univ. Press, 2002; Rees, L. Pact with the devil: Stalin and the West in World War II. New York: Pantheon Books, 2008; Stewart, V. Three against one: Churchill, Roosevelt and Stalin vs. Adolph Hitler. Santa Fe: Sunstone Press, 2002; Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт. Труды: СССР и США в 1940-х годах. Москва, 2006.

^{xxxii} Allen T.B. Declassified: 50 top-secret documents that changed history. Washington, D.C.: National Geographic, 2008; The secret history of World War II: the Ultra-secret wartime letters and cables of Roosevelt, Stalin and Churchill. New York: Richardson & Steirman, 1986; Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии. 1941-1945. Москва, 2004; Секретная переписка между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Москва, 2005 и др.

Б.Л. Хавкин

Российская историография германского антигитлеровского сопротивления

Что такое Сопротивление?

Сопротивление национал-социализму – тема современной истории, которая и в XXI веке будет вызывать общественный резонанс. «Сопротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое», - этот тезис немецкого историка П. Штайнбаха разделяют российские ученые

Прежде, чем говорить о российской историографии германского Сопротивления, дадим определение этого понятия.

Движение Сопротивления – это, прежде всего, проявление активного неприятия агрессивного, террористического, авторитарного или тоталитарного режима, навязывающего обществу и государству идеологию расовой или классовой исключительности, режима, попирающего демократические права и свободы и создающего военную угрозу миру. Сопротивление – это борьба населения оккупированных территорий против иностранной агрессии; это открытое или тайное, личное или групповое морально-этическое, религиозное, идеологическое, экономическое, политическое, военное противодействие правящей системе, которая воспринимается участниками Сопротивления как преступная. Участие в Сопротивлении - поступок высоко нравственный, но рассматриваемый политическим режимом, против которого направлено Сопротивление, как государственное преступление^{xxxiv}.

Разумеется, в Германии и России - странах, переживших в XX веке самые страшные в своей истории диктатуры – нацизм и сталинизм, преодоление

прошлого шло и идет по-разному^{xxxv}. Однако исторический опыт Сопротивления в обеих странах имеет много общего. Советский коммунистический и германский национал-социалистический «особые пути», при всех их различиях, тесно переплетались между собой^{xxxvi}. История антинацистского Сопротивления в Германии актуальна и для России: в ней отражаются острые проблемы не только германского, но и российского восприятия прошлого.

Для советских историков изучение германского антигитлеровского Сопротивления было своего рода сублимацией: в советской историографии было невозможно открыто писать о Сопротивлении в СССР против Сталина.

К германскому антигитлеровскому Сопротивлению в СССР и России всегда относились заинтересовано. Оно служило примером (положительным или отрицательным, но обязательно находящимся в поле зрения) для решения острых вопросов русского прошлого, которые перекликались с актуальными проблемами германской истории. Среди них: преодоление тоталитарного наследия; несоответствие права и морали; различие между государством и Родиной; осознание и реализация права на Сопротивление; соотношение между патриотизмом и коллаборационизмом.

Во время «холодной войны» история германского Сопротивления была одним из участков фронта политико-идеологической конфронтации между Востоком и Западом. Если на Западе в качестве примера «другой Германии» рассматривались консерваторы и церковная оппозиция, то для Советского Союза олицетворением Сопротивления были немецкие коммунисты.

В послесталинские времена в СССР изучались такие аспекты германского Сопротивления, как коммунистическое Сопротивление (Д.С. Давидович^{xxxvii}, А.С. Бланк^{xxxviii}, Л.И. Гинцберг и Я.С. Драбкин^{xxxix}), Сопротивление военнопленных, узников и принудительных рабочих (Е.А. Бродский^{xl}), Национальный комитет «Свободная Германия» и «Красная Капелла» (А.С. Бланк^{xli}), «Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.» (Л.А. Безыменский^{xlii}, Д.Е. Мельников^{xliii}). Почти все представители старшего поколения советских историков Сопротивления участвовали в Великой Отечественной войне в рядах Красной Армии или НКВД в качестве немецкоязычных пропагандистов, политработников, разведчиков и контрразведчиков. Работы советских историков-фронтовиков, несмотря на ограниченность источников, коммунистический пафос и идеологическую пристрастность, отличала ясная и последовательная антифашистская позиция, что делает эти труды актуальными для читателей.

Современная российская историография германского Сопротивления^{xliv} базируется на фундаменте советской исторической науки. Почти все исследователи, сегодня занимающиеся этими проблемами, формировались еще в советские времена. Их путь в науку начинался в период горбачевской «гласности» и ельцинской «свободы слова». Воссоединение Германии и распад СССР, «архивная революция» в России, «спор историков» в ФРГ, дискуссии о «преодолении прошлого» – эти события отложили отпечаток на их творчество.

В современной российской историографии на основе новых источников произошла переоценка исторической роли германского Сопротивления. Как подчеркивает российский историк А.И. Борозняк, движение Сопротивления в Германии в 1933-1945 гг. никогда не было общенациональным массовым и народным, однако оно было значительно шире, чем это ранее представлялось и во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого»^{xlv}.

Историки немецкого Сопротивления внесли в русский исторический дискурс понятие «преодоление прошлого», понимая под этим «не только критическое дистанцирование от периода 1933-1945 гг., но и, прежде всего, - усвоение его глубинной сущности, извлечение уроков из истории нацистской Германии, формирование гарантий от повторения трагедии гитлеризма»^{xlvi}.

Мы проследим тенденции развития современной российской историографии германского Сопротивления на примере следующих тематических комплексов: «Коммунистическое Сопротивление», «Сопротивление спасателей, военнопленных, узников концлагерей и принудительных рабочих», «Красная Капелла», «Национальный комитет “Свободная Германия”», «Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.».

Коммунистическое Сопротивление

В последние годы тематика «немецкого коммунистического Сопротивления», которая в советские времена господствовала в отечественной литературе, почти исчезла из поля зрения российских историков, несмотря на то, что перестроечные тенденции «гласности» и устранения «белых пятен» в истории были особенно заметны в этом тематическом комплексе.

В качестве примера литературы «периода гласности» о «коммунистическом Сопротивлении» можно назвать публикацию источников, осуществленную В.С. Рыкиным и мной: письма вождя немецких коммунистов Э.Тельмана, написанные в 1939-1941 гг. в нацистских застенках и адресованные Сталину и Молотову^{xlvii}.

Эти 24 письма хранились в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС (ныне – Архив Президента Российской Федерации) с пометой «секретно» и в начале 1990-х годов наряду с другими тайными страницами истории были преданы огласке.

Источник знакомит нас с политическими соображениями и личными впечатлениями Тельмана. Мы узнаем о неустанных попытках его жены Розы установить связь между заключенным председателем КПП и внешним миром. Роза Тельман тайно выносила письма своего мужа из ганноверской тюрьмы и передавала их в советское полпредство в Берлине, откуда они и были доставлены в Москву.

Анализ источника позволяет, в частности, проследить, как изменялось отношение Тельмана к пакту Молотова-Риббентропа. С одной стороны, Тельман, подобно многим заключенным нацистами коммунистам, надеялся на скорое освобождение в связи с потеплением отношений между Берлином и Москвой. «Вопрос о моем освобождении теперь, вероятно, близок. Я твердо уверен в том, что во время переговоров в Москве между Сталиным и Молотовым... Риббентропом и графом Шуленбургом... этот вопрос также обсуждался», - писал Тельман^{xlviii}.

С другой стороны, Пакт о ненападении и последовавший за ним Договор о дружбе и границе поставили председателя КПП в затруднительное положение, так как полностью противоречили проводившейся ранее СССР и Коминтерном и безоговорочно поддерживавшейся Тельманом политике. Но Тельман одобрил германо-советскую «дружбу». Более этого, он пытался объяснить читателям своих писем, почему он заранее не предусмотрел такой поворот событий. Тельман стремился убедить сомневавшихся коммунистов занять правильную, т.е. соответствующую интересам СССР, как их понимали Сталин и Молотов, позицию.

Реакция Сталина на письма Тельмана, ожидавшего «активного вмешательства русских друзей» в дело своего освобождения и рассматривавшего

СССР как свою “новую родину”^{xlix}, была краткой и ясной: ”В архив. И. Сталин”. Сталин не хотел омрачать советско-германскую “дружбу” просьбой к Гитлеру об освобождении руководителя немецких коммунистов¹. Сталину не нужен был Тельман в Москве; политически выгоднее было оставить его в нацистском застенке. Сталин предпочел Тельману Гитлера.

Сопrotивление спасателей. Сопrotивление военнопленных, узников и принудительных рабочих

Новая тема российской историографии – Сопrotивление спасателей. Единственная посвященная немцам-спасателям и помощникам евреев работа – это изданная по-русски книга недавно умершего в Германии историка С. Мадиевского «Другие немцы»^{li}.

Сопrotивление военнопленных, узников и принудительных рабочих за последние годы изучено относительно хорошо. Основателем этого направления советской историографии был историк Е.А. Бродский, который занимался историей Сопrotивления с середины 60-х годов. В конце 80-х – начале 90-х годов Е.А. Бродский открыл тайну Пауля Тимора, основателя Боевого союза антифашистов в Эссене. Пауль Тимор – это псевдоним советского военнопленного Павла Бурлаченко, который после своего освобождения из нацистского плена получил в СССР 15 лет лагерей^{lii}.

В историографии СССР было не принято сравнивать положение советских военнопленных в Третьем рейхе и судьбу немецких военнопленных в СССР. Советские историки справедливо осуждали преступления нацистов в отношении советских военнопленных. При этом они обычно умалчивали о том, что на войне преступления совершались по обе стороны фронта. Одним из немногих советских свидетелей, который писал не только о преступлениях нацистов, но и о жестокостях советских военных в отношении мирного немецкого населения, был классик русской германистики Л.З. Копелев, который был лишен советского гражданства и жил и работал в ФРГ^{liii}.

В то время как советские историки обвиняли своих западных коллег в необъективности, они сами не всегда были достаточно объективны^{liv}. Единственной написанной в СССР, но опубликованной в ФРГ работой о немецких военнопленных была монография А.С. Бланка. Не смотря на то, что в этой работе отражались многие пропагандистские стереотипы советской историографии^{lv}, важнейшие положения этой книги удалось издать на русском языке лишь во времена «перестройки»^{lvi}.

Попытка всестороннего комплексного сравнительного исследования положения советских военнопленных в «Третьем рейхе» и судьбы немецких военнопленных в СССР в современной российской историографии еще не предпринята. Однако работы по этой теме уже есть^{lvii}. Изучение истории военного плена развивается в России в направлениях региональной истории^{lviii} и истории лагерей^{lix}.

Новой сенсационной архивной находкой в изучении Сопrotивления было открытие протоколов допросов в гестапо члена мюнхенской группы «Белая Роза» А. Шмореля. Эти документальные источники хранятся в Российском государственном военном архиве в Москве. В 2005 г. протоколы допросов А. Шмореля были опубликованы оренбургским историком И.В. Храмовым в виде факсимильного издания на русском и немецком языках. Эта безупречная в научном

плане публикация источника определяет направление развития исследований по истории немецкой антигитлеровской оппозиции в России^{lx}.

"Красная капелла"

К важным задачам российской историографии немецкого Сопротивления относится изучение тематического комплекса „Красная капелла“. До конца 80-х годов почти все публикации по истории „Красной капеллы“ в СССР базировались на иностранных источниках и литературе. Изучение источников из отечественных архивов было невозможно вследствие строгой секретности этих документов.

Однако в результате архивной революции в России 1991–1993 годов многие источники, например, советские оригиналы советских секретных документов советско-германских соглашений 1939–1941, объявленные в СССР не существующими, были преданы огласке^{lxi}.

В архиве Президента РФ во время «архивной революции» были открыты фонды, содержащие информацию, поступавшую от руководителей «Красной Капеллы» - сотрудника имперского министерства экономики Германии д-ра А. Харнака и офицера министерства люфтваффе Х. Шульце-Бойзена. В первой половине 1941 г. Харнак и Шульце-Бойзен предупреждали Советский Союз о подготовке гитлеровского нападения на СССР. Информация советской внешней разведки, основанная на данных «Красной Капеллы», была передана лично Сталину, который проигнорировал и это сообщение^{lxii}.

В Центральном архиве ФСБ России хранятся протоколы допросов высокопоставленных сотрудников гестапо и абвера – Г. Паннвица, Ф. фон Бентивегни и Ф. Панцингера, которые в советском плену были допрошены контрразведкой «Смерш» по делу «Красной Капеллы».

Важный источник по «Красной Капелле» - следственные и реабилитационные дела участников «Красной Капеллы», которые были в СССР после войны объявлены «шпионами» и «предателями», а спустя многие годы - реабилитированы. Среди них - советские офицеры-разведчики Л. Треппер, Ш. Радо, А. Гуревич, а также борцы немецкого Сопротивления Й. Венцель, Р. Дюббендёрфер, П. Вётхер и другие. ЦА ФСБ России и Главная военная прокуратура РФ содержат обширный массив документов по этой теме. Например, объединенное следственное дело А. Гуревича и Л.Треппера из ЦА ФСБ содержит 12 томов.

Большой массив документов по «Красной Капелле» хранится в архиве СВР России. Материалы советского разведчика А.М. Короткова содержат не только информацию о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР, но и радиограмму ГРУ от 26 августа 1941 г. – распоряжение резиденту ГРУ в Брюсселе А.М. Гуревичу (псевдоним – «Кент»^{lxiii}), направиться в Берлин для восстановления радиосвязи с берлинской группой немецких антифашистов. Берлинская группа «Красной Капеллы» рассматривалась советской стороной как важный источник информации. В архиве ГРУ хранятся также радиограммы, излагающие содержание разговоров между „Кентом“ и Шульце-Бойзеном в Берлине в ноябре 1941 г.

С 1941 г. советские спецслужбы и их сегодняшние российские преемники пытаются создать впечатление, что немецкие антифашисты, в особенности из группы Харнака и Шульце-Бойзена, были советскими агентами и возглавляли обширную советскую разведывательную сеть в западной Европе^{lxiv}.

Однако это противоречит самосознанию немецких борцов Сопротивления и

их антигитлеровской деятельности. Разочаровавшись политикой Запада в период мюнхенского сговора и поражением Франции в войне, Харнак и Шульце-Бойзен видели в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять Гитлеру.

Хотя Харнак и Шульце-Бойзен сотрудничали с советской разведкой, они не считали себя ее берлинским отделением или агентами Москвы. У немецких антифашистов были свои цели, вытекавшие из их опыта Сопротивления и оценки СССР как союзника немецких противников Гитлера в борьбе против нацистского режима. Немецкие антифашисты не были оплачиваемыми источниками и агентами, они стремились к равноправному сотрудничеству с советской стороной. Поэтому было бы правильней рассматривать «Красную Капеллу» не в качестве агентов Москвы, а как немецких партнеров СССР по антифашистской борьбе.

Эта новая интерпретация характера отношений между Москвой и «Красной Капеллой» на основе новых источников была представлена берлинским историком Г. Коппи и московскими авторами Ю.Н. Зорей и Б.Л. Хавкиным^{lxv} и поддержана бывшим офицером советской разведки и историком спецслужб В.Л. Пещерским^{lxvi}.

Правильность определения «Красной Капеллы» не в качестве агентурной сети Москвы, а как организации немецкого антигитлеровского Сопротивления, подтверждает и ее деятельность, не связанная с разведкой, а зачастую и противоречащая правилам поведения разведчика: написание прокламаций, распространение листовок, привлечение новых сторонников.

В литературе дискутируется вопрос о причинах разоблачения «Красной Капеллы». Однако ее провал был неизбежен – это был всего лишь вопрос времени. Чекисты воспринимали «Красную Капеллу» как «спящую агентурную сеть», которая должна была давать информацию «любой ценой», в том числе и ценой жизни антифашистов. Осенью 1941 г., передав брюссельскому резиденту «Кенту» радиограмму, содержащую телефонные номера и берлинские адреса А. Кукгофа и Х. Шульце-Бойзена, с тем, чтобы «Кент» посетил их в Берлине и восстановил связь, Центр поставил под удар существование берлинской группы Сопротивления. После того как германская служба радиоперехвата расшифровала эту радиограмму, а такую возможность должны были учитывать в Москве, гестапо осенью 1942 г. раскрыло «Красную Капеллу» и приступило к арестам ее членов.

Российские источники по «Красной Капелле» не подтверждают мнение о берлинской сети «Красной Капеллы» как самой большой советской разведывательной организации в Германии во время Второй мировой войны. Утверждение о «500 радиограммах преимущественно военного содержания, которые только лишь берлинская группа радиовала в Москву»^{lxvii}, не подтверждается фактами.

Разумеется, история немецкого Сопротивления не может быть написана лишь по архивам советских органов госбезопасности^{lxviii}. Однако документы этих архивов при их критическом изучении являются важным источником для дальнейшего изучения проблемы.

Национальный комитет „Свободная Германия“ и „Союз немецких офицеров“

Со времен «гласности» в СССР движение Сопротивления рассматривалось не с позиций классовой борьбы, а с точки зрения общечеловеческих ценностей: человеческих отношений, свободы, гуманизма. При этом в центре внимания оказались проблемы, которые не изучались ранее, например, аспекты личных

отношений между участниками немецкого Сопротивления.

В качестве примера можно привести политические биографии немецких пленных генералов, которые участвовали в движении «Свободная Германия», например, фельдмаршала Ф. Паулюса и генерала артиллерии В. фон Зайдлица. Эти биографий написаны А.С. Бланком^{lxxix}, Л.Е. Решиным^{lxxx} и мной^{lxxxi}.

О сложных личных отношениях между этими немецкими военачальниками свидетельствует такой эпизод.

В январе 1949 г. бывший президент созданного в советском плену «Союза немецких офицеров» (СНО) Зайдлиц направил советским властям прошение о репатриации в Восточную зону Германии, чтобы работать там «в сельском хозяйстве, преимущественно по коневодству» и выразил желание взять туда свою семью, проживавшую в английской зоне.

В то же время, начальнику оперативно-чекистского отдела Главного управления военнопленных и интернированных (ГУПВИ) генерал-лейтенанту Кобулову донесли о недопустимых высказываниях бывшего президента СНО: «Я - не политический деятель; я выступал против Гитлера как генерал; Это же было и в интересах англичан и американцев. Я не могу согласиться, что за это англичане могут причинить зло мне или моей семье... Я же не шахматная фигура, которую можно переставлять как угодно»^{lxxii}.

15 ноября 1949 г. Паулюс направил Кобулову письмо, в котором выражал сомнение в том, что Зайдлиц останется в советской зоне^{lxxiii}.

В результате бывший президент СНО был внесен в список «реваншистски настроенных генералов». 24 мая 1950 г. Зайдлиц был арестован, помещен в московскую Бутырскую тюрьму и обвинен в военных преступлениях, которые он лично не совершал. После знакомства с обвинительным заключением Зайдлиц сказал сокамернику: «На суде я скажу всю правду, выступлю как Георгий Димитров». Узнав об этом из доноса сокамерника, Кобулов приказал ускорить «расследование». «Дело» Зайдлица было рассмотрено 8 июля 1950 г. на закрытом судебном заседании военного трибунала войск МВД Московского военного округа без участия защиты и свидетелей. Приговор: 25 лет тюремного заключения. Выслушав его, Зайдлиц сказал: «Лучше бы я умер сразу»^{lxxiv}.

Несмотря на то, что история Национального комитета «Свободная Германия» (частью которого был СНО) хорошо изучена российскими историками, и в этом тематическом комплексе есть свои «белые пятна». Национальный комитет «Свободная Германия» рассматривается не только как центр коммунистической пропаганды, но и как важная составляющая немецкого Сопротивления^{lxxv}.

Интересно проследить, как в историографии Национального комитета «Свободная Германия» российские и германские исследования переплелись между собой. В российских архивах не обнаружено документов, отвечающих на вопрос: кем, когда и как с советской стороны было принято решение о создании НКСГ? Согласно гипотезе первого исследователя истории НКСГ А.С.Бланка, команду об организации комитета, в котором усматривался прообраз будущего антигитлеровского правительства Германии, в СССР мог дать только один человек - Сталин. Эта гипотеза основана на устных воспоминаниях бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП (б) И.Г.Кабина, который в годы войны ведал германскими проблемами. Кабин рассказал Бланку о том, что в июне 1943 г. он, находясь в кабинете секретаря ЦК ВКП (б) начальника Главного политического управления Красной Армии А.С.Щербакова, был свидетелем телефонного разговора

Щербакова со Сталиным. Сталин сказал: "Товарищ Щербаков, немцам пора создать свой антифашистский комитет на широкой основе. Уже пора. Дайте указания и предоставьте необходимые средства для этого". Но ни в одном документе устное распоряжение Сталина зафиксировано не было^{lxxvi}.

В немецкую историографию эта гипотеза попала в пересказе Г. графа фон Айнзиделя^{lxxvii}. Отметим, что российский историк А.А.Крупенников, пересказывая эту гипотезу без упоминания имен Кабина и Бланка и ссылаясь не на российский источник, а на немецкую литературу, пишет о версии Бланка как о "достоверном свидетельстве очевидца"^{lxxviii}. Так пройдя через российскую и германскую литературу и сделав круг, гипотеза возвращается в российскую историографию в виде достоверного исторического факта^{lxxix}.

Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.

Отношение к антигитлеровской оппозиции, особенно к заговору 20 июля 1944 г., - это решающий критерий «преодоления» тоталитарного прошлого как в Германии^{lxxx}, так и в России^{lxxxii}. В годы, прошедшие со времен «гласности», в российской историографии в основном, хотя и не окончательно, преодолены сталинские стереотипы в отношении к антигитлеровской оппозиции 20 июля 1944 г.: она уже не рассматривается как «оппозиция сплошной реакции», «результат деятельности спецслужб США» и попытка «спасти германский империализм от полного поражения»^{lxxxii}.

Новый, объективный взгляд на проблему немецкого антинацистского Сопротивления содержится в подготовленной учеными Института Всеобщей истории РАН работе "Движение Сопротивления в Западной Европе", в которой события 20 июля 1944 г. в Германии рассматриваются как часть европейского антифашистского Сопротивления. Подчеркивается, что «особенно сложной для участников Сопротивления была обстановка в нацистской Германии», что «участники внутригерманского Сопротивления оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу»^{lxxxiii}.

Исследователь из ФРГ К. Финклер отмечал, что в современной России историография заговора 20 июля 1944 г. все еще имеет много "белых пятен", вызванных недоступностью источников, хранящихся в архивах^{lxxxiv}.

По нашему мнению, сложившуюся в России архивную ситуацию по этой проблеме нельзя оценивать как однозначно негативную. В последние годы появилась возможность расширить базу источников по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления за счет новых документов из российских архивов^{lxxxv}.

Согласно российскому закону «О реабилитации жертв политических репрессий» и изменениям и дополнениям к нему^{lxxxvi}, среди подлежащих реабилитации жертв политических преследований были и бывшие военнопленные – граждане России и иностранцы. В процессе их реабилитации в архивах были выявлены новые документы, представляющие научный интерес.

Среди реабилитированных в России иностранных граждан был и германский подданный, майор генерального штаба сухопутных сил (ОКХ), бывший военнопленный Иоахим Кун. Он с сентября 1943 г. принадлежал к

антигитлеровской оппозиции. Его имя стало известно в Германии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Вместе с другими офицерами Кун в 1943 и 1944 гг. приобретал и прятал взрывчатку для Гитлера.

Кун состоял в тесной связи с фактическим руководителем заговора полковником генштаба графом К. Штауффенбергом и активным участником заговора генерал-майором Х. фон Тресковым^{lxxxvii}.

Через неделю после провала заговора, 27 июля 1944 г., Кун перешел линию фронта под Белостоком и добровольно сдался в советский плен.

2 сентября 1944 г., находясь в ГУКР Смерш в Москве на Лубянке, Кун напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания», первый экземпляр которых был направлен в Государственный Комитет Обороны СССР (ГКО)^{lxxxviii}. Документы Куна - уникальный источник и по немецкой, и по российской новейшей истории: Кун был осужден как в «третьем рейхе», так и в СССР - Гитлером как «заговорщик и перебежчик», Сталиным как «военный преступник»^{lxxxix}.

23 сентября 1944 г. начальник ГУК «СМЕРШ» генерал-полковник В.С.Абакумов направил члену ГКО Г.М. Маленкову письмо следующего содержания: «В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Иоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной Армии и в связи с этим объявлен изменником родине... Будучи доставлен в Москву в Главное Управление «СМЕРШ» и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора, либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах... Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора, и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, - не исключена возможность, что он, под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями... Об изложенном доложено товарищу Сталину»^{xc}.

С 12 августа 1944 г. до 1 марта 1947 г. военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и в Бутырской тюрьме в Москве. В феврале 1945 г. офицеры «Смерш» с помощью вывезенного на "особый объект" Куна нашли в Мауэрвальде под Растенбургом (Восточная Пруссия) в расположении бывшего штаба верховного командования сухопутных сил тайник, в котором содержалась секретная документация заговора против Гитлера 1943 г. (Эти документы оставались в России неизвестными до конца 1990-х годов, когда они были опубликованы А.М. Калгановым и мной)^{xcii}.

В 1947 г. Кун был помещен на подмосковную дачу МГБ, где готовился к репатриации в Восточную Германию. В частной беседе Кун, якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам^{xciii}. Разумеется, что после этого о репатриации в Германию Куну пришлось забыть.

Весной 1948 г. Куна вновь поместили в тюрьму. Он содержался в московских тюрьмах^{xciiii}, но юридически в это время арестованным не считался. 30 августа 1951 г. капитану И.С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и

арестовать его «по месту нахождения»^{xciv}. Местом нахождения Куна в это время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 г. - исключением из ВКП (б), снятием с должности, а затем арестом и расстрелом министра госбезопасности СССР Абакумова, которого, среди прочего, обвинили в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 г. новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С.Д. Игнатьев, который стал «наводить порядок» и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы^{xcv}.

Иоахим Кун был обвинен на основании "пункта 1-а статьи II Закона № 10 Контрольного Совета в Германии" и признан виновным "в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР". 17 октября 1951 г. Особое Совещание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен - 27 июля 1944 г.^{xcvi}

Участие Куна в заговоре против Гитлера сталинские следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, "Установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами"^{xcvii}.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. Кун был досрочно освобожден и в январе 1956 г. передан в распоряжение правительства ФРГ. 11 лет заключения превратили его в тяжело больного и морально надломленного человека. С прежними друзьями он никогда более не встречался. «Забытый заговорщик умер в 1994 г. в нищете и забвении в баварском городке Бад Брюкенау. 23 декабря 1998 г. Кун был посмертно реабилитирован в России как жертва политических репрессий.

Документы по делу Куна, опубликованные в России и Германии, открыли новую страницу в изучении заговора немецких военных против Гитлера и его роли в Соппротивлении.

Выводы

Современная российская историография германского Соппротивления вышла из советской исторической школы. Однако за последние 20 лет она преодолела свою идеологическую ангажированность и самоизоляцию от мировой историографии.

В России появились новые интересные исследования тематических комплексов: «Коммунистическое Соппротивление», «Соппротивление спасателей, военнопленных, узников концлагерей и принудительных рабочих», «Красная Капелла», «Национальный комитет "Свободная Германия"», «Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.». При этом внимание уделяется расширению источниковой базы, критике источников и их публикации.

Новой тенденцией развития историографии Соппротивления является ее интернационализация. Возникла традиция совместного российско-германского преодоления совместного прошлого. На этом пути еще предстоит решить много проблем, но цель этого процесса благородна: сохранить для истории память о

людях Сопротивления.

- xxxiii Steinbach P. Widerstand im Widerstreit. Paderborn, 1994, S.19.
- xxxiv Khavkin B. Der deutsche Widerstand gegen den Nationalsozialismus 1933–1945. – Deutsch Kreativ. Moskau, Heft 2/2005, S. 17; Хавкин Б.Л. Предисл. к кн. Граф Карл-Ханс фон Харденберг. Одна из судеб немецкого Сопротивления. М., 2007, с.7.
- xxxv Vatlin A. Terror und Widerstand unter den Bedingungen des Totalitarismus – die sowjetische und die deutsche Erfahrung. - www.rusgermhist.ru/GermRaboti/GermVatlin/Vatlinreportgerm.htm
- xxxvi Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. Stuttgart 2007.
- xxxvii Давидович Д.С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М., 1988.
- xxxviii Бланк А.С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964.
- xxxix Гинцебург Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры М., 1961; Гинцебург Л.И. Отважные бойцы против фашизма. М., 1984; его же. Борьба немецких патриотов против фашизма 1933 – 1945. М., 1987.
- xl Бродский Е.А. Живые борются Москва 1965; его же. Славная страница пролетарского интернационализма Москва. 1980; его же. Забвению не подлежит. М., 1993; его же. Это известно немногим. М., 1996.
- xli Бланк А.С. Национальный комитет "Свободная Германия" – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. Вологда, 1963; Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения "Свободная Германия". М., 1969; Бланк А.С. В сердце "третьего рейха". М., 1974.
- xlii Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1961; его же. Гитлер и германские генералы. М., 2004.
- xliiii Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965.
- xliv Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии XX века. Екатеринбург, 2004, с. 295–315.
- lv Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема "преодоления прошлого". М., 1999.
- lvi Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит, с.14.
- lvii Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939–1941). Предисловие и комментарии В.С. Рыкина и Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 1996. № 6. 1997. №1-2.
- lviii Chavkin B. Briefe Ernst Thälmanns an Stalin und Molotow. Zur Geschichte der Veröffentlichung. – Marxistische Blätter, Н. 1/1998, S. 76.
- lxix Архив Президента Российской Федерации, ф.3, оп.20, д.116, л. 83.
- l Давидович Д.С. Трагические страницы истории КПГ. // Новая и новейшая история, 1990, №4, с. 227; Российский государственный военный архив, ф.33987, оп.3, д.1241, л.61.
- li Мадиевский С.А. Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе. М., 2006.
- lii Brodskij Je. Timor und andere. Sowjetische Zwangsarbeiter im Widerstand und ihr Schicksal nach ihrer Befreiung. – Europa und der "Reichseinsatz". Essen 1991.
- liii Kopelew L. Tröste meine Trauer. Hamburg 1981; Копелев Л. Хранить вечно. М., 1990.
- liv Ржеческий О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР. // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 77–78.
- lv Blank, A.S. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR, Köln 1979.
- lvi Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.
- lvii Kriegsgefangene – Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland – Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Düsseldorf 1995; Chavkin, B. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. In: Europäische Sicherheit, Hamburg–Bonn, Н. 11/1995; Chavkin, B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955. – Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2/1997, S.163–204; Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996; Полян П.М. Черты двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе. М., 1996; Безбородова И.В. Военнопленные второй мировой войны. Генералы вермахта в плену. М., 1998; Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000; Шнейер А. Советские военнопленные в Германии. 1941–1945. Иерусалим. 2005; Всеволодов [В.А. Документы архивов организаций о судьбах угнанных в Германию советских граждан](#) // Отечественные архивы. 2005, №3.
- lviii Епифанов А.Е. Сталинградский плен 1942–1956 гг. Красногорск, 1999; Кузьмичев А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2004; Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.) Екатеринбург, 2006.

- lix Всеволодов В.А. Лагерь УПВИ-НКВД №27 (краткая история) или «Срок хранения – постоянно». М., 2003.
- lx Храмов И.В. Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2001; Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо. Февраль-март 1943 г. Оренбург, 2005.
- lxi Chavkin V. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte, S. 249–279.
- lxii «Т. Меркулову. Можете послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к е... матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.». - Рукописная резолюция И.В. Сталина на записке наркома госбезопасности СССР В.М. Меркулова от 17.VI.1941. - Кириллов И., Мурин Ю., Николаев Г., Сигачев Ю., Степанов А. Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны (1940 - 1941 г.). О подготовке Германии к нападению на СССР. О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР. - Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с.220; Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы», с.175; Chawkin V., Corpi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle. – Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Schriften der Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin 1994, S. 136, Dok. 50, Anm. 103.
- lxiii Зоря Ю.Н., Хавкин Б.Л. Тайна «Кента». Судьба советского разведчика А.М. Гуревича. // Новая и новейшая история. 1993. №5.
- lxiv Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995.
- lxv Chawkin V., Corpi H., Zorja J. Op. cit.
- lxvi Пещерский В.Л. Красная капелла 1935-1941 годы. // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. С. 416-425.
- lxvii Blank A., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler. Berlin 1979, S. 178.
- lxviii Chawkin V., Corpi H., Zorja J. Op. cit., S. 109.
- lxix Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч.
- lxx Reschin L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft. Berlin, 1995.
- lxxi Хавкин Б.Л. Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену// Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004. С. 288–310.
- lxxii Nationalkomitee „Freies Deutschland“ und Bund Deutscher Offiziere, S. 237–238.
- lxxiii Reschiin L. General zwischen den Fronten, S. 244–247.
- lxxiv Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену. // НКСГ – 50 лет М., 1993. С. 181–183.
- lxxv Поиск исторической правды. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР. Красногорск – Москва. 8-9 Октября 2003. М., 2003.
- lxxvi Бланк А. С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. С. 161.
- lxxvii Einsiedel H. Nach fuenfzig Jahren // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M., 1992, S. 263–264.
- lxxviii Крупенников А.А. Политическая обстановка как мотивация патриотической борьбы НКСГ и СНО против Гитлера // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. С. 97.
- lxxix Chavkin V. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte, S. 191–192.
- lxxx Der 20. Juli. Von E. Budde und P. Lütches. Düsseldorf 1952; Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat. Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München 1979; Hoffmann P. Stauffenbergs Freund. Die tragische Geschichte des Widerstandskämpfers Joachim Kuhn. München, 2007; „Spiegelbild einer Verschwörung“. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Hrsg. von H.-A. Jacobsen, Stuttgart 1984; Ritter G. Carl Gördelер und die Deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart 1984; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Hrsg. von P. Steinbach und J. Tuchel. Berlin 1994; Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Hrsg. von G. Ueberschär. Köln, 1994; Achmann K., Bühl H. 20. Juli 1944. Lebensbilder aus dem militärischen Widerstand. Hamburg–Berlin–Bonn 1996.
- lxxxi Finkler K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20. Juli 1944. – In: Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Hrsg. von G. Ueberschär. Köln 1994, S. 38–54; Хавкин Б.Л. Провал операции «Валькирия»// Военная мысль. 2004. № 7; Хавкин Б.Л. Вермахт и немецкое антигитлеровское Соппротивление // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 2.
- lxxxii Бродский Е.А. Заговор 20 июля и социально-политический характер гёрделевской оппозиции. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1949; Майский И.М. К возрождению германского милитаризма. – Вопросы истории, 1955, №5; Деборин Г.А. Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958, с.290; Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1961, с.26, 65,77, 88; Розанов Г.Л. Конец „третьего рейха“. М., 1990, с.70.

-
- lxxxiii Комолова Н.П., Бровко Л.Н., Савина И.С. Идеи и программы Сопротивления.//Движение Сопротивления в Западной Европе 1939-1945. Общие проблемы. М., 1990, с.72.
- lxxxiv Finkler K. Op.cit., S.38.
- lxxxv Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle. // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994.
- lxxxvi Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». - Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1991, №44, ст.1428; Закон РФ от 22 декабря 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”». - Ведомости Совета Народных Депутатов РФ, 1993, №1, ст.21.
- lxxxvii Lexikon des Widerstandes 1933-1945. München, 1994, S.116-117.
- lxxxviii Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte, S. 95.
- lxxxix Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941-1955. - Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 1997, № 2, S. 185, Anm.64; Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands. – Ibid., 2001, №1, S.355- 358.
- xc Центральный архив ФСБ России (далее - ЦА ФСБ), по материалам ГУК «СМЕРШ».
- xcі Калганов А. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. // Тайные страницы истории. М., 2000. С. 308–316.
- xcii ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.244-246.
- xciii Там же, дело арестованного «КУН (Маловиц) Иоахим» Р-46988.
- xciv ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.4.
- xcv Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998, с.67-68.
- xcvi ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.229. Как отмечал историк из ФРГ М. Борхард, к 25 годам принудительных работ были приговорены более 85 процентов осужденных после войны в СССР немецких военнопленных. – Borchard M. Zwischen den Fronten des Kalten Krieges. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949-1955. - “Kriegsgefangene - Военнопленные”, Düsseldorf, 1995, S.88.
- xcvii ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.225.

Р А З Д Е Л И I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
– ПОИСК ИСТИНЫ ИЛИ
МИФОТВОРЧЕСТВО?

Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти*

В современной геополитической ситуации термин «Освободительная миссия» подвергается наиболее яростным нападкам антироссийских сил, как на Западе, так и внутри страны. Желание переписать историю Второй мировой войны исходит и из государств бывшего соцлагеря, оказавшихся сегодня членами НАТО, и из бывших союзных республик СССР, тяготеющих к Западу, и из стран – бывших противников СССР во Второй мировой войне, и из стран – бывших союзников по Антигитлеровской коалиции. Общий лейтмотив этих нападков – попытка подмены «освобождения» «оккупацией», обвинения не только в адрес СССР и Советской армии, но и в адрес России как правопреемницы Советского Союза в насаждении тоталитарных режимов в Центральной и Восточной Европе, в преступлениях против гражданского населения, требования к ней «покаяться» и «возместить ущерб».

Позиция западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в течение всего послевоенного периода состояла в том, чтобы приписать решающую роль в Победе себе, в частности, преувеличивая значимость других театров военных действий – на Тихом Океане, в Африке и в Западной Европе после запоздалого открытия в 1944 г. Второго фронта и высадкой англо-американских войск в Нормандии. В последние годы эта позиция усугубляется стремлением представить Освободительную миссию СССР в Европе не как освобождение, а как “новое порабощение” стран, оказавшихся в сфере советского влияния^{xcviii}. Отсюда и откровенная ревизия Ялтинской системы, на которой строился послевоенный мир в Европе, и даже приравнивание ее к Мюнхенскому сговору. В этой связи весьма показательным является заявление Президента США Дж.Буша, произнесенное им на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 г.: “Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты”^{xcix}. Тем самым недавний глава американского государства отождествил Ялтинскую систему с фашистской агрессией, а великого президента своей страны Ф.Рузвельта фактически поставил на одну доску не только с допустившими предательский Мюнхенский сговор лидерами Англии и Франции, но и с Гитлером.

Пик массированных атак на роль СССР во Второй мировой войне пришелся на 2005 год – год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре РИА Новости, подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с мстью,

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие “темной стороны” освободительного подвига Красной армии, которую якобы замалчивают в современной России»^c.

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ. Так, в 2005 г. «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса “Армагеддон: Битва за Германию, 1944-1945”, посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его “первобытным “изнасилованием” целой нации”»^{ci}. Чуть раньше, в 2002 году вышла книга другого английского историка Энтони Бивора «Падение Берлина. 1945»^{cii}. О ее содержании можно судить хотя бы по рекламной статье автора в газете «The Daily Telegraph» под красноречивым названием «Войска Красной Армии насиловали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей». Эта публикация вызвала гневное письмо в редакцию посла Российской Федерации в Великобритании Григория Карасина от 25 января 2002 г.^{ciii} Показательно, что книга Бивора была переведена на русский язык и издана в России в 2004 г. – как раз накануне юбилея Победы^{civ}.

Таким образом, сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное – тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз. Приведем лишь одну цитату из французской газеты «Фигаро» от 15 июня 2005 г.: «Победоносной Красной Армии, российским руководителям и коммунистам ...есть за что попросить прощения. И напрячь свою память. Вся Европа должна бы в один голос потребовать этого!»^{cv}

Пожалуй, наиболее емко и убедительно охарактеризовал современную ситуацию с исторической памятью о войне Президент Чешской Республики В.Клаус, подчеркнувший, что “Победа над нацистской Германией была Великой и действительно исторической победой”. Он отметил, что в последнее время все чаще наблюдаются попытки пересмотра оценок итогов Второй мировой войны. “Историю, по его словам, нельзя переписать или исправить”. В своем выступлении по случаю празднования 60-летия освобождения Северной Моравии президент, в частности, сказал: “Мы часто слышим рассуждения, в которых окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории. Окончание Второй мировой

войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которое, вне всяких сомнений, означало освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать... Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы “гуманистически нейтрально” анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей “симметрии страданий”. Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие “жесты примирений”, которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами”^{xcvi}.

Сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, “почти на полвека оккупировавшего восточно-европейские страны”^{xcvii}. На повзду у западных коллег идут и некоторые современные российские историки так называемого «либерального направления», в том числе призывая вообще отказаться от термина «Освободительная миссия» как от «идеологического наследия советского прошлого». Однако любая ревизия этого термина недопустима в принципе: она ведет к сдаче международных позиций нашей страны, к предательству ее интересов, не говоря уже о предательстве светлой памяти около 1 млн 100 тыс. советских солдат, которые отдали свою жизнь за освобождение народов Европы от фашизма, спасли многие из них от полного уничтожения.

^{xcviii} См.: Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121.; Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М.: МГИМО, 2009. С. 299-310.

^{xcix} Цит. по: Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 66.

^c “Зверства” Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6-19 апреля 2005 г. С. 9.

^{ci} Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф.Бомсдорфа и Г.Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2005. С. 148, 157-158.

^{cii} Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L.: Viking, 2002.

^{ciii} Карасин Г. Ложь и инсинуации в статье, опубликованной в «The Daily Telegraph». Письмо редактору «The Daily Telegraph». 25 января 2002 // <http://www.inosmi.ru/translation/140008.html>

^{civ} Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

^{cv} Афтальон Ф. Москва должна заплатить долг памяти («Le Figaro», Франция) // ИноСМИ.RU. <http://www.inosmi.ru/stories/05/04/14/3445/220328.html>

^{cvi} Из сообщения для печати “О юбилее Победы за рубежом” от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД РФ: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8.

^{cvi} Крестовский В. Указ. соч. С. 148.

А.С. Сенявский

**Интерпретация истории Второй мировой войны
как инструмент современной политики***

Вторая мировая война – центральное и ключевое событие истории XX века не только по своему «хронологическому» признаку. Во-первых, она стала квинтэссенцией всего предшествующего международного развития, явившись результатом и силовым способом разрешения острейших противоречий крупнейших держав, воплощавших на мировой арене ряд основных альтернатив крайне нестабильной эпохи индустриальной модернизации (буржуазно-демократической – США, Англия, Франция; право-радикальной - национал-социалистическая Германия, фашистская Италия, милитаристская Япония; леворадикальная – коммунистический СССР). Во-вторых, она по итогам противоборства «отсекла» (надолго, и хотелось бы надеяться – навсегда) одну из этих альтернатив, праворадикальную, сокрушив в коалиции СССР с «западными демократиями» державы «антикоминтерновского пакта», закрепив этот разгром в международных соглашениях, а также в решениях Нюрнбергского процесса, которые объявили военно-политическую практику нацизма преступной и поставили его вне закона, осудили фашизм как государственную идеологию и политику, и впервые в истории признав агрессивную войну тягчайшим международным преступлением, подлежащим уголовной ответственности. В-третьих, Вторая мировая война принципиально изменила расстановку сил в мире, ликвидировав германский и японский центры силы и как самостоятельные центры выведя их из мировой политики; окончательно превратив США в военную и экономическую сверхдержаву, вершителя судеб Западной Европы и зависимых от нее периферийных (поначалу - колониальных) стран «третьего мира», в объединителя и гегемона «демократического» мира; выведя СССР на мировую арену как вторую военно-экономическую державу, создав военные и геополитические предпосылки для превращения СССР в сверхдержаву, самостоятельный мощный и влиятельный центр силы, предлагавший весьма привлекательный путь развития для многих стран мира; сформировав двухполюсную систему миропорядка, в котором противостояли не только военно-экономические потенциалы США и СССР и их сателлитов, но и ценности, идеологии, геополитические интересы, а глубже - цивилизационные основы. Именно в результате Второй мировой войны произошло формирование ялтинско-потсдамской системы мироустройства, закрепившей новую расстановку сил в мире, а также формирование ООН как инструмента мирового регулирования на основе сложившегося соотношения сил.

В этом мире Россия (в исторической форме СССР) впервые в истории оказалась столь полноправным и влиятельным членом мирового сообщества, каким она никогда не была ранее. Впервые, несмотря на развертывание «холодной войны», которая, собственно, и стала с середины 1940-х гг. основным содержанием международных отношений на протяжении почти полувека, Россия обрела такую степень военной безопасности, которая при всей заинтересованности западного

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

мира в ее сокрушении и при всем военно-экономическом его превосходстве Запада не позволила развязать «большую войну» и тем более осуществить против СССР прямую агрессию. При этом конфронтация, происходившая в форме противостояния двух «социально-экономических и общественно-политических» систем, двух идеологий, в действительности имело в основе геополитическую и даже цивилизационную природу, что стало особенно явным после распада СССР и мировой «системы социализма», когда, при всей риторике «западных демократий» об окончании «холодной войны» в действительности она продолжается в иных формах: Запад, нарушив все договоренности с руководством перестроечного СССР не только включил объединенную Германию в НАТО, но и начал неуклонное расширение этого военно-политического альянса на Восток...

Именно в этом контексте – цивилизационного и геополитического противостояния «Востока и Запада», а не только ситуационного, военно-политического – следует рассматривать начавшуюся еще в период самой войны борьбу крупнейших держав за наиболее эффективную презентацию собственного образа войны, ее характера, за интерпретацию своих целей, места и роли в войне, а сразу же после окончания Второй мировой войны борьбу за интерпретацию ее истории.

Политических целей войны до вступления в нее СССР ясно не провозгласили даже уже воюющие Англия и Франция. Четкая программа участия СССР во Второй мировой войне, для которого оно стало Великой Отечественной, всенародной войной против немецко-фашистских оккупантов, была обнародована И.В.Сталиным по радио 3 июля 1941 г. Основными ее положениями явились мобилизация всех сил и средств на разгром врага, освободительный и справедливый характер антифашистской войны с Германией и ее союзниками. Было ясно заявлено, что в этой войне решается судьба всех народов Европы, а СССР должен не только отстаивать свою независимость, но и освободить поработанные европейские народы от фашистских оккупантов, которым в дальнейшем будет предоставлено право самим, без внешнего давления должны будут решать свою судьбу. Героическая борьба советского народа против агрессии фашистской Германии вселила надежды в антифашистские силы. На СССР стали смотреть как на единственную страну, способную остановить германское нашествие, провозглашенные советским правительством цели нашли широкую поддержку в мире, а СССР приобрел огромный международный авторитет. «Западным демократиям» пришлось определяться и со своими программами, включать в них демократические, антифашистские положения. 14 августа 1941 г. Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем была подписана Атлантическая хартия, провозгласившая «общие принципы» в борьбе с фашистской агрессией. В ней провозглашалось, что две страны не стремятся к территориальным захватам, будут добиваться полного уничтожения фашистской тирании, создания порядка, при котором народы сами вправе избирать форму государственного устройства, жить в мире, быть свободными от страха нужды и агрессии и что после войны следует установить экономическое сотрудничество всех стран и избавить мир от бремени вооружений. 24 сентября 1941 г. советское правительство официально присоединилось к Хартии. Вместе с тем, уже в ней прослеживается претензия США на послевоенное экономическое доминирование, стремление вытеснить Англию с мировых рынков: в пунктах 4 и 7 предусматривался «равный доступ» к мировым сырьевым источникам и «свобода морей». Таким образом, в целях

союзников по антигитлеровской коалиции изначально было одновременно и единство, и глубокие противоречия. Единство заключалось в стремлении разгромить фашистскую Германию и ее сателлитов, освободить оккупированные страны, установить демократические режимы в странах-агрессорах, хотя степень этого единства и преувеличивалась – прежде всего, в политических и пропагандистских целях. Но в послевоенной западной, особенно, правом крыле американской историографии, не только стала преуменьшаться степень этого единства, но и было поставлено под сомнение само единство, поскольку в совместном участии США и СССР во второй мировой войне не видели «объективного и рационального».

Однако, несмотря на развернутую «холодную войну», в главных своих аспектах, пока существовал двухполюсный мир с примерным равновесием сил США и СССР, интерпретация Второй мировой войны была в целом общепризнанной, «конвенциональной» и «консенсусной». За этим консенсусом стояли международно-правовые соглашения Ялты и Потсдама, других международных конференций, правовые нормы Нюрнберга, созданные в итоге войны международные институты, включая Организацию Объединенных Наций (ООН) и т.д.

В период существования СССР попытки “подправить” историю были относительно ограничены и не ставили под сомнение общие для союзников по антигитлеровской коалиции задачи в войне и итогов совместной победы. С конца 1980-х годов началась эскалация ревизии исторической памяти. При этом предметом “переосмысления” оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР “не так” пытался отсрочить фашистскую агрессию, что “плохо воевал”, добывая победу большой ценой, “плохо освобождал” Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России “покаяться” “за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 80-х - 90-х годов”^{civiii}. При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, “демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления”^{cix}. В этих обвинениях прослеживается как попытка некоторой реабилитации стран, участвовавших в войне на стороне нацистского блока, так и стремление США (и некоторых «западных демократий») представить себя главными, если не единственными, победителями Второй мировой. Лишь немногие из западных политиков стремятся четко расставить правильные акценты в оценке войны, призывая прекратить уравнивать «между собой палачей и жертв» и менять их местами^{cx}.

Постсоветская Россия - как наследница и правопреемник СССР – кровно заинтересована в отражении в мировой исторической памяти правды о той войне, о

вкладе в победу советского государства и советского народа, в объективном отражении действительной роли всех сторон- участников, как в целом, так и в деталях.

^{cviii} Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 158.

^{cix} Трубникова Н. Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.

^{cx} Из сообщения для печати "О юбилее Победы за рубежом" от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД РФ: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8.

И.А. Анфертьев

Основные направления современных фальсификаций Великой Отечественной и второй мировой войн в зарубежных странах, на постсоветском пространстве и в России

Как мне представляется, современные фальсификации и Великой Отечественной войны, и Второй мировой войны в целом, можно, с некоторой долей условности подразделить на три направления. Первое – те фальсификации, которые рождаются за рубежом. Меньше всего мне бы хотелось бросить тень на серьезных зарубежных историков, объективно исследующих данные непростые проблемы, речь в данном случае о тех, кто заведомо по различным причинам лживо излагает, а попросту извращает причины и основные события той войны. И напрасно думать, что зарубежные фальсификации начались с Й. Геббельса или его последователя Резуна-Суворова. Вот цитата из книги Джильса Флетчера «О государстве Русском», изданной в Англии еще в 1591 г.: «...Безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большей частью, желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига тиранского правления»^{cx}.

Не случайно под этим лозунгом с тех пор шли в нашу страну завоеватели от Карла XII, Вильгельма II, Гитлера, а их планы и кровавые деяния в агрессивной манере маскировали верные слуги, изощряясь в попытках представить русскому народу захватчиков - освободителями.

Второе направление фальсификаций – это извращение исторических событий на постсоветском пространстве. Давно не секрет, что в каждой бывшей советской союзной республике, а ныне независимом государстве, идет активной процесс переписывания истории. И опять же речь не о серьезных историках, их немало, тех, кто в своих исследованиях опирается на новые архивные документы и стремится к объективности. Но много и таких, кто преследует совершенно иную цель – поссорить при помощи лживых измышлений народы Российской Федерации с такими же, в сущности, народами стран СНГ, с теми, кто воевал с фашизмом, с наследниками нашей общей Победы 1945 года. И вот уже в Прибалтийских странах, в Украине к героям той войны причисляют и тех, кто сотрудничал с фашистами, принимал участие в карательных акциях против партизан и подпольщиков. И мы не должны недооценивать опасность, которая исходит от подобного рода фальсификаций.

Наконец, о наших отечественных фальсификаторах – это уже третье направление, и оно - не меньшая опасность, чем первые два. Мне представляется, что оно неоднородно: среди фальсификаторов есть люди, которые не владеют знаниями о той войне, в лучшем случае поверхностно представляют то, о чем говорят по радио и ТВ, пишут в СМИ и в Интернете. Экзотики в данном случае хоть отбавляй. Тут встретишь и утверждение, что И.В. Сталин, являясь с 1914 г. агентом германского генерального штаба, в 1941-1942 гг. намеревался ни много ни мало сдать СССР гитлеровским захватчикам, но когда понял, что советский народ никогда на это не пойдет – возглавил борьбу за освобождение, и так общими усилиями добились победы. И то, что гениальный стратег Сталин, вовремя понявший, что в приграничных сражениях Красной армии против гитлеровской армады не устоять, по примеру М.И. Кутузова давал противоречивые директивы сражающимся войскам, приказывал не взрывать мосты, производил неоправданные замены командного состава, медлил с принятием судьбоносных решений. И все это с одной-единственной целью – заманить противника как можно глубже в глубинку страны, чтобы приступить к его решительному разгрому^{cxii}. Но имеются и другого рода фальсификации – это когда речь идет о больших деньгах. К сожалению, наше государственное телевидение пока далеко от правдивого освещения военной истории. На нем, за редким исключением, не принято объективно освещать события Великой Отечественной войны. Некоторые передачи имеют сомнительное с точки зрения исторической достоверности содержание, а иногда и антиармейскую направленность. В частности, на телевидении увидели свет неоднозначно воспринятые фронтовиками и историками Великой Отечественной войны фильмы «Штрафбат», «Последний миф», «Диверсант», «Московская сага» и др.

Еще одно направление это когда на страницах нашей печати активно дискутируется вопрос о людских потерях как с той, так и с другой стороны. В этой связи много нареканий на закрытость архивов, рассмотрение данных о потерях с привлечением ненаучных и недостоверных источников, их искажение в конъюнктурных целях. Серьезную работу в этом направлении проводят консультант Военно-мемориального центра ВС РФ генерал-полковник в отставке кандидат военных наук Г.Ф. Кривошеев^{cxiii} (Москва) и доктор исторических наук А.А. Печенкин^{cxiv} (Киров). С 1991 года на страницах «Военно-исторического журнала» ими опубликована серия материалов о потерях в годы Великой Отечественной войны, о погибших советских генералах и адмиралах. Но если проблема восстановления поименного списка как погибших, так и выживших в той войне пусть не в полной мере, но решается, то о тружениках тыла по-прежнему пишется мало. Кто они – эти незаметные победители - от рабочего, колхозника до наркома, выдержавшие все невероятные тяготы и лишения военного лихолетья, забытые и оставшиеся в памяти потомков. В этой связи нельзя не отметить наметившуюся в последние годы тенденцию более пристально всмотреться в лица тех, кто воевал и приблизил Победу, по возможности объективно оценить и трудовое мастерство наших соотечественников. Прделана огромная работа по составлению поименного списка погибших на фронтах Великой Отечественной войны, но значительно меньше результатов в составлении такого же списка потерь на трудовом фронте.

Еще одна серьезная проблема, которая напрямую касается фальсификаций войны - это проблема историографии Великой Отечественной войны. Издано и

продолжает издаваться огромное количество литературы, в том числе о героях-фронтовиках и о тружениках тыла, но даже приблизительную цифру книжных новинок трудно определить. Далеко не вся издаваемая литература носит научный и объективный характер, в этой связи предпринимаются попытки историографического анализа^{схv}. Особенности основных операций в годы войны, вооружение и военная техника, потери как с той, так и с другой стороны, проблемы тылового и медицинского обеспечения, отношение к пленным - этот ряд можно продолжать. Но уже сейчас можно утверждать, что в отечественной историографии отсутствует комплексное исследование по проблеме оценки подвига советского народа над фашизмом, и это при том, что издано большое количество серьезной научной литературы о Великой Отечественной войне.

В связи с фальсификациями войны нельзя не отметить, что продолжает волновать наше общество проблема единства народа и власти. Не является секретом, но все же подчас забывается о том, что доверие и уважение народа к власти во многом зависит от того, как ее представители ведут себя в трудное для страны время, в годину испытаний, как служат общему делу, насколько крепко они связаны с народом. Не одним страхом и принуждением, как это пытаются доказать некоторые историки, была достигнута Победа, но также и доверием и уважением к власти, сознательной и добровольной поддержкой народом ее действий, силой общественного мнения^{схvi}. Но было бы ошибкой сегодня утверждать, что на пути к единству власти с народом все было гладко, что обошлось без перегибов и деклараций, что оно было достигнуто в первые дни войны и сохранялось в неизменном виде на всем ее протяжении. В первые месяцы войны по всей стране проходили митинги, звучали лозунги о скоротечности этой войны, о том, что бить врага будем на его территории, шла массовая запись добровольцев на фронт... Но наряду с этим уже тогда руководители страны прислушивались к настроению населения на местах, как в прифронтовой полосе, так и в глубинке, вносили необходимые коррективы. В том числе своевременно прозвучали и слова И.В.Сталина «Братья и сестры...», что символизировало стремление власти к единству с народом, понимание высшего военно-политического руководства страны, что прежние методы нажима, насилия, начальственного окрика в таком важном деле как война не дадут результата^{схvii}.

Единодушный порыв победить достигал такой силы, что в строй защитников Родины встали и женщины, и дети, и даже репрессированные ранее соотечественники^{схviii}. Между тем, со стороны гитлеровской Германии предпринимались меры к тому, чтобы это единство власти и народа разрушить, появились даже соответствующие термины «стратегия ужаса» и «война нервов», в структуре вермахта были созданы роты пропаганды, их число с 1941 до 1943 гг. возросло с 17 до 50. Ставка противником делалась также на предателей - военнопленных красноармейцев, которых в массовом порядке после краткосрочного обучения засылали в наши тылы сеять панику и распространять слухи, а также на предательство целых народов в обмен на якобы возможное национальное самоопределение и создание собственной государственности^{схix}. Другая, не менее важная проблема, которая не в полной мере отражена в научных трудах отечественных исследователей – это военно-экономическое обеспечение важнейших операций Советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны^{схx}.

Вопрос, который волнует многих сегодня – проблема фронта и тыла: кто же в конечном итоге внес наибольший вклад в достижение победы в войне. Казалось бы, ответ очевиден – их единство, но точку в спорах пока ставить рано, во всяком случае, имеется одно немаловажное достоинство этих споров – мы все узнаем все больше правды о тех трагических событиях более чем 60-летней давности^{сxxi}. Основным источником удовлетворения огромных материальных потребностей действующей армии была и остается экономика страны. По сути, в Великой Отечественной войне Советский Союз одержал не только военную, но и экономическую победу над врагом, а достижение этой победы было невозможно без трудового подвига всего народа. Даже в невероятно трудные месяцы и годы войны, несмотря на резкое сокращение производства вследствие эвакуации промышленных предприятий и перестройки всей экономики на военный лад, а также больших территориальных потерь с источниками сырья, наше народное хозяйство сумело обеспечить фронты всем необходимым для ведения военных действий. Достаточно сказать, что уже в 1942 г. в СССР производилось основной военной продукции больше, чем в Германии, а в последующие годы наше экономическое превосходство продолжало непрерывно расти^{сxxii}.

Важнейшей составляющей советской экономики, работавшей на нужды фронта, была добыча нефти и ее производных. За нефтяными промыслами, особенно на Кавказе, охотилась и Германия, однако решить проблему нефтяного дефицита за счет нашей страны, ей так и не удалось, что явилось одной из причин ее сокрушительного поражения^{сxxiii}.

Не вызывает сомнений утверждение о том, что на оборону страны работала вся страна, но непосредственно обеспечивала войска всем необходимым для жизни и боевых действий стройная система Тыла Красной армии. Создавалась она в первые месяцы войны, решения подсказывала сама жизнь, боевая обстановка на фронтах. Основная проблема, которую удалось в сжатые сроки решить известному военачальнику А.В.Хрулеву при поддержке ГКО и Ставки - централизовать управление всеми службами, связанными с тыловым обеспечением^{сxxiv}. Особо следует сказать о военных медиках – они сражались и на фронте, и сражались в тылу, возвращая в действующую армию бойцов и командиров Красной армии^{сxxv}.

Единство фронта и тыла в годы войны возникло не само по себе, ошибочно полагать, что с началом войны включились механизмы по укреплению фронта. Страна готовилась к войне, и опубликованные исследования убеждают, что подготовка эта шла с первых лет установления в нашей стране Советской власти, создания вновь созданного государственного строя. Уже в те годы началось формирование людских и материальных резервов, системы комплектования Красной армии^{сxxvi}. В те же 1920-1930-е гг. были созданы предпосылки для создания мощной оборонной промышленности, условия для работы ученых-оборонщиков и конструкторов^{сxxvii}.

Необходимо помнить и о том, что героизм наших соотечественников проявился с особой силой в особых условиях – за линией фронта, по ту ее сторону, речь в данном случае идет о партизанском движении. Да, оно организовывалось партийными и советскими органами, Генштабом и органами НКВД, но без массовой поддержки всего населения оккупированных территорий вряд ли партизаны и подпольщики могли вести успешные боевые действия, приближать Победу^{сxxviii}. Люди старшего поколения, наверное, помнят фильм «Фронт за линией фронта», такой фронт существовал и приближал победу, и у этого фронта

существовал свой тыл – поддержка наших соотечественников, оказавшихся на оккупированных территориях, и не всегда существовала разграничительная линия между фронтом и тылом в этих особых условиях. Характерно, что и вырвавшиеся из германского плена красноармейцы сражались и за пределами нашей страны и внесли свой немалый вклад в победу над врагом^{сxxxix}.

Не меньшую силу духа в сравнении с партизанами и подпольщиками проявили и те наши воины, оказавшиеся в плену, которые не пошли на сделку с совестью, организовывали в концлагерях подпольные группы, поднимали восстания, погибая, верили в победу над врагом^{сxxx}.

Объективность освещения отечественной военной истории дает нам возможность воспитывать лучшие черты из нравственного арсенала - патриотизм, верность воинскому долгу, любовь к Родине, честь и достоинство в ее защите, чего нам не всегда хватает сегодня^{сxxxii}. Нельзя не заметить, что об актуальных проблемах Великой Отечественной войны, жизни и деятельности фронтовиков и сегодня, и в минувшие 60 лет, писали и пишут многие издания^{сxxxiii}.

Назову основные – государственные, независимые, коммерческие или некоммерческие, можно их по разному называть, исторические издания, включившиеся в работу по достойной встрече 65-летия Победы : журналы «Вестник архивиста», «Исторический архив», «Родина», «Вестник Академии военных наук», «Военно-исторический журнал», «Авиамастер», «Танкомастер», «Флотомастер», интернет-журнал «Мир истории», альманах «Военная летопись». Активно освещают проблемы Великой Отечественной войны газеты «Красная звезда», «Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение», «Совершенно секретно», военные издания «Армейский сборник», «Военная мысль», «Ориентир», «Морской сборник». В Санкт-Петербурге издаются журналы «Новый часовой», «Клио», «История Петербурга», «Бомбардир», альманах «Цитадель», газета «Ратоборец», масса региональных изданий, другой печатной продукции; по телевидению и на радио идут систематически циклы военно-исторических передач.

Публикации в этих изданиях показывают, как проходило реформирование Красной армии накануне Великой Отечественной войны, проливают свет на дискуссионные вопросы о заключении в августе 1939 г. советско-германского Пакта о ненападении, ликвидации накануне войны старых укрепрайонов и недостатки в строительстве новых УРов, о подготовке Красной армии к войне, обеспечении безопасности границ СССР, просчетах в эвакуации промышленных предприятий, развертывании партизанского движения на оккупированных территориях^{сxxxiiii}. Во многих изданиях объективно и глубоко освещаются важнейшие военно-исторические события Великой Отечественной войны, проведенные операции, роль в достижении Победы наших выдающихся военачальников. Все это позволяет глубже разобраться в истоках, причинах войны, наших неудачах и поражениях в начальном периоде войны и факторах, предопределивших нашу Победу^{сxxxv}. В конечном итоге – противостоять многочисленным фальсификациям.

сxi Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 53.

сxii Мочалов В.Г. Крах мировой революции. Новый взгляд на события 1917-1941 годов. Ч. IV. Йошкар-Ола, 2007.

сxiii Россия и СССР в войнах XXвека. Стат. Иссл. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Великая отечественная на земле Российской. Воен.-истор. иссл. М.: РИЦ МО РФ, 2006.

сxiv Печенкин А.А. Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М.:

Прометей, 2002.

^{cxv} Историография сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007.

^{cxvi} Макаров П.В. Подчиняя всю систему власти интересам обороны // Воен.-истор. журнал. 2000. № 5. С.15-23; Золотарев В.А. Героическое прошлое Родины как источник и основа национальной идеи. О роли военно-исторической науки в возрождении патриотического самосознания россиян, обеспечении преемственности поколений защитников Родины, формировании системы обороны страны // Там же. 2000. № 3. С.3-11; Владимиров П.В. «...Мы немцами поработаны, но не побеждены». Об участии местного населения в Сталинградской битве // Там же. 2001. №4. С.12-17; Павлов В.Я. Белорусские партизаны уничтожали врага без пощады // Там же. 2001. №5. С.28-34; Козлов Н.Д. «Преданность народа была почти непоколебимой». Неуклонное укрепление авторитета руководящих кадров в годы Великой Отечественной войны явилось жизненной необходимостью // Там же. 2001. №11. С.28-31; Яковлев Н.Д. «Кремлю верил весь народ, которого никакие временные неудачи и лишения не могли сломить» // Там же. 2002. № 5. С.30-35; Тюшкевич С.А. «Спасая себя, Россия рассчитывает спасти весь мир от нацизма». Победа над фашистской Германией – триумф освободительной миссии Советского Союза // Там же. 2004. № 5. С.2-5; Козлов Н.Д. «Единодушный порыв победить, равному которому нет в мире // Там же. 2005. №1. С.3-7.

^{cxvii} Нежежин В.А. Москва, Кремль, 5 мая 1941 года – за 1465 дней до Великой Победы // Воен.-истор. журнал. 2001. №5. С.62-69; Анфилов В.А. С.К.Тимошенко: «Мы до того избаловались сверху донизу, что... ложно подготавливали нашу армию для борьбы с врагами». Коренная перестройка обучения и воспитания в Красной армии после Советско-финляндской войны // Там же. 2001. №1. С.26-36; Чудиновских Е.Н. «Наряду с хорошим настроением... имеют место... открытые вылазки враждебных элементов». Первые дни Великой Отечественной войны в Кировской области // Там же. 2002. № 6. С.19-25; А.В.Чернобаев. Москва – Кубинка – Белебей // Там же. 2005. №6. С.32-37; Лосик А.В., Щерба А.Н. «Органы власти оперативно и гибко реагировали на любые проявления протеста на военных заводах» // Там же. 2005. №6. С.60-66.

^{cxviii} Будко А.А., Грибовская Г.А. Женщина-воин, женщина-жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // Воен.-истор. журнал. 2004. № 3. С.13-16; Питерский Л.С. Юные защитники Отчизны // Там же. 2001. №5. С.84-87; Кузнецов К.А. Академия юных военморы // Там же. 2005. №1. С.65-67; Шашков В.Я. «Ликвидированный класс» на защите Родины // Там же. 2001. №4. С.42-47; Ринаева И. Черная книга // Московский комсомолец. 2005. 13 мая.; Бондаренко А. У войны не детское лицо // Красная звезда. 2005. 4 мая; Война. Женское лицо // Родина. 2005. № 4. С. 55-58; Моисеева И.Ю. «Винноватые» защитники Отечества // Клио. 2004. № 4. С. 181-189; Павлова Т.А. Отношение казачества Сталинградской области к войне с фашистской Германией и его поведение в условиях немецкой оккупации // Клио. 2004. № 4. С. 189-199.

^{cxix} Галицкий В.П. «...Для активной подрывной диверсионной деятельности в тылу Красной армии», О националистических выступлениях в Чечено-Ингушской АССР в годы войны и роли в их организации фашистских спецслужб // Воен.-истор. журнал. 2001. № 1. С.17-25; Крысин М.Ю. Кого в Прибалтике провозглашают героями // Там же. 2001. №5. С.70-75; Ямпольский В.П. В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // Там же. 2001. №6. С. 36-43; Караяни А.Г. А.Гитлер: «Наша стратегия заключается в том, чтобы сокрушить врага изнутри...» // Там же. 2002. № 5. С.48-51; Комаров Д.Е. Военно-экономическая политика захватчиков на оккупированных советских территориях // Там же. 2002. № 5. С.52-59; Караяни А.Г. «Все заметнее тенденция разредить немецкий народ с фюрером...» // Там же. 2003. № 5. С.57-62; Романько О.В. Крымско-татарские добровольческие формирования в германских вооруженных силах. 1941-1945 гг. // Новый часовой. 2004. № 15-16. С. 127-140; Мусаев В.И. Советские граждане на службе в финской армии в годы Второй мировой войны // Новый часовой. 2002. № 13-14. С. 91-94.

^{cxx} Миренков А.И. Меч, разрушивший гитлеровскую «Цитадель» // Воен.-истор. журнал. 2000. № 6. С.21-29; Яковлев Н.Д. «И.В.Сталин меня несказанно удивил и обрадовал» // Там же. 2002. № 12. С.12-17.

^{cxxi} На улице фронтовых бригад // Родина. 2005. № 4. С. 118-119; Фронтная колея «Урала» // Там же. С.

128.

^{cxxii} Миренков А.И. Обеспечение действующей армии вооружением, боевой техникой, материальными средствами в 1941-1943 гг. // Воен.-истор. журнал. 2002. № 5. С.24-29. Там же. № 6. С.26-29; Вещиков П.И. Военно-экономическое обеспечение войск в Курской битве // Там же. 2003. № 8. С.21-23; Яковлев Н.Д. «Советские вооруженные силы значительно превосходили вермахт по боевому обеспечению» // Там же. 2003. № 5. С.16-21; Волкова Т.А. Кузбасс ковал не только броню // Там же. 2004. № 4. С.63-65; Миренков А.И. «В течение десятилетия СССР действительно был превращен... в великую индустриальную державу». Военно-экономический фактор успешных боевых действий войск // Там же. 2004. № 10. С.6-10; Янбердин И.Т. Хлеб – всему голова. Решение продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны // Там же. 2005. №3. С.37-40; Вещиков П.И. Экономика СССР выдержала испытание войной // Там же. 2005. №6. С.11-16.

^{cxxiii} Терещенко В.И. «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну» // Воен.-истор. журнал. 2003. № 11. С.2-8; Комаров Д.Е. «Этот дефицит может быть покрыт только за счет России». Не получив кавказской нефти, А.Гитлер не мог не проиграть Вторую мировую войну // Там же. 2003. № 5. С.46-48.

^{cxxiv} Ажажа В.М. И.В.Сталин: «В противном случае он будет повешен...» // Воен.-истор. журнал. 2000.

№ 6. С.30-38; Вещиков П.И. Военно-экономическое обеспечение войск в Курской битве // Там же. 2003. № 8. С.21-23; Коротков Г.И. История военного хозяйства. Рецензия на книгу Вещикова П.И. «Военное хозяйство – Тыл Вооруженных сил России (XУ111-XX вв.). М.: ИВИ, 2003 // Там же. 2003. № 7. С.64; Вещиков П.И. «Тыл – это половина Победы и даже немного больше». К 60-летию Сталинградской битвы // Там же. 2003. № 2. С.17-19; Раев В.М. Чтобы иметь боеспособные Вооруженные силы, нужно уметь считать и экономно расходовать денежные средства // Там же. 2005. №1. С.34-38.

^{сxxxv} Будко А.А., Селиванов В.И., Хороший К.И. Полевая военно-медицинская организация Красной армии так и не была создана в предвоенный период // Воен.-истор. журнал. 2001. №1. С.91-96; Будко А.А., Грибовская Г.А. Когда опустели фашистские концлагеря Европы. Медицинское обслуживание репатриантов второй мировой войны // Там же. 2001. №3. С.36-42.; Будко А.А., Грибовская Г.А. Сталинградский подвиг милосердия. Немецких военнопленных советские военные медики лечили в тех же госпиталях, что и воинов Красной армии // Там же. 2003. № 5. С.68-72; Конасов В.Б. Вологда помнит подвиг медиков фронтовой поры. Продолжается изучение бесценного опыта крупнейшего в Красной армии распределительного эвакуационного пункта // Там же. 2003. № 3. С.67; Будко А.А., Барановский А.М. Генерал-полковник медицинской службы Е.И.Смирнов: «Мы управляли военно-медицинским делом, объем и трудности которого были огромны» // Там же. 2005. №3. С.27-29.

^{сxxxvi} Миронов А.А. «В целях бесперебойного снабжения Красной армии...» О деятельности органов государственных резервов в начальный период войны // Воен.-истор. журнал. 2000. № 1. С.13-19; Градосельский В.В. Комплектование Красной армии рядовым и сержантским составом в годы Великой Отечественной войны // Там же. 2002. № 3. С.6-12; Гостев А.Н. «Если завтра война, если завтра в поход...» С первых дней Советской власти ее лидеры в предвидении возможной агрессии на государственном уровне формировали мощные людские резервы для Красной армии // Там же. 2003. № 6. С.17-22.

^{сxxxvii} Капистка В.В. И.В.Сталин: «Организуем изучение нашими людьми немецких самолетов. В июне 1940-го, за год до начала Великой Отечественной войны, фашистские боевые самолеты появились в небе Москвы // Воен.-истор. журнал. 2001. № 11. С.16-20; Семенченко И.Г. Истребителям Н.Н.Поликарпова не было равных в мире // Там же. 2002. № 12. С.28-33; Яковлев Н.Д. В дело Победы промышленные кадры внесли свой весомый вклад» // Там же. 2002. № 10. С.5-12; Капистка В.В. «По политическим соображениям мы должны... не допустить ликвидации концессии «Юнкерса». История советско-германского военного сотрудничества в 20-е годы XX века // Там же. 2003. № 3. С.34-39; Яковлев Н.Д. «Урал, Сибирь, Средняя Азия стали сердцем советской индустрии...» // Там же. 2003. № 2. С.12-16; Капистка В.В. «Мы значительно отстали от Западной Европы, особенно сильно... в области моторостроения». Вклад Запада в развитие советских ВВС в 1920-х годах // Там же. 2004. № 10. С.28-33; Гиленсен В.М. «Целью «Юнкерса» было... создание германской военной базы и захват... воздушной промышленности СССР» // Там же. 2001. №4. С.22-29.

^{сxxxviii} Азяский Н.Ф. «Создать невыносимые условия для германских интервентов» // Воен.-истор. журнал. 2000. № 2. С.6-15; Владимиров П.В. «...Мы немцами поработаны, но не побеждены». Об участии местного населения в Сталинградской битве // Там же. 2001. №4. С.12-17; Павлов В.Я. Белорусские партизаны уничтожали врага без пощады // Там же. 2001. №5. С.28-34; Ямпольский В.П. Война не по правилам или Всенародная борьба в тылу врага // Там же. 2002. № 5. С.79-80; Островский А.В. Партизаны Брянщины // Там же. 2002. № 4. С.4-8; Белик И.К., Шумилова Е.В. «Сейчас у нас неважно в Брянском лесу, прижал нас немец». Письма из-за линии фронта // Там же. 2002. № 4. С.9-10; Сабуров Г.И. Партизанское движение. Рецензия на книгу «Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) М.: Кучково поле, 2001 // Там же. 2003. № 8. С.77; Скробов В.С. Партизаны России // Там же. 2003. № 1. С.79; Рябokonь М.В. Против партизан Брянщины // Там же. 2004. № 4. С.21-25; Орлов Ю.Г. Русская православная церковь в Белоруссии в 1941-1944 гг. Документы Государственного архива Российской Федерации // Исторический архив. 2004. № 6. С. 95-105.

^{сxxxix} Росси М. Советские солдаты в партизанских батальонах Гарибальди // Воен.-истор. журнал. 2001. №6. С.57-63; Озеров О.Н. Франко-советский партизанский отряд «Групп де Лорет NL-41 батальона «Проспер» // Там же. 2001. № 11. С.31-40; Котов А.И. Белорусские партизаны. Бесстрашно сражались они с фашистами не только на оккупированных территориях Советского Союза, но и Польши, Югославии, Франции, Бельгии и других европейских стран // Там же. 2004. № 1. С.22-27.

^{сxxx} Канонир Р. «Эсэсовцы проводили акцию решительно и беспощадно» // Воен.-истор. журнал. 2001. №5. С.76-83.

^{сxxxxi} Князьков С. Поклон и павшим, и живым // Красная звезда. 2005. 4 мая; Питерский Л.П. Они сражались за Родину // Родина. 2005. № 4. С. 66-69; Кушников М. «Да, нелегки военные дороги» // Там же. С. 27-28; Кудрин И. «Живы. Выдержим. Победим» // Там же. № 4. С. 44-54.

^{сxxxii} Мохов В. Фронтовики надевают ордена // Красная звезда. 2005. 4 мая; Аннинский Л. Великая. Отечественная // Родина. 2005. № 4. С. 3; Куроедов В.И. Военно-морской флот Советского Союза в годы Великой Отечественной войны // Морской сборник. 2005. № 5. С.3-14; Крюковских А.П. Подвиг ополчения // Новый часовой. 2002. № 13-14. С. 80-90; Там же. 2004. № 15-16. С. 117-125; Химич О. Нарком Сталина (Н.И.Байбаков) // Московский комсомолец. 2005. 13 мая; «Просим рассмотреть и утвердить» // Источник. 2001. № 5. С. 96-129; Барановский Е.И., Селеменев В.Д. «Только авторитетный командир сможет заставить

преодолеть страх и инстинкт самосохранения». Докладные записки секретаря ЦК КП(б)Белоруссии П.К.Пономаренко И.В.Сталину. 1940-1942 гг. // Исторический архив. 2004. № 6. С. 44-78; Курмышов В.М. Аренда полуострова Ханко в 1940-1941 гг. Первый опыт военно-политического руководства страны по созданию военно-морских баз за рубежом // Клио. 2004. № 3. С. 223-230.

^{сxxxiii} Бочков Е.А. К вопросу о материально-бытовом положении начальствующего состава Красной армии в середине 1920-х гг. // Клио. 2004. № 4. С. 45-52; Дробышевский В.Г., Подрепный Е.И. Расширение базы опытного самолетостроения в СССР во второй половине 1940-х гг. На примере заводов 1-го Главного управления Министерства авиационной промышленности // Там же. С. 142-144; Гордин А.А. Формирование образа Германии в предвоенное десятилетие в СССР // Там же. № 3. С. 116-119; Киличенков А.А. Т-34 – ментальный вызов Третьему рейху // Там же. С. 149-160; Пономаренко П.К. «Диверсия – любимый крестьянский вид» // Родина. 2005. № 4. С. 15-18; Семенченко И.Г. Истребителям Н.Н.Поликарпова не было равных в мире // Воен.-истор. журнал. 2002. № 12. С.28-33; Капистка В.В. И.В.Сталин: «Организуйте изучение нашими людьми немецких самолетов. В июне 1940-го, за год до начала Великой Отечественной войны, фашистские боевые самолеты появились в небе Москвы // Там же. 2001. № 11. С.16-20; Яковлев Н.Д. В дело Победы промышленные кадры внесли свой весомый вклад» // Там же. 2002. № 10. С.5-12; Свертилов Н.И. Конструкторов Ф.Ф.Петров: «Уральцы исстари славятся хваткой, умением трудиться по-настоящему, с огоньком» // Там же. 2002. № 3. С.62-65; Лукин В.Е. На Ленинградском фронте «ванюша» громил врага не хуже «катюши». В блокадном Ленинграде в кратчайший срок было налажено производство тяжелых мин М-28, наводивших ужас на фашистов // Там же. 2003. № 6. С.36-38; Капистка В.В. «По политическим соображениям мы должны... не допустить ликвидации концессии «Юнкерса». История советско-германского военного сотрудничества в 20-е годы XX века // Там же. 2003. № 3. С.34-39; Яковлев Н.Д. «Урал, Сибирь, Средняя Азия стали сердцем советской индустрии...» // Там же. 2003. № 2. С.12-16.

^{сxxxiv} Первая сводка // Родина. 2005. № 4. С. 4-5; Первая директива // Там же. С. 7-9; Тарасов М.Я. Семь январских дней // Воен.-истор. журнал. 2003. № 1. С.38-46; Абрамов М. Северный флот на защите морских коммуникаций в годы Великой Отечественной войны // Морской сборник. 2005. № 5. С.15-23; Валуев В. Балтийский флот в годы Великой Отечественной войны // Там же. С.32-36; Масорин В. Черноморский флот в боях за Родину // Там же. С.37-43; Крамаренко В. Применение подводных лодок в Великой Отечественной войне // Там же. С.44-50; Артамонов А. Применение морской авиации в годы Великой Отечественной войны // Там же. С.56-62; Воробьев В. Шла война, а корабли строились // Там же. С.83-89; Пономаренко П.К. «Лучше расстрелять одного...» // Родина. 2005. № 4. С. 10-14; Гусев А.П. Участие воинов-связистов в Великой Отечественной войне. Историографический обзор // Клио. 2004. № 2. С. 65-70; Петров П.В. Первые десантные операции советской морской пехоты // Новый часовой. 2004. № 15-16. С. 97-116.

В.А.Литвиненко

Вклад Ленд-лиза в военно-экономический потенциал СССР: мифы и реальность

Помощь союзников СССР в Великой Отечественной войне – одна из острых тем, ставшая в последнее время ареной жарких споров. Причём полемика ведётся как в историческом, так и в идеологическом ключе. Призывая нас к деидеологизации исследований, связанных с событиями Второй мировой и Великой Отечественной войн, наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции вовсе не собираются поступать аналогичным образом.

Страна, ведущая на полях сражений борьбу на уничтожение, рада любой помощи. И эта помощь была оказана. Мы об этом помним. Её нельзя недооценивать. Но и переоценка ленд-лизских поставок, столь характерная для перестроечных и поперестроечных исследований, также недопустима.

Ярким примером типичного зарубежного изыскания на тему ленд-лиза может служить одна из первых обобщающих работ – книга американского исследователя Р.Джоунса «Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу», опубликованная в Оклахоме в 1969 г.^{сxxxv}. Он пишет: «Хотя общее количество в тоннах было невелико, все материалы имели стратегическое значение, были полезны и жизненно важны для успехов Советского Союза»^{сxxxvi}.

Весьма любопытно предисловие к этой книге, написанное известным английским военным историком профессором Дж. Эриксоном. Приведём некоторые выдержки: «Без американской помощи Россия потерпела бы крах только из-за одной нехватки продовольствия»; даже в конце 1943 года «американские поставки по ленд-лизу были все еще абсолютно необходимы для России, чтобы одержать победу»; советский народ «никогда не был полностью информирован о значении программы ленд-лиза для его усилий в войне»; «не может быть оставлена без ответа та большая ложь, которую Советский Союз стремится увековечить для будущих поколений в отношении ленд-лиза»^{сxxxvii}. Характерно, что многие откровения предисловия прямо противоречат содержанию книги. К примеру, Джоунс обращает внимание на то, что первая советская заявка от 30 июня 1941 г., рассмотренная на заседании американского кабинета 18 июля, была удовлетворена на 0,5%, при этом совсем не был разрешен экспорт оружия^{сxxxviii}; в июле 1941 года экспорт в СССР из США составил всего 6,5 миллиона долларов, а с 22 июня до 1 октября возрос до 29 миллионов долларов, что представляло собой «не более как видимость вклада в советскую оборону»^{сxxxix}. Многие американские материалы прибывали в Советский Союз не в комплекте, с повреждениями и дефектами. «Все эти проблемы производили очень плохое впечатление на русских и служили поводом для увеличения количества их протестов»^{cxl}. Таким образом, даже опираясь на один из самых авторитетных источников в западной историографии по проблеме Ленд-лиза, можно установить, что помощь союзников СССР в первые, самые трудные годы войны была минимальной.

Однако на Западе широко распространена «версия о решающей роли США в достижении победы над врагом. Соединенные Штаты изображаются "фабрикой оружия" для врагов Германии, а их военная экономика, промышленный потенциал объявляются основой победы стран антифашистской коалиции»^{cxli}. В частности, ряд немецких историков полагает, что «без материальной помощи союзников русские не смогли бы устоять в 1941-1942 гг. и тем более провести наступательные операции в 1943-1945 гг.», что «материальная помощь США Советскому Союзу была очень действенной», «Красная Армия и население питались продовольствием, поступившим из Америки»^{cxlii}. В действительности, до конца 1941 г., то есть в самый сложный период войны, Советский Союз получил менее 0,1% американской помощи. «К концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. ... В 1941-1942 годах в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944-1945 годах, после коренного перелома в ходе войны»^{cxliii}. Не случайно представитель американского правительства и лично президента Рузвельта Г.Гопкинс в беседе со Сталиным подчеркнул, что США «никогда не считали, что... помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»^{cxliv}. А в докладе президента США Конгрессу об осуществлении программы ленд-лиза за период до 31 марта 1945 г. указывалось, что «советские армии снабжались в основном советским вооружением и материалами»^{cxlv}. По оценкам сотрудника Управления военного производства США Р.Голдсмита, союзная помощь СССР не превысила 1/10 советского производства вооружений^{cxlvi}.

Между тем, многие современные исследователи разделяют мнение о чрезвычайно важной роли поставок в СССР продовольствия, одежды и особенно автомашин («джипы и студебекеры, составив 70% парка Красной Армии, стали основой ее мобильности») ^{cxlvii}. Заметим, однако, что внимательный читатель книги начальника Управления по соблюдению Закона о ленд-лизе Эдварда Стеттиниуса «Ленд-лиз – оружие победы» ^{cxlviii} нигде не найдет у него распространенной в литературе цифры в 400 тысяч автомашин в качестве американской помощи, ибо эта цифра относится уже к 1945 г., а приводимая Э. Стеттиниусом – 138 тысяч – к середине 1944 г., что позволяет реалистичнее оценить роль "авто" ленд-лиза на этом этапе войны. Действительно, за годы войны СССР произвел 205 тыс. автомобилей, а получил от союзников 427 тыс. Но, не умаляя роли поставляемых из-за рубежа автомобилей в деле моторизации Красной Армии, следует уточнить, что на 1 января 1944 г. из общего числа в 496 тыс. автомобилей 78% составляли автомобили отечественного производства. К концу войны автомобильный парк вырос до 666,5 тыс. автомобилей, где 58,1% автомобилей отечественные, 32,8% - импортные, 9,1% - трофейные ^{cxlix}.

Наконец, никто из западных (в отличие от ряда современных отечественных) исследователей никогда не отрицал, что поставки по Ленд-лизу нельзя считать полностью бескорыстными. Так, американский историк Дж.Херринг пишет: "Ленд-лиз не был самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь" ^{cl}. Другой американский исследователь Т.Уилсон признает: "...То, что Америка пережила во время войны, в корне отличается от испытаний, выпавших на долю ее главных союзников. Только американцы могли назвать Вторую мировую войну "хорошей войной", поскольку она помогла значительно повысить жизненный уровень и потребовала от подавляющего большинства населения слишком мало жертв" ^{cli}.

Об этом наглядно свидетельствуют и документы. «На выгодность и высокую рентабельность поставок Советскому Союзу по ленд-лизу неоднократно указывали в период Великой Отечественной войны государственные и политические деятели США и Англии. Во время англо-американской конференции в Касабланке в январе 1943 года Рузвельт отмечал: "Поставки в Россию - это выгодное вложение капитала". Черчилль говорил о необходимости увеличения военной помощи России, ибо "никакая другая форма вложения капитала не может обеспечить лучшие военные дивиденды" ^{clii}. При обсуждении 20 января 1943 г. Комитетом начальников штабов США стратегических планов на 1943 г. главком американских ВМС адмирал Э. Кинг говорил: "Не стоит жалеть усилий, чтобы вложить в руки русских все возможные средства ведения войны. Вопрос заключается не в том, чтобы задобрить Сталина, а в том, чтобы снабжать русских в наших собственных интересах" ^{cliii}. "Поставками из СССР, – отмечал бывший министр торговли США Дж.Джонс, – мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами" ^{cliv}.

Ленд-лиз для Америки был выгодным во всех отношениях: 1) Главное – сокращение собственных материальных и людских потерь в войне. Как говорил Трумэн, «деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально

сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи»; 2) Помогая союзным странам, США активизировали действия их армий против общего врага, а сами получали время для наращивания военного производства, развертывания и обучения вооруженных сил; 3) В обмен за помощь по ленд-лизу Советский Союз поставлял США важное стратегическое сырье и многие ценные военные материалы, оказывал посильные услуги и техническую помощь; 4) Ленд-лиз был выгоден американским монополиям (расширение производства, рост прибылей) – прибыли американских корпораций увеличились в 2,5 раза. Кроме того, за счет налогоплательщиков корпорации в годы войны получили 26 миллиардов долларов для строительства новых и переоборудования старых предприятий для нужд ленд-лиза»^{clv}.

Выгоды были немалые. И не только от ленд-лиза. Ведь единственной страной Антигитлеровской коалиции, получившей весомый экономический выигрыш от войны, стали США. Недаром в Соединенных Штатах Вторую мировую часто называют «хорошей войной». Автор труда «Хорошая война: устная история Второй мировой войны» приводит мнение одного из своих соотечественников: «Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время»^{clvi}.

И здесь уместно вспомнить, что параллельно с поставками союзникам по Антигитлеровской коалиции американцы в период войны продолжали снабжать и фашистскую Германию. Например, рокфеллеровская нефтяная корпорация «Стандарт Ойл» только по линии немецкого концерна «И.Г.Фарбениндустри» продала Гитлеру бензина и смазочных материалов на 20 млн долларов. Один венесуэльский филиал «Стандарт Ойл» ежемесячно отправлял в Германию 13 тыс. тонн нефти. Танкерный флот «нейтральной» Испании до середины 1944 г. снабжал вермахт американским «черным золотом», формально предназначенным для Мадрида. Немцам шёл из-за океана вольфрам, синтетический каучук, материалы для автомобильной промышленности. 30% автопокрышек, изготовленных на заводах Генри Форда-старшего, поставлялось вермахту, а филиал Форда в Швейцарии только осенью 1942 г. отремонтировал 2 тыс. немецких грузовиков. Торговля с Берлином шла не менее интенсивно, чем с Москвой, и прибыль, которую получали от нее американцы, исчисляется астрономическими цифрами^{clvii}.

Таким образом, утверждения современных историков-ревизионистов (повторяющих западные пропагандистские версии периода «холодной войны») о том, что будто бы СССР обязан победой в Великой Отечественной войне экономической и военной помощи англо-американских союзников, мягко говоря, не соответствует действительности. Более того, данную помощь можно назвать союзнической лишь условно: и США, и Великобритания решали свои задачи и преследовали свои собственные цели. Трудно сказать, какой бы была эта помощь и была бы она вообще, не окажись дело столь прибыльным. Ведь по поставкам по Ленд-лизу мы расплачиваемся с долгами СССР до сих пор и будем выплачивать их до 2030 г.^{clviii}.

^{сxxxv} См.: Якушевский А. Реферат на книгу Р. Джоунса "Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу" // Информационный бюллетень Института военной истории Министерства обороны

-
- СССР. № 10. М., 1972.
- сxxxvi Все цитаты приводятся по: Якушевский А. Указ. соч.
- сxxxvii Там же. С. 31, 32.
- сxxxviii Там же. С. 35.
- сxxxix Там же. С. 36.
- cxl Там же. С. 40.
- cxli Фролов М.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в немецкой историографии. СПб, 1994. С. 76-77.
- cxlii Там же.
- cxliii Там же. С. 79-80.
- cxliv Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1958. Т. 2. С. 626.
- cxlv Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324.
- cxlvi Там же. С. 330.
- cxlvii Там же.
- cxlviii Stettinius E.R. Jr. Lend-Lease: Weapon For Victory. – New York: Macmillan Co.; 1944; Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М.: Вече, 2000.
- cxlix Бобров Г. «Дары» ленд-лиза на взгляд блюдолиза // http://www.sovross.ru/2005/44/44_5_2.htm
- cl Цит. по: Яременко В. Америка нагрела руки на помощи Советам // Утро.ru. 2005. 27 апреля. Вып. 117 (1881). <http://www.utro.ru/articles/2005/04/27/433264.shtml>
- cli Уилсон Т. Соединенные Штаты: Левиафан // Союзники в войне 1941-1945. С. 197.
- clii Якушевский А. С. Указ. соч. С. 41.
- cliii Там же. С. 42.
- cliv Цит. по: Яременко В. Указ. соч.
- clv Там же.
- clvi Terkel S. The Good War: An Oral History of World War Two. N.Y., 1985. P. 575. Цит. по: Александер Ч.С. Хорошая ли это была война для Америки? // Союзники в войне 1941-1945. М., 1995. С. 324.
- clvii См.: Нерсесов Юрий. Ленд-лиз на два фронта // <http://www.specnaz.ru/istoriya/474/>
- clviii См.: Потапов В. Военная помощь Советскому Союзу // <http://www.battlefield.ru/ru/component/content/article/297-lend-lease-military-aid.html>

Д.В. Спирин

Проблема второго фронта во взаимоотношениях «Большой тройки»

Международная дипломатия периода Второй мировой войны уже в течение нескольких десятилетий является предметом исследования большого количества отечественных и зарубежных специалистов, сторонников различных подходов к исследуемой проблематике и разнообразных методологических парадигм.

Опыт складывания антигитлеровской коалиции по-своему уникален. Отношения даже между США и Великобританией оставались весьма напряженными вплоть до подписания главами этих государств Атлантической хартии 14 августа 1941 г. В то время как Советский Союз коренным образом изменил свой статус для этих стран 22 июня 1941 года.

Проблема личностного фактора во взаимоотношениях как политических элит СССР, Великобритании и США в военные годы, так и различных социальных слоев трех держав активно разрабатывается в современной историографии. В отечественной историографии проблема взаимоотношений союзников в тех или иных аспектах освещалась преимущественно в общем плане, в рамках истории Второй мировой войны. Основное внимание уделялось дипломатическому и военно-политическому тематическим блокам.

В большинстве работ, прямо или косвенно затрагивающих исследуемую нами проблематику, речь идет об аналитических исследованиях, методологически проводимых на базе исторической антропологии и социокультурной истории^{clix}. Все более популярным становится новое направление в историографии, связанное с исследованием проблем взаимовосприятия различных общественных слоев государств-союзников^{clx}.

В центре нашего внимания – проблема личного контакта: его особенностей, форм, влияние на развитие взаимного восприятия союзниками друг друга. Этим сюжетам уделяет внимание Г. Киссинджер^{clxi} в своей работе под названием «Дипломатия^{clxii}», в 1994-1995 гг. имевшей статус национального бестселлера в США. Автор делает акцент на выявлении и исследовании психологического аспекта в личных взаимоотношениях И.В. Сталина, В.М. Молотова, У. Черчилля, Ф. Рузвельта, а также А. Гитлера. Каждому из них Г. Киссинджер присваивает определенный «тип ментальности» – и на основании этого предполагает, каким образом эти типы соотносились между собой в реальности, и в чем именно данный фактор мог найти свое отражение. Итогом данного анализа стал вывод, согласно которому «лик Сталина» был в большей степени идентичен «психологическому портрету» Гитлера – что априори упрощало как их заочную коммуникацию, так и диалоги, консультации по важнейшим политическим вопросам с участием их доверенных представителей. В то же время, предпринимавшиеся в течение 1930-х годов попытки налаживания дипломатических контактов СССР с будущими партнерами по военному альянсу именуется автором поисками «союза от безысходности^{clxiii}». Исходя из этого, он формирует свое отношение к перспективам широкой коалиции «противостояния и сдерживания».

Проблема организации союзниками второго фронта в Европе являлась одной из основополагающих и наиболее острых тем в переписке и дискуссиях между И.В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем.

Для главы советского правительства в период 1941 – 1944 гг. решение именно данного вопроса имело первостепенную важность, и от того, насколько партнеры СССР по антигитлеровской коалиции приближались к тому, чтобы удовлетворить многочисленные просьбы и требования И.В. Сталина о высадке крупного десанта на французском побережье – напрямую зависела степень их доверия друг к другу. Главным образом, для каждой из сторон было непросто поддерживать своеобразный баланс между необходимостью укрепления военно-стратегического сотрудничества в борьбе с Гитлером и геополитическими интересами стран в послевоенные годы, соблюдение которых подчас требовало, прежде всего, от Ф. Рузвельта, У. Черчилля и их преемников действий, направленных на «сдерживание» Советского Союза и недопущение распространения его политического влияния на европейском континенте.

Проблема второго фронта трудно решалась с самого начала германской агрессии в отношении СССР. Впервые этот вопрос был актуализирован в личном послании И.В. Сталина, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании У. Черчиллю^{clxiv}, в котором содержалось предложение создать фронты против Гитлера в Северной Франции и Арктике. Глава британского кабинета министров отклонил советское предложение, ссылаясь на недостаток имеющихся у Великобритании сил и угрозу неминуемого, по его словам, «кровопролитного поражения десанта».

Стоит отметить, что еще в декабре 1941 года на конференции в Вашингтоне У. Черчилль активно продвигал проект совместной англо-американской операции во Французской Северной Африке, реализация которого, в сущности, сводила вероятность наступления союзников через Ла-Манш к нулю, что неминуемо приводило к обострению напряженности в отношениях между Великобританией и Советским Союзом^{clxv}.

В Соединенных Штатах, в свою очередь, активно прорабатывались стратегические планы, которые могли быть реализованы в случае, если СССР не смог бы выстоять в борьбе с армиями Вермахта. Обсуждения проходили на фоне обнародованного американскими дипломатами, посетившими Москву вместе с У. Уилки, сообщения о крайне негативном отношении советских лидеров к Великобритании и проводимой ею политике. В частности, И.В. Сталин сообщал в Лондон И.М. Майскому о том, что в Москве создавалось впечатление, будто У. Черчилль в действительности рассчитывает на поражение СССР в войне и готов в этом случае вступить в переговоры с А. Гитлером^{clxvi}. Отметим, что в советской периодической печати, всецело подконтрольной партии и правительству, стали появляться, в частности, карикатуры, высмеивающие нерешительность и «осмотрительность» партнеров нашей страны по антигитлеровской коалиции в данном аспекте. Причем в противовес «осторожности» британских политиков и лично У. Черчилля изначально приводились американские сторонники скорейшей высадки крупного десанта союзников в Европе.

Московская конференция, на которой главными действующими лицами были министры иностранных дел Великобритании, СССР и США не расставила все точки над «i» в отношении начала союзниками наступательной операции в Европе, однако она позволила подготовить почву для личной встречи глав трех государств, которая и состоялась 28 ноября – 1 декабря 1943 в столице Ирана. Стоит отметить, что этом городе в качестве места проведения трехсторонних переговоров на высшем уровне решительно настаивал И.В. Сталин.

Отмечая иные положительные моменты Тегеранской конференции, возглавивший посольство Соединенных Штатов в СССР А. Гарриман называл чрезвычайно важным установление личного контакта между И.В. Сталиным и Ф. Рузвельтом. Более того, ему показалось, что советский лидер общался с президентом не только с большим уважением, но даже изрядной симпатией к собеседнику, а взгляды американской стороны импонировали ему гораздо в большей степени, нежели позиции Великобритании и лично У. Черчилля^{clxvii}.

Операция «Оверлорд», начавшаяся 6 июня 1944 года приблизила завершение Второй мировой войны. Стоит отметить, что именно на первые месяцы, прошедшие с момента высадки союзных армий в Нормандии, пришелся период наиболее доверительных отношений между державами, входящими в антигитлеровскую коалицию, не смотря на то, что с точки зрения советского правительства эта мера была отнюдь не своевременной. Так, в американской периодической печати заметно увеличилось количество публикаций об СССР, а И.В. Сталин и вовсе стал одной из наиболее популярных фигур и главным героем множества авторских материалов^{clxviii}. Однако степень доверия И.В. Сталина, советского правительства и народа к заверениям, обещаниям и даже официальным соглашениям с западными союзниками неуклонно снижалась, что заметно отразилось на советско-американских отношениях после смерти Ф. Рузвельта.

Если во время визита В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон его цель – склонить политических лидеров США и Великобритании к проведению десантной операции через Ла-Манш, называлась трудно достижимой, но вполне осуществимой с прицелом хотя бы на 1943 год, а ее отсутствие к концу лета 1942 г. едва не привело к серьезной конфронтации, по меньшей мере между Председателем Совета Министров СССР и У. Черчиллем, то в дальнейшем И.В. Сталин воспринимал новые отсрочки высадки хотя и подчас с осуждением и даже негодованием, но все же – как данность, и предпочитал искать с партнерами по коалиции иные формы взаимодействия и компромисса.

-
- clix Иванов Р.Ф. Сталин и союзники, 1941 – 1945. Смоленск. 2000.
Мальков В.Л. Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии. М. 1988.
Россия в 20 веке. Война 1941 – 1945 годов: современные подходы. М. 2005.
- clx Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны / Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск. 2005. С.320 – 359.
Материалы сборников «Россия и внешний мир».
- clxi Государственный секретарь США в 1973 – 1977 гг. Лауреат Нобелевской премии мира.
- clxii Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997.
- clxiii Там же. С.289.
- clxiv Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2-х т. М. 1976., Т.1. С.18.
- clxv Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. С. 37.
- clxvi Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, Т.1. С. 294.
- clxvii Борисов А.Ю. СССР и США: Союзники в годы войны. 1941 – 1945. С.56.
- clxviii Позняков В.В. Американское общественное мнение и проблема сотрудничества СССР и Соединенных Штатов. М. 1991. С. 109.

Н.А. Копылов

1941 год в Прибалтике: традиционные мифы и новые источники.

События Великой Отечественной войны в течение последних двадцати лет являются постоянным объектом внимания научных кругов и средств массовых информационных. На страницах научных и популярных изданий, в прессе и телевизионных передачах публикуются и озвучиваются различные подходы к изучению тем периода 1939 – 1945 гг. Подобная практика приводит к расширению границ научно-политического дискурса, что, в свою очередь, способствует введению в научный оборот новых документов, фактов и сведений, позволяющих по-новому оценивать произошедшие события, зачастую подвергая их суровой переоценке.

Сложившаяся к настоящему времени в российском обществе историко-политическая ситуация напрямую проистекает из событий рубежа 1980-х – 1990-х годов XX века, символом которых стало крушение Советского Союза и господствовавших в советском обществе идеологических догматов. Подобный подход, основными чертами которого стали отрицание старой военно-исторической парадигмы и стремление представить роль бывших советских республик как самостоятельный эпизод второй мировой войны, породил немало исторических мифов, господствующих в общественном сознании по настоящее время. В данном случае предлагается взять за основу определение мифа А.Ф. Лосевым, как «максимально интенсивной и в величайшей степени напряженной реальности. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни».^{clxix}

Особое внимание при данной постановке проблемы, привлекает формирование мифов о роли и участии в событиях Великой Отечественной войны стран Балтии, бывших прибалтийских республик СССР, которое по настоящее время оказывает большое влияние на систему политических отношений Российской Федерации со странами Балтии.

Среди комплекса документов, привлекаемых как российскими, так и прибалтийскими исследователями в защиту своих позиций большую роль играют неопубликованные источники, в частности свидетельства непосредственных участников войны, до сих пор хранящиеся в государственных и частных архивах.

Одним из таких документов являются воспоминания генерал-майора Ивана Дмитриевича Копылова, проходившего службу в 1939-1941 гг. на территории Литовской республики в составе войск Прибалтийского особого военного округа. Данные воспоминания были завершены 25 марта 1981 г., однако, в силу определенных организационных и идеологических причин не публиковались.^{clxx} Между тем, изучение текста и составление комментариев к нему позволяют по-новому взглянуть на события начального периода Великой Отечественной войны в разрезе современных общественно-политических мифов.

К этому следует прибавить, что тема участия территориальных стрелковых дивизий в войне до сих пор, за редким исключением, практически не изучена в современной историографии^{clxxi}.

Подобная ситуация приводит к возникновению и превращению в историко-политические мифы различных толкований событий начального периода Великой Отечественной войны, в первую очередь, с точки зрения представителей стран Балтии. Ярким примером является трактовка событий 1939-1941 гг. как периода «советской оккупации» и подготовки к агрессивным внешнеполитическим действиям. Подобного рода трактовка исторических фактов уже прочно укоренилась в общественном сознании, однако более детальный анализ новых источников представляет данные события совсем в ином свете.

В первую очередь, это касается «мифа об оккупации» Советским Союзом прибалтийских республик в 1940 г. и последующей за этим репрессивной деятельностью аппарата государственной безопасности. Очевидцы данных событий и документы наркомата Оборона Союза ССР дают несколько иную интерпретацию событий.

Приказом народного комиссара обороны № 0191 от 17 августа 1940 г. вооруженные силы прибалтийских республик были преобразованы в территориальные стрелковые корпуса РККА: «Существующие армии в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР сохранить сроком на 1 год, очистить от неблагонадежных элементов и преобразовать каждую армию в стрелковый территориальный корпус, имея в виду, что комсостав закончит за этот срок усвоение русского языка и военную переподготовку, после чего территориальные корпуса заменить экстерриториальными, формируемыми на общих основаниях».^{clxxii} В состав 29-го корпуса были включены две дивизии: 179-я и 184-я стрелковые. Далее приказом наркома обороны определялась структура новых частей: «Начальнику Управления кадров и начальнику Главного управления политической пропаганды Красной Армии для укрепления командного и политического состава 22-го, 24-го и 29-го стрелковых корпусов выделить частично на командные и политические должности командный и политический состав Красной Армии из числа соответствующих национальностей и

русских».^{clxxiii} Именно в связи с данными организационными мероприятиями И.Д. Копылов был назначен на должность заместителя начальника штаба 179-й стрелковой дивизии Прибалтийского военного округа. Прибыв к месту службы, автор отметил общее состояние нового формирования: «Боевая и политическая подготовка проводилась на родном языке. Ряд должностей подлежал укомплектованию опытными советскими командирами и политработниками, а именно: в роте – политрук, в батальоне – заместитель командира батальона, в полку – полковой комиссар и заместитель командира полка, в дивизии – дивизионный комиссар, заместитель командира дивизии, заместитель начальника штаба, помощник начальника связи. Корпусом командовал генерал-лейтенант Виткаускас, дивизией – генерал-майор Чапас».^{clxxiv} Подобные штатные мероприятия с сохранением национального языка и национального состава дивизий мало походят на «оккупационные действия», однако некоторые пункты приказа № 0191 позволяют вольным образом представлять действия советских властей в Прибалтике: «5. Совместно с правительствами союзных советских республик проверить и очистить от неблагонадежных элементов кадры Эстонской, Латвийской и Литовской армий. На командный состав Эстонской, Латвийской и Литовской армий, как на подлежащий оставлению в армии, так и на неблагонадежный, подлежащий увольнению из армии, выслать личные дела в Управление кадров Красной Армии».^{clxxv}

Данный пункт приказа стал основой для формирования мифа о «кадровых репрессиях», проведенных в период становления советской власти в прибалтийских республиках. В тоже время анализ биографических данных высшего командного состава армии Литовской республики, перешедшего в состав 29-го стрелкового корпуса, не может подтвердить справедливость данного утверждения. В перечень национального командного состава 179-й сд следует включить следующих лиц: командир корпуса генерал-лейтенант Виткаускас В.И., командир дивизии бригадный генерал Чапас А.С., начальник штаба корпуса генерал-майор Чернюс Н.К., начальник артиллерии генерал-майор артиллерии Иодишос И.В., начальник штаба 179 сд полковник Урбшас А.И., первый командир 179 сд 29-го корпуса дивизионный генерал Пундзявичус С.И., командир 215-го стрелкового полка 179-й дивизии полковник Шуркус А.А., командир 618-го легкоартиллерийского полка 179 сд Дапкус А.А., командир 619-го гаубичного артполка 179-й дивизии подполковник Ионавичус А.И., командир 87-го отдельного разведбатальона 179 сд подполковник Л. Вершила.

В своих мемуарах И.Д. Копылов так описывает вступление в должность начальника штаба дивизии: «В начале июня командир комкор, комдив и командиры полков убыли в Москву на учебу, их места заняли заместители. К этому моменту относится усиление активности враждебных советской власти элементов, в том числе и в воинских частях».^{clxxvi} Данный факт никак не может соответствовать тезису о «репрессиях» среди командного состава, так как биографические данные командного состава литовской дивизии свидетельствуют, что из десяти упомянутых представителей только пять человек подверглись судебным преследованиям, из которых С.И. Пундзявичус вообще не был аттестован в командный состав РККА, так как входил в руководство ФЛА («Фронта литовских активистов»). Впоследствии он эмигрировал и скончался 20 октября 1980 г. в Америке. Подполковник Л.Вершила был арестован 22 июня 1941 г. вследствие воинской измены: «Когда подходило время выхода головной

колонны дивизии из лагеря в район обороны, появился гонец из разведбата, сообщивший пренеприятнейшую новость: весь батальон во главе с его командиром подполковником Виршила сдался немцам, выкинув белый флаг. Военкому батальона Прокопенко с небольшой группой разведчиков удалось вырваться и вернуться в дивизию».^{clxxvii} Представители высшего командного состава (В.И. Виткаускас, А.С. Чапас, А.И. Ионавичус, А.А. Шуркус и др.) заняли командные и преподавательские должности в 16-й литовской стрелковой дивизии и в военных академиях Москвы. В целом. По составу корпуса процент лиц, заключенных в ИТЛ составляет не больше 30%, что заставляет по-новому взглянуть на проблему репрессий среди литовского командования. Наоборот следует отметить факты террористических действий со стороны литовского населения по отношению к командному составу Красной Армии до и в начальный период войны. Типичный случай описан автором воспоминаний о первых днях военных действий на территории Литовской ССР: «В это же время среди бела дня к машине командира нашего стрелкового полка подошел местный житель в убогой одежде и попросил разрешение обратиться. Командир разрешил и не успел глазом моргнуть, как был сражен выстрелом из обреза. При загадочных обстоятельствах во время дневного привала был убит майор Барткус, командир батальона. Враги отомстили ему за преданность советской власти»^{clxxviii}.

Данная попытка рассмотреть господствующие в современном общественном сознании мифы начала Великой Отечественной войны на основе привлечения новых источников и комментирования их является небольшим вкладом в дело восстановления исторической справедливости в отношении событий 1940-1941 гг.

clxix Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. С.

clxx Копылов И.Д. Когда горел закат. Собрание архива семьи Копыловых. Машинопись. 25 С.

clxxi См: Иринархов Р.С. Прибалтийский особый. Минск, 2004. Драбкин А.В., Исаев А.В. 22 июня.

Черный день календаря. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

clxxii РГВА. Ф.37848. Оп. 1. Д.8. Лл.2-9. Машинопись, заверенная копия.

clxxiii Там же.

clxxiv Копылов И.Д. Указ. Соч. С.2-3.

clxxv РГВА. Ф.37848. Оп. 1. Д.8. Лл.2-9. Машинопись, заверенная копия.

clxxvi Копылов И.Д. Указ. Соч. С.3.

clxxvii Там же. С.4.

clxxviii Там же. С 5.

Г.А.Куренков

ВКП(б) на страже партийно – государственной тайны накануне Великой Отечественной войны

К началу Великой Отечественной войны в партийных структурах ВКП(Б) уже функционировала определенная система защиты информации со своей структурой, кадрами, функциональными направлениями деятельности, документальным обеспечением. Сведения, сосредоточенные в документальных комплексах в структурах ВКП(б), имели свою специфику, определяемую наличием государственных и политических сведений, отраженных одним носителем информации. Поэтому в своем лице партия большевиков, являясь правящей партией, совместила работу по обеспечению защиты как государственной, так и политической (партийной) тайн.

С 1920 года в аппарате ЦК создаются секретные подразделения. Сначала Секретный отдел, потом Бюро Секретариата. В 1926 году Бюро Секретариата снова переименовывается в Секретный отдел. В начале 1930-х годов происходит усиление Секретного отдела, возрастает его роль. Так решением Политбюро 20 октября 1930 года было: " Признано необходимым в кратчайший срок перевести Секретный отдел ЦК со Старой площади в Кремль."¹ В ноябре 1933 года Секретный отдел был реорганизован. По решению XVII съезда ВКП(б) партийный аппарат перестраивался по производственно-территориальному принципу. Претерпевал изменения и аппарат ЦК. Секретный отдел был преобразован в Особый сектор. 10 марта 1934 года Политбюро назначило заведующим Особым сектором А.Н. Поскребышева.² Данные подразделения вели секретное делопроизводство ЦК, проверяли условия хранения и использования секретных документов, расследовали факты нарушений требований инструкций по секретному делопроизводству, хранению и использованию секретных документов, совместно с органами ГПУ, НКВД расследовал факты утери и разглашения секретных сведений и документов, разрабатывали секретные инструкции, вели шифровальную и дешифровальную работу, осуществляли другие режимно - секретные мероприятия. В феврале-апреле 1934 года имеющееся в аппарате ЦК Бюро международной информации также придавалось Особому сектору. Неоднократные реорганизации и сокращения, проходившие в аппарате ЦК, функционально почти не затрагивали секретных подразделений. Функции данных подразделений не менялись. По подобию ЦК создавались и структуры партийных комитетов на местах. Особые сектора, с аналогичными функциями, были образованы и в ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах. Их работа строилась по принципу Особого сектора ЦК и подчинялась непосредственно секретарям партийных комитетов, а в парткомах, где количество проходящих секретных документов было невелико, работа возлагалась на отдельного, специально для этого выделенного доверенного.

Большинство документов высших органов партии (Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК) имели гриф "секретно", "совершенно секретно". Опубликование их в печати производилось по решению Политбюро, после чего они утрачивали ограничительный гриф. Ряд постановлений обнародовались совместно или от имени советских органов (СНК, СТО и т.д.). Образовались и определенные специфические виды и целые комплексы секретных документов. Наиболее известные из них, так называемые "закрытые" или "политические" письма и "Особые папки". Состав сведений (вопросов), включаемых в "Особую папку", касался самых различных сторон партийной и государственной деятельности, но, в основном, это вопросы международной, оборонной, национальной, административной, кадровой политики, внутренних дел и государственной безопасности, антигосударственных выступлений и беспорядков, контрреволюционной и оппозиционной деятельности, решение особо важных хозяйственных вопросов, рекомендации по использованию и сохранности секретных сведений и документов, контроль за соблюдением режима секретности в партийных и государственных органах и т. д. Причем, вопросы военно-мобилизационного и международного характера, в конце 1930-х годов преобладали. Состав сведений, включенных в "Особую папку" парторганов зависел также и от статуса, географического положения, социально-экономического потенциала территориального образования. К примеру, в приграничных районах,

включались вопросы по охране и укреплению границ; в промышленных - работы оборонных предприятий; в национальных - проблемы национальных взаимоотношений и т. д. Так, в 1941 году, не задолго до войны, в ЦК обсуждались такие вопросы, внесенные в «особую папку», как секретно-мобилизационное делопроизводства, призыв и учет военнообязанных коммунистов, результаты проверки соблюдения и использования конспиративных документов ЦК, уничтожения архивных документов по оборонно-мобилизационной переписке, состояние хранения секретных документов в учреждениях, вопросы закрытых писем и информации закрытого характера, работы оборонных предприятий, разглашения государственной тайны, охраны и укрепления государственных границ, интернирования и переселения с приграничной полосы, укрепления паспортного режима. Не смотря на специфику решаемых задач в каждом регионе, выносимых на закрытых заседаниях парторганов, оставался определенный круг вопросов и сведений, которые в обязательном порядке подлежали засекречиванию и внесению в "Особую папку". Это сведения, составляющие государственную тайну, вынесенные в «Перечень сведений, составляющий тайну и не подлежащих распространению».

Для хранения документов, составляющих партийно – государственную тайну в структурах ВКП(б) создавались определенные условия для секретного хранения. Так еще в марте 1925 года на заседании Секретариата ЦК было принято решение: «...г) В Архиве ЦК выделить Оперативно-секретную часть для хранения секретных документов. д) Архив хранить в Кремле, а его Оперативно- секретную часть в Секретариате ЦК.».³ Далее утвержденное Секретариатом ЦК ВКП (б) 28 июня 1929 г. «Положение о едином партийном архиве» окончательно оформило самостоятельную ведомственную систему партийных архивов. На местах также были созданы партийные архивы, где имелись документы закрытого архивного хранения. Секретные документы хранились в оперативно-секретных частях партийных архивов. Режим секретности, хранения и использования регламентировались постановлениями и нормативными документами ЦК, и местными решениями партийных комитетов. В 1939 году в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП (б) от 2 декабря 1939 года все партийные архивы выводились из подчинения ИМЭЛ при ЦК ВКП (б) и передавались в ведение местных партийных органов, т. е. становились частью партийного аппарата. Кремлевские архивы ЦК (Политбюро, Оргбюро, Секретариата) а также архив Особого сектора и отделов ЦК всегда оставались закрытыми, допуск к ним был строго ограничен даже для сотрудников ЦК.

К 1930- ым годам был принят ряд общесоюзных государственных и партийных инструкций, регламентирующих вопросы организации защиты информации. В 1930 - 1940 -х годах такая работа по продолжилась как на государственном так и на партийном уровнях. Особенно это касалось военного ведомства. Так приказом Наркома по военным и морским делам СССР № 70 от 25 сентября 1930 года было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях РККА». В 1937 году был издан приказ Наркома обороны СССР № 0043 «Об основах и организации скрытного управления войсками», № 0105 «О мероприятиях по зашифровке наименований войсковых частей и сохранению в тайне дислокационных сведений». Приказом НКО СССР № 150 от 4 сентября 1939 года было введено в действие «Наставление по секретному делопроизводству в РККА»,

приказом № 0130 от 20 июня 1940 года «Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений КА», а перед самой войной, приказом Наркома обороны № 095 от 5 марта 1941 года «Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР». Постановлением СНК СССР от 17 июня 1939 года № 884-145 с «О реорганизации фельдъегерской связи НКВД СССР» закреплялся уже фактически существующий порядок перевозки секретной и совершенно секретной корреспонденции ЦК ВКП (б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, НКО, НКВМФ и НКВД от Москвы до республиканских, краевых, областных центров и обратно через фельдъегерскую связь НКВД, перевозка от всех ведомств (за исключением перечисленных) секретной, совершенно секретной и драгоценных металлов от центра до районов и обратно через специально созданную Специальную связь Наркомата связи.

2 января 1940 года Постановлением СНК СССР была утверждена общегосударственная «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях». Данный документ регламентировал почти весь комплекс работ по соблюдению режима секретности и работе с секретными документами в учреждениях и на предприятиях страны. В партийных структурах в 1940-1941 гг. (до начала войны) в соответствии с постановлениями Политбюро, Оргбюро, Секретариата и инструкциями ЦК, таких как «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов заседаний бюро и Пленумов обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик», «Инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК республик», утвержденной ЦК ВКП (б) от 28 июня 1940 г. и другими, местными нормативными документами регламентировалась постановка секретного делопроизводства в партийных структурах на местах.

Обеспечение секретности партийного и государственного обмена информацией требовало ее защиты от несанкционированного чтения (ознакомления). Особенно это было важно в предвоенное время. Это обуславливало проведение мероприятий по созданию систем технической передачи и защиты информации, создание специальной техники, шифров и кодов, организации шифрработы в целом как в партийных, так и государственных органах. Еще в мае 1921 года официально было создано сверхсекретное подразделение – Специальный отдел при ВЧК, затем – ГПУ, которое должно было заниматься криптографией и шифрработой. Со временем функции отдела будут значительно расширены. В аппаратах ЦК и парткомов на местах создаются специальные службы, занимающиеся шифровкой и дешифровкой сообщений. В ЦК это были Шифрбюро, Шифротделение, IV сектор Секретного отдела и т. п.; на местах – специальные шифрподразделения со штатом шифрработников. В 1930-х гг., к примеру, это - шифрбюро Особых секторов партийных комитетов, где зав. Особыми секторами одновременно стали и зав. Шифрбюро. В таком виде структура, в которую входило шифрбюро, оставалась неизменной и до начала Великой Отечественной войны. Все шифровальщики являлись секретными сотрудниками партии. Наличие шифрчастей и шифрработников в партийных комитетах являлось партийной тайной. Все ограничения, связанные с работой с секретными сведениями, распространялись и на сотрудников шифрподразделений. С развитием специальных технических средств, накоплением опыта, решения вопроса кадрового обеспечения, эффективность технических и организационных мероприятий по данной работе резко возрастала. Партийные структуры

пользовались своей специально разработанной системой шифров и кодов и защитой информации в целом. Но, насколько известно, с 1940 года партия перешла на государственную систему шифров и кодов, использующимися соответствующими государственными органами и спецслужбами.

Одним из направлений данной работы в советском государстве являлся контроль за возможной утечкой секретных сведений через средства массовой информации и печатные издания, причем данные сведения могли быть как военно-экономического, так и политического характера. Первыми, известными автору шагами (возможно, были более ранние) в этом направлении, были разработка и утверждение декретом СНК РСФСР 13 октября 1921 года, «Перечня сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению». Далее перечни разрабатывались и в 1922, 1923, 1925, 1926 годах. В 1930 – 1940 ые гг. продолжалась работа по осуществлению контроля и регламентации порядка использования и опубликования партийных документов, особенно высших органов партии. Так, 30 декабря 1934 года на заседании Оргбюро рассматривался вопрос «О порядке опубликования и освещения в печати постановлений Оргбюро и Секретариата», на котором постановили: " Установить, что как опубликование, так и освещение в газетах и журналах постановлений ЦК может производиться только с разрешения в каждом отдельном случае одного из Секретарей ЦК. За нарушение настоящего постановления виновного снимать с работы."⁴ Обострение международной обстановки, увеличение заинтересованности к военным вопросам в печати, требовало уделять более пристальное внимание военной цензуре. Так, по постановлению Оргбюро ЦК «О военной цензуре» от 19 сентября 1933 года, военная цензура выделяется в самостоятельный орган, - аппарат Уполномоченного СНК СССР по охране военной тайны в печати, непосредственно подчиненный правительству СССР. Группу Главлита РСФСР по военной цензуре выделили в самостоятельный отдел при Уполномоченном СНК СССР. В союзных республиках при начальниках Главлита создавались отделы по военной цензуре, которые также подчинялись Уполномоченному СНК СССР. Не военными, но «служивыми» людьми были и сотрудники других цензурных органов. С 1937 года цензоров газет вводят в партийную номенклатуру. В начале 1940 года укрепляются кадрами низовые органы цензуры. Устанавливалось также, что райкомы не имеют право смещать и переводить уполномоченных Главлита на другую работу без санкции на то ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП (б).⁵ Перед самой войной, была создана комиссия по разработке правил охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати. 30 мая 1941 года на заседании Секретариата ЦК был представлен проект правил. Секретариат поручил Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) направить и запросить по проекту отзывы наркоматов Обороны, Военно-морского флота, Иностраннных дел, Внутренних дел и Государственной безопасности и к 10 июня 1941 года представить проект в Секретариат ЦК с учетом, внесенных поправок.⁶ Факт разработки данных правил говорил о озабоченности большевиков проблемой защиты государственной и политической тайны в средствах массовой информации перед войной, когда явно ощущалась угроза и перспектива войны.

Одной из самых сложных проблем для руководства партии и страны был контроль за выполнением принимаемых решений, в том числе и по соблюдению режима конспирации и пользования секретными документами. Одним из методов данной работы была организация и проведение проверок со стороны ЦК и органов

государственной безопасности. Случаи кражи и утери секретных партийных документов также вынуждали ЦК более серьезно и на постоянной основе проводить мероприятия по обеспечению режима секретности и проверки соблюдения конспирации при работе с документами. С января 1926 года проверки стали носить плановый характер.⁷ Во второй половине 1930-х годов плановые проверки продолжались.⁸ По результатам проверок делались определенные организационные выводы. По малозначащим делам до 1930-х годов, виновным выносились довольно мягкие взыскания, ограничиваясь организационными и административными мерами: постановка на вид; прекращение, на определенный срок, высылка секретных документов; выговор; строгий выговор. Редко дело доходило до более строгих мер. Но с 1930 – х годов наблюдается ужесточение санкций; – снятие с занимаемой должности, увольнение с работы, вплоть до передачи дел в прокуратуру и ОГПУ на расследование и привлечение к уголовной ответственности. В середине 1930 –х гг. была введена в действие статья Уголовного кодекса : «Разглашение секретных и не подлежащих оглашению сведений». Так, 31 августа 1935 года Политбюро рассмотрело вопрос «О привлечении к ответственности военного цензора Галгута». Постановление было строгим: «Предать суду военного цензора Галгута за утерю секретного документа, который, таким - то образом, стал известен иностранцам».⁹ В 1940 -е гг., перед самой Великой Отечественной войной, усилилась работа по проверке соблюдения секретности и расследованию фактов разглашения секретных сведений, в первую очередь по военным делам. Так, 23 февраля 1940 года, на Секретариате ЦК рассматривался вопрос «Об утере совершенно секретных документов в Наркомате военно-морского флота».¹⁰ Военная прокуратура приняла дело к производству и исполнению. Даже непосредственно перед войной, в некоторых ведомствах наблюдались факты беспечного отношения к секретным сведениям. Иллюстрацией этого может служить, рассмотренный Оргбюро ЦК в декабре 1940 - феврале 1941 года, вопрос «О фактах разглашения секретных сведений Московской радиостанцией Наркомрыбпрома», где систематически передавались в незашифрованном виде по азбуке Морзе радиограммы секретного содержания, в которых разглашались планы снабжения рыбной продукцией воинских частей, лагерей ГУЛАГа НКВД, данные о создании государственных резервов и о месте нахождения баз госрезерва.¹¹

Органы государственной безопасности, будучи одной из структур исполнительной власти, претворяли в жизнь решения, принимаемые на высшем партийно- государственном по вопросам утечки информации и противодействию иностранным разведкам. 5 мая 1921 года по постановлению Малого Совнаркома был создан Специальный отдел при ВЧК (затем ОГПУ). Но он фактически не подчинялся руководству органов безопасности, пользовался автономией и находился в ведении партии. Одной из функций данного подразделения была работа по охране государственных и партийных (политических) тайн от разглашения и утечки, контроль ведения шифровального и секретного делопроизводства в учреждениях и ведомствах. По постановлению Политбюро ЦК от 27.11.36 г. Главное управление государственной безопасности было реорганизовано, а в его новой структуре, [*скорее всего из СПЕКО - К. Г. А.*] после 1936 года, был создан Специальный (секретно-шифровальный) отдел. Приказом НКВД СССР № 00383 от 28.11.36 г. Главное управление было реорганизовано и на его базе создано 10 отделов. Начальником 9 Специального отдела был назначен Г.

И. Бокий. 3 февраля 1941 года НКВД было разделено на самостоятельные НКВД и НКГБ. В феврале 1941 года дешифровальная секция Спецотдела вошла в состав одного из управлений НКВД. 14 апреля 1941 года был образован знаменитый «СМЕРШ», в составе которого было создано 5-е шифровально-дешифровальное управление. Взаимодействие правящей партии со службами безопасности, в масштабах страны, не позволяли осуществляться крупных утечек информации. Разведслужбам соперничающих с Советским Союзом государств, по их признанию, было очень трудно работать в нашей стране. К примеру, перед войной: «Немецкие генералы признавали особо сложные условия для деятельности западных разведок в СССР. По свидетельству Левекюна, **[немецкий генерал-К.Г.А.]** Советская Россия еще до начала войны представляла в отношении разведки особо трудную проблему».¹² С одной стороны, усиление влияния и власти И. В. Сталина и обострение международной обстановки в Европе в связи с приходом к власти фашистов в Германии и действия японских милитаристов в Азии, требовали и способствовали ужесточению мер. Естественно, проведение организационных, методических и административных мероприятий давало положительные результаты, но с другой стороны, все -таки, на наш взгляд, не везде и не всегда этому придавалось должное значение.

На сложившуюся международную обстановку ориентировались все страны, разрабатывая свои военно-политические концепции национальной безопасности. Советский Союз, как и все страны, осознавая опасность войны, в основном, враждебное окружение, был вынужден принимать соответствующие меры противодействия и защиты, в том числе организовывая систему защиты государственной, политической (партийной) тайны. Можно констатировать, что в советское время, особенно в «сталинский период», советское общество было закрытым. В этом были свои минусы и плюсы. С одной стороны это не вписывалось в рамки демократических свобод и давало возможность скрывать негативные моменты, но с другой, - усложняло работу иностранных разведок. В главном, работа по обеспечению режима секретности была направлена на обеспечение внешней безопасности страны. Так, к примеру: « В одной документальной публикации, вышедшей в 1935 году в Париже, немецкие эмигранты назвали имена 2450 нацистских агентов- профессионалов, примерно 20 тысяч агентов непрофессионалов и указали на наличие в разных странах мира 24 нацистских ячеек».¹³ И это была реальная опасность, приведшая ко Второй Мировой войне. Советское государство также беспокоило сотрудничество разведок против СССР. Так, шефу фашистской немецкой разведки Шеленбергу: «...представлялась... федерация европейских секретных служб».¹⁴

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны, в партийных органах сложилась определенная система защиты партийно-государственной тайны, которая, без некоторых недостатков, была вполне надежной. Данная система в целом соответствовала условиям и требованиям внутренней и внешней обстановки. Защита информации в партийных структурах, исходя из специфики партийно – государственного устройства, входила в общую централизованную систему защиты информации в стране в целом, являясь ее составной частью. Обеспечение секретности (защита информации), как в государственных органах, так и в структурах ВКП (б), не позволило противнику собрать достаточно полную информацию об экономическом, военном и морально - политическом потенциале

страны, что в конечном итоге явилось одним из факторов победы нашего государства в Великой Отечественной войне.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 54.

² См. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. С. 275.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 646. Л. 4.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 575. Л. 9.

⁵ См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 29. Л. 135.

⁶ См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 93. Л. 1.

⁷ См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 163. Л. 24.

⁸ См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 4.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 28.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 64. Л. 66.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 67. Л. 70-71.

¹² В. А. Волков. Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй Мировой войны. Л. 120.

¹³ Мадер Ю. Тайное становится явным. Л. 33.

¹⁴ Цит. Мадер Ю. Тайное становится явным. Л. 30.

И.О. Колдомасов

Военные миссии государств антигитлеровской коалиции в воспоминаниях очевидцев: проблема результативности.

Деятельность военных миссий СССР, США и Великобритании в военные годы является одним из неоднозначных вопросов в истории существования антигитлеровской коалиции. Как известно, обмен военными миссиями СССР и Великобритании состоялся после нападения Германии на Советский Союз – делегация генерала Н. Месон-Макфарлана прибыла в Москву уже 27 июня 1941г., а ответная военная миссия генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова вылетела в Англию 6 июля 1941г. Главной задачей британцев считалась передача советским военачальникам опыта, накопленного за годы войны с Германией, а также сбор информации о положении на Восточном фронте. Несмотря на то, что руководитель миссии «даже в самые трудные для СССР дни был убежден, что русские, во всяком случае, исполнены решимости вести очень затяжную войну и что даже потеря Москвы ... не означала бы конца»^{clxxix}, ее работа была фактически заблокирована – «миссия была почти полностью отстранена от политических вопросов и оценки потребностей СССР в войне»^{clxxx}. Обоснование позиции советского правительства включало неразглашение важных военных сведений (англичан подозревали в шпионаже) и незаинтересованность вести диалог с лицами без определенных полномочий.

Кандидатура Ф.И.Голикова в качестве руководителя советской миссии была выбрана по личному указанию И.В. Сталина, хотя генерал никогда ранее не бывал за границей и не говорил на иностранных языках. Задачи, поставленные перед Голиковым и его подчиненными, сводились к решениям вопросов о начале поставок вооружения и стратегических материалов и согласованию проблемы открытия второго фронта^{clxxxi}. В решении обеих задач миссия не преуспела: за неделю, проведенную в Лондоне, советские военные не смогли решить ни один вопрос с практической точки зрения, а многие принимавшие их лица были негативно настроены по отношению к новым союзникам. Например, встреча с военным министром Г. Моргенсоном прошла «в стоячку», поскольку, как

вспоминал заместитель руководителя миссии контр-адмирал Н.М. Харламов, «руки Моргенсон никому не подал. Сесть не предложил Слушал ... рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярким противником сотрудничества Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе»^{clxxxii}. С премьер-министром У.Черчиллем Голикову встретиться не удалось, министр иностранных дел А. Идеен принял его «тепло и радушно», но «... от прямых ответов уклонился, сославшись на некомпетентность и посоветовав обсудить вопрос с руководителями военных ведомств»^{clxxxiii}. Последние, как показалось Голикову, действовали по заранее намеченному плану, связанному с позицией США, и не собирались вносить в него коррективы^{clxxxiv}. Неудивительно, что Голиков был отозван в Москву, где после новых указаний Сталина транзитом через Британские острова отправился в США в прежнем качестве руководителя военной миссии.

Американская часть миссии генерала имела двойственный результат: с одной стороны, обсуждение вопросов военно-экономической помощи СССР было вынесено на самый высокий уровень (прием у президента), где приходилось оперировать конкретными датами и цифрами, с другой – обнаружилось те же антисоветские тенденции, что и в Англии, а также нежелание американских чиновников действовать быстро. Американские функционеры ссылались, что не могли помочь Советскому Союзу определенными видами вооружений и материалов, потому что должны поставить их в Англию, а англо-советские отношения по решению данной проблемы находятся вне их компетенции.

Оценки, данные Голиковым американским деятелям часто не совпадали с общепринятыми. Так, обычно позитивно оцениваемый Гарри Гопкинс, курировавший деятельность американской администрации по ленд-лизу, со слов генерала, «показал всем своим нутром распоясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося прихвостня большого человека (президента Рузвельта – И.К.), возомнившего себя не глупее и не меньше своего патрона...»^{clxxxv}. Резкость Голикова, на наш взгляд, объяснима его неудовлетворенностью от собственной работы и чрезмерным бюрократизмом большинства партнеров по общению. В конце августа 1941г. генерал попросил отозвать его в Москву за ненадобностью пребывания на территории Штатов. Эта просьба была удовлетворена в начале сентября. Итогом деятельности миссии стало достижение соглашений об отправке некоторых видов вооружения и ценных вспомогательных материалов в СССР, уход первого транспорта с грузом из Нью-Йорка, договоренность о проведении в Москве совещания по вопросу о поставках с участием представителей США и Англии. Результаты поездки Голикова нельзя считать ни успешными, ни провальными, но перевод генерала из Генштаба в действующую армию свидетельствует о недовольстве его работой со стороны советского руководства.

Американское участие в военных миссиях оказалось неудачным. В ноябре 1941г. в Советский Союз для переговоров о маршрутах доставки американских самолетов на Восточный фронт была направлена миссия подполковника Таундсенда Гриффиса, но самолет погиб по дороге. Долгое время США не возобновляли попыток организовать военную миссию, апеллируя на удаленное положение союзника. Когда в ноябре 1943г. В Москву была аккредитована миссия генерал-майора Дж. Дина, основные направления совместной деятельности уже были выработаны и налажены. Увеличение поставок по ленд-лизу в конце 1943-начале 1944 гг. объясняется скорее развитием американских производственных

мощностей и успешной борьбой с немецкими подлодками, чем результативностью деятельности миссии. За время работы в СССР Дин предъявил «много претензий к советской власти, порой совершенно необоснованных». Некоторые из них касались государственного строя, другие – конкретных фактов сотрудничества между США и Советским Союзом (протесты главы миссии на запрет советских властей использовать американские бомбардировщики в Польше в 1944г. и отказ на использование аэродромов на Дальнем Востоке для борьбы против Японии)^{clxxxvi}. Несмотря на разного рода сложности в отношениях между Дином и советскими чиновниками и военными, часто возникающими по причинам элементарного непонимания особенностей работы с иностранцами, генерал до конца войны оставался на своем посту.

Руководители британских военных миссий в СССР менялись несколько раз: одними военными были недовольны сами англичане, другими – советское правительство. К последним относился генерал Э. Барроус, сработаться с которым представители СССР не смогли. По мнению Дина, «фактически Барроус был полностью готов к сотрудничеству, но потерял отчасти мужество из-за множества неудач в своих стараниях и усилиях»^{clxxxvii}. Это вызвало некоторые высказывания британца в адрес советского руководства, которые были отражены на записывающих устройствах и прослушаны органами НКВД. Последствием стало приложение усилий для замены англичанина и отсутствие главы английской миссии в течение полугода (октябрь 1944г. – март 1945г.), что отчасти парализовало ее деятельность, но не вызвало нареканий ни одной из сторон.

Подводя итоги проблеме результативности военных миссий, следует сказать, что СССР оказался самой активной стороной из всех участников коалиции. Как отмечал Т. Уилсон, «только СССР в продолжении всей войны осуществлял свои коалиционные дела главным образом через военные миссии, которые дополнялись различными закупочными службами в Лондоне и Вашингтоне»^{clxxxviii}. Участники миссий нередко предъявляли претензии к другой стороне, которые лишь отчасти можно считать обоснованными. Люди, направляемые на работу в другие страны, часто не имели специальной подготовки в языковой и культурной области, не знали специфики иностранных государств. Человек оказывался в непривычных для себя условиях в бытовом и в профессиональном плане, часто воспринимаемых как враждебные. Немаловажную роль в этом играло поручение своего правительства на поиск полезной информации, которое трактовалось принимающей стороной в качестве шпионажа. Военно-экономический аспект деятельности миссий также не достиг должного уровня: советская сторона долго не могла получить желаемое в нужном количестве, а англичане и американцы не обладали правом контролировать, а зачастую – и консультировать советских коллег по вопросам сборки и использования присланных оборудования и материалов.

clxxxix Верт А. Россия в войне 1941-1945. М, 2003. С. 186.

clxxx Союзники в войне, 1941-1945. М, 1995. С. 115.

clxxxi Записная книжка маршала Ф.И. Голикова. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 86.

clxxxii Харламов Н.М. Трудная миссия. М., 1983. С. 35.

clxxxiii Записная книжка маршала Ф.И. Голикова. Указ. соч. С. 92.

clxxxiv Там же. С. 92.

clxxxv Там же. С. 110.

clxxxvi Дин Дж. Р. Странный союз. М, 2005. С. 6, 10.

clxxxvii Там же. С. 141.

clxxxviii Союзники в войне . С. 116.

А.Н. Манжосов, А.Ю. Золотухин

Судьбы мемориалов павших советских воинов в современной геополитической ситуации

Мемориалы, памятные знаки и мемориальные доски, отражающие военно-исторические события, установленные в городах, населенных пунктах, в местах захоронений павших воинов, являются памятниками истории и культуры, свидетелями народной истории. Они материализуют боевые и трудовые подвиги, совершенные на протяжении веков гражданами России, рассказывают духовные богатства народа – истинного творца истории.

Но несмотря на успехи, достигнутые в развитии военно-мемориальной пропаганды, в России и в большинстве стран СНГ появились неразрешаемые проблемы. Это возросший национализм (особенно в Прибалтике, на Украине и в Грузии), проявление русофобии, попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, «ревизии», устраиваемые политологами, историками, некоторыми общественными деятелями о значения побед, одержанных войсками Красной Армии в 1941 – 1945 гг., а также отсутствие целенаправленного федерального и муниципального финансирования программ военно-мемориальной пропаганды.

На страницах Всесоюзной Книги памяти павших отмечалось: «Да, абсолютное большинство народов-братьев свято сохраняют для грядущих поколений память о тех, кто бился с врагом за родную землю... Но, к сожалению, не единичны случаи, когда за внешним благополучием скрываются факты казенного, бюрократического отношения к святому делу, когда о воинских захоронениях вспоминают накануне юбилейных дат. Вот тогда-то мобилизуют пенсионеров и школьников для приведения в «божеский вид» могил и памятников. А тем временем зарастают бурьяном, сравниваются с землей братские и одиночные могилы солдат, сержантов, офицеров, партизан. И учтены они не соответствующим образом. Нередко знают местные администраторы и краеведы, кто здесь похоронен. Но никто за ними не ухаживает, никто не заботится, чтобы жила память о доблестных защитниках Отечества. Кошунственно выглядят порой «конкретные дела» таких радетелей сохранения боевой славы старших поколений. Вместо перезахоронения останков героев войны переносят они на новые места лишь надгробные плиты и памятники. Но разве памятникам поклоняемся мы? Нет, праху героев, зовущему на подвиги детей, внуков, правнуков бойцов, без страха боровшихся за правое дело»^{clxxxix}.

Президент РФ Указом от 22 января 2006 г. возложил на Министерство обороны РФ обязанности по увековечению памяти погибших при защите Отечества и обязал считать его уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в этой сфере^{cxс}. Этот документ оказал положительное влияние на качество всей военно-мемориальной работы. Большое значение придается этим документом учету воинских захоронений. По данным учета Управления МО РФ по увековечению памяти погибших защитников Отечества на 2008 г. на территории России паспортизировано 19004 воинских захоронения, в

которых погребено 3075650 павших солдат и командиров Красной Армии, партизан и подпольщиков.

Воинские захоронения погибших советских воинов находятся в 49 зарубежных государствах. Так, в странах ближнего зарубежья учтено 6821 захоронение, в которых погребено 1408613 павших воинов. На территории дальнего зарубежья – в странах Европы и Азии учтено 5123 захоронения, в которых погребено 3051711 воинов. К сожалению, большинство из них захоронены как неизвестные. Всего МО РФ обобщены сведения о 31 тысяче воинских захоронений, в которых упокоены свыше 7,5 миллионов защитников Отечества^{схсi}.

К сожалению, к началу XXI столетия в СНГ и особенно в странах Прибалтики (бывших союзных республик СССР – авт.), государствах Восточной Европы, освобожденных войсками Красной Армии в 1944 – 1945 гг. от немецко-фашистской оккупации (Польша, Венгрия, Чехия) широкое распространение получила мерзкая тенденция войны с памятниками воинской славы советского периода.

Под «благовидным» предлогом исследования «белых пятен» истории Второй Мировой войны, «объективизации» роли Красной Армии в достижении победы над Германией в рамках борьбы с «оккупационным» мемориальным наследием «сталинского тоталитарного режима», по решению правительства Польши был демонтирован в Кракове памятник почетному гражданину города Маршалу Советского Союза И.С. Коневу. Под его командованием войска 59-й армии 1-го Украинского фронта в январе 1945г. спасли исторические объекты города от разрушения.

В 1994 г. правительство Литвы приняло решение, направленное на демонтаж памятника командующему войсками 3-го Белорусского фронта генералу армии И.Д. Черняховскому, захороненному на одной из центральных площадей Вильнюса в феврале 1945 г.

Здесь в 1950 г. по проекту архитектора Л.Г. Голубовского и скульптора Н. В. Томского был создан величественный памятник полководцу. На фасадной стороне постамента на литовском языке была сделана надпись: «Генералу армии Черняховскому И.Д. от литовского народа». По требованию правительства Российской Федерации скульптурная фигура была вывезена из Литвы (но литовское правительство отказалось передать России постамент памятника – авт.). В 1994 г. останки генерала И.Д. Черняховского, перевезенные из Вильнюса, были захоронены на Новодевичьем кладбище в Москве. Скульптура полководца, вывезенная из Литвы, была установлена на постамент нового памятника, открытого на привокзальной площади в Воронеже^{схсii}.

Массовая истерия борьбы с советскими военными памятниками охватила Западную Украину, Эстонию, Латвию, Грузию. 23 июня 2009 г. газета «Аргументы и факты» в статье «Что-то с памятниками стало» отмечала: «На Львовском марсовом поле захоронены тысячи солдат, погибших в боях с гитлеровцами. Гранитные плиты со списками имен павших здесь расколоты: в начале 90-х по ним специально гоняли тяжелогруженный грузовик и трактор. Потом трещины в плитах замазали цементом. В двух шагах от захоронения – альтернативный мемориал: памятная стена и свежие кресты над могилами бойцов УПА – Украинской повстанческой армии». До лета 1991 г. на Западной Украине имелось 1500 воинских захоронений – братских и одиночных могил. За 17 лет две трети их националисты разорили или снесли.

10 января 2007 г. парламент Эстонии принял специальное решение: демонтировать памятник воину-освободителю в Таллине. В 1947 г. установленный по проекту скульптора Роаса и архитектора Аласа, он был отмечен Сталинской премией. В 1965 г. здесь был зажжен Вечный огонь. Несмотря на протесты представителей общественности стран Европы, варварское решение было выполнено в канун 62-й годовщины Победы 8 мая 2007г. Одновременно произошло надругательство и над прахом 15 советских бойцов – освободителей Таллина, которые были захоронены у основания памятника^{сxciii}.

19 декабря 2009 г. в Кутаиси с согласия президента Грузии М. Саакашвили было взорвано основание памятника, установленного в 1981 г. жителям республики, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Его автором был известный скульптор М. Бердзенишвили. Демонтаж национальной святыни, осуществленный в Кутаиси, вызвал реакцию средств массовой информации во многих странах мира. 22 декабря 2009 г., выступая на заседании правительства, премьер-министр РФ В.В. Путин сообщил о возможности воссоздания копии взорванного мемориала на Поклонной горе в Москве^{сxciv}.

В средствах массовой информации встречаются сообщения о более уродливых формах надругательства над памятью погибших. Так, рядом с мемориалом жертвам нацистского лагеря Саласпилс продолжается строительство памятника пленным солдатам Вермахта. Таким образом, совершается кощунственное надругательство над памятью 47 тысяч детей, стариков, женщин, уничтоженных в этом лагере смерти. Председатель Русского общества в Латвии Татьяна Фаворская: «Я понимаю, что немцы тоже заслуживают захоронения. Но разве нельзя найти для него место, удаленное от мемориала, чтобы не оскорблять память жертв?»^{сxcv}.

«На территории России ... мемориалы захватчиков теснят обелиски погибших героев. Ветераны протестуют, детям все труднее приходится объяснять: кто воевал и на чьей стороне правда», - отмечает автор публикации в газете «Аргументы и факты» С. Кашницкий. В печати появляются сотни статей о бедственном состоянии Мемориала героям Сталинградской битвы, требующего незамедлительного ремонта. О фактах небрежного отношения властей к захоронениям советских воинов в районе с. Россошки Волгоградской области, в Краснодаре, Новороссийске в 2009 г. активисты историко-мемориальной работы информировали Правительство РФ. Но для сохранения памяти о павших в стране, как всегда, денег не имеется. Так, в состоянии постоянного ремонта находится мемориальный комплекс на Партизанской поляне (в районе г. Белые Берега Брянской области), открытый 17 сентября 1969 г.^{сxcvi}.

С 1992 г. на территории Воронежской, Новгородской, Волгоградской, Ленинградской, Мурманской, Тверской, Псковской, Смоленской, Курской областей построено 20 кладбищ для немецких солдат, погибших в 1941 – 1945 гг. Только на Бесединском кладбище в Курской области захоронены останки 21 тыс. солдат и офицеров Вермахта. Планируется, что их число будет увеличено до 40 тысяч^{сxcvii}.

При этом памятники ратной славы, расположенные в Курске и в районах Курской области, находятся в неухоженном состоянии и требуют большого ремонта. 27 ноября 2009 г. Общественный Совет при главе администрации г. Курска в рамках подготовки к 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне рассмотрел вопрос о состоянии памятников боевой славы, расположенных

на территории Курска. Было отмечено неудовлетворительное состояние большинства памятников ратной славы, в т.ч. мемориалов Памяти павших и «Курская дуга». Такая политика в области военно-мемориальной работы наносит существенный вред гражданско-патриотическому воспитанию подрастающего поколения молодежи.

-
- clxxxix Памяти павших: Великая Отечественная война (1941-1945). – М., 1995. – С. 193.
схс СЗ РФ. – 2006. – №4. – Ст. 357.
схеi Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. – М., 2009. – С. 378.
схеii Легендарный Черняховский. Вся жизнь – подвиг. – М., 2005. – С. 40, 329.
схеiii Чабанова А.Н. «Разрушить памятник возможно, стереть память – нет» // Военно-историч. журнал. – 2007. – № 5. – 4 стр. вкл.
схсiv Гущенко М. Кутаиси беспокоит. [http // lenta. ru / articles /2009/12/17/ monument /_Printed.htm](http://lenta.ru/articles/2009/12/17/monument/_Printed.htm).
схсv Аргументы и факты – 2009. – 17-23 июня. – С. 8-9.
схсvi Монумены и памятники воинской славы и доблести России. – СПб., 2004. – С. 290-291.
схсvii Дятлова Е. Под Курском открыли немецкое кладбище. // Друг для друга. – 2009. – 20 октября.

Р.Б. Загыртдинов

Политика органов власти по отношению к безвестно пропавшим солдатам Великой Отечественной войны в контексте современного российского политического дискурса.

Многие трагические страницы Великой Отечественной войны еще требует дальнейшего изучения. И одна из таких страниц – это судьба сотен тысяч советских солдат, которые получили статус без вести пропавших. Официальная идеология советского времени внушала нам «Никто не забыт, ничто не забыто», «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен», в стране строились мемориальные комплексы, зажигался вечный огонь, и в то же время в полях и лесах останки советских солдат и офицеров оставались захороненными. Одно из таких трагических мест – так называемая «Долина Смерти» в Новгородской области, где погибли в окружении воины 2-й ударной армии, которые незаслуженно были обвинены в предательстве, и только потому, что командующий этой армии сдался в плен.

И режим, не нашел ничего лучшего, как посадить в местах самых интенсивных боев еловые посадки прямо на солдатских костях.

Увы, но таких «Долин Смерти» в нашей стране очень много, в Мурманской области и на Смоленщине, на Кавказе и в Карелии, в Ленинградской области.

Благодаря деятельности поисковых отрядов останки солдат предаются земле в братских могилах, а благодаря найденным медальонам и именованным вещам в некоторых случаях удается найти родственников погибших солдат.

Поисковое движение десятки лет развивалось на энтузиазме людей, таких как: А.Орлов, первопроходец поискового движения в Новгородской области, писатель С.Смирнов, автор книги «Брестская крепость», и многие другие.

Вряд ли кто будет спорить, насколько важна и необходима, деятельность по розыску и захоронению погибших и пропавших без вести солдат Великой Отечественной войны. Однако, такая деятельность в нашей стране, вплоть до недавнего времени, наткнулась на множество трудностей идеологического,

организационного, правового характера. Принятие в РФ за последнее время целого ряда законодательных актов, направленных на регулирование поисковой работы

свидетельствует о положительной воле органов государственной власти в центре и в регионах решать целый ряд проблем связанных с увековечиванием памяти погибших и пропавших без вести. В первую очередь, это закон «Об увековечении памяти погибших при защите отечества» принятый 14 января 1993 года^{сxcviii}. Именно в этом законе чуть ли в первый раз за послевоенный период, в статье № 1 «Увековечивание памяти погибших при защите Отечества» определялся перечень лиц, подлежащих увековечиванию: без вести пропавшие солдаты; погибшие, умершие в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших, своей чести и достоинства, не изменивших Родине. В этом же законе определялся порядок организации и проведения поисковой работы. Достаточно важным являлось также перечисление органов государственной власти, ответственных за военно-мемориальную деятельность с указанием функций и полномочий каждого из них.

12 августа 1994 года было принято специальное Постановление Правительства Российской Федерации № 910 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»^{сxcix}. Однако последующие годы показали недостатки данных законодательных актов. Именно этим объясняется, что спустя время, в январе 2006 года был подписан специальный указы Президента №37. Согласно тексту данного указа, забота о погибших защитниках Отечества в государстве полностью передавалась Министерству обороны России и лично начальнику Тыла ВС РФ генералу армии Владимиру Исакову.

В рамках реализации данных законодательных актов было сделано много; это и создание специального поискового батальона в структуре Министерства Обороны, создание электронной Объединенной Базы Данных «Мемориал» и др.

Однако, этого крайне мало, ведь долгие годы государство в минимальной степени занималось решением данных проблем.

В частности, в своем выступлении на заседании Российского организационного комитета «Победа» президент РФ Д.А.Медведев страны сказал буквально следующее; «Особое значение имеет и военно-мемориальная работа. Прямая ответственность здесь лежит на органах региональной власти и органах местного самоуправления. Эффективная поисковая работа и забота о захоронениях, о мемориалах – это ваша задача, это ваша ответственность. Правительство должно принять дополнительные меры и обеспечить координацию деятельности регионов по этому вопросу»^{сc}.

О масштабности и сложности обозначенных проблем, свидетельствуют и цифры, озвученные президентом, согласно которым в нашей стране более 2,4 миллиона человек считаются пропавшими без вести, неизвестными остаются имена шести миллионов человек из 9,5 миллиона воинов, которые захоронены в братских могилах. Всего же на территории России и за рубежом насчитывается более 47 тысяч воинских захоронений.

Говоря о реализации военно-мемориальной политики государства, следует подчеркнуть, что органы государственной власти должны использовать положительный опыт многочисленных общественных организаций, так или иначе причастных к поисковой работе. Благодаря деятельности поисковых отрядов останки солдат предаются земле в братских могилах, а благодаря найденным

медальонам и именованным вещам в некоторых случаях удается найти родственников погибших солдат.

За последние годы, на мой взгляд, наметилась позитивная тенденция в организации поисковой работы на примере деятельности таких организаций

как региональный фонд поисковых отрядов РБ, Объединение Долина Новгородской области, объединение «Отечество» РТ, Смоленский областной центр «Долг».

В частности, в Республике Башкортостан создан региональный фонд поисковых отрядов, возглавляемый подполковником Бикбаевым И.З. Этот фонд активно сотрудничает с органами власти, например, с министерством по молодежной политике, туризма и спорта РБ. Благодаря деятельности данного фонда в только в 2009 этом году были организованы поисковые экспедиции в Новгородскую, Ленинградскую, Смоленскую области, Говоря о взаимодействии органов государства и поисковых организаций, возможно изучение и международного опыта в этой сфере.

В этом смысле, достаточно интересным является опыт работы такой общественной благотворительной организации, как Народный союз Германии по уходу за воинскими захоронениями. Эта благотворительная организация была создана в 1919 году. 90% ее бюджета состоит из членских взносов и добровольных даров, а также из сборов пожертвований на улицах, которые Народный союз устраивает раз в год, в ноябре, в День народной скорби (Volkstrauertag).

Народный союз Германии по уходу за военными могилами» занимается в России поддержанием и восстановлением немецких солдатских кладбищ. Кроме того, он участвует в установлении судеб советских военнопленных и организует международные встречи ветеранов и молодежи, посвященные исторической памяти и делу мира.

«Народный союз Германии по уходу за военными могилами» гуманитарная общественная организация, которая по поручению Федерального правительства занимается работой по сохранению и уходу немецких воинских захоронений за рубежом. Сюда входят сбор и учет данных о немецких захоронениях, эксгумация и перенос останков погибших на сборные кладбища.

Хотя «Народный союз» не уполномочен заниматься иностранными захоронениями в Германии, многие его члены по собственной инициативе заботятся о могилах погибших из других стран, в том числе из бывшего Советского Союза. В последние годы есть примеры проведения совместных поисковых экспедиций Германии и РФ с целью обнаружения и последующего захоронения останков погибших солдат.

«Народный союз» также активно участвует в работе по установлению судеб советских военнопленных в Германии. На сегодняшний день в сотрудничестве с ассоциацией «Военные мемориалы» и при поддержке правительственных структур обеих стран российским и немецким специалистам удалось создать картотеку с именами более 500 тысяч советских солдат, погибших в Германии.

Стороны продолжают работу по идентификации погибших и надеются установить до 80 процентов точных мест захоронения советских военнопленных, покоящихся на немецкой земле.

«Народный союз» стремится привлечь молодежь к участию в воспитательных проектах во имя мира. Так, он организует поездки к местам военных захоронений и международные молодежные лагеря, в которых ежегодно

участвует около 200 молодых людей, среди них и молодежь из России. Ухаживая за солдатскими кладбищами, они вносят вклад в дело мира и сохранение светлой памяти о жертвах войны.

Занимаясь обустройством и сохранением кладбищ, «Народный союз» чтит память погибших. Эти захоронения напоминают людям о прошлом и о трагических последствиях войны. Ежегодно при поддержке и участии общественно-политических организаций и населения «Народный союз» проводит по всей Германии всенародный День скорби, который отмечается в ноябре как день памяти и призыва к миру. В мероприятиях участвуют делегации ветеранов и представители общественных организаций из России и других стран.

Возможно, именно такая совместная деятельность по исправлению трагических ошибок прошлого, поможет избежать в будущем чего-либо подобного. И может быть, тогда, осуществится завет великого полководца А.В.Суворова, и в этом смысле, Вторая Мировая Война закончится.

^{сxcviii} Закон Российской Федерации “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества”. Патриот, №4. 1993

^{сxcix} Постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 года №910. “О мерах по реализации Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»».

^{сс} .Медведев Д.А.Вступительное слово на заседании Российского организационного комитета «Победа». Стенографический отчет о заседании Российского организационного комитета «Победа».

С.И. Садовников

Россия и Германия: военно-мемориальное сотрудничество

Военно-мемориальная работа включает в себя систему мероприятий по отдаванию государственного, воинского и гуманитарного долга памяти военнослужащих и гражданских лиц, защищавших Отечество, а также иностранных граждан, воевавших в армии противника.

Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны^{cci} и Дополнительные протоколы к ним, будучи нормативными документами международного гуманитарного права, были официально признаны Российской Федерацией как правопреемницей СССР и имеют обязательный характер для соблюдения в системе российского законодательства. Согласно этим правовым нормам, сохранность и содержание иностранных воинских захоронений определяются межправительственными соглашениями о статусе мест погребения погибших военнослужащих. С 1991 г. такие соглашения заключены Правительством РФ с правительствами 11 стран Европы и Азии. Для их реализации в 1991 г. в Москве была создана некоммерческая гуманитарная организация – Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» (далее – Ассоциация «Военные мемориалы»), которая с 1995 года стала организацией, уполномоченной Правительством РФ на реализацию подобных межправительственных соглашений^{ccii}. Условия соглашений с различными странами имеют свою специфику как по объему, так и по характеру обязательств, взятых договаривающимися сторонами. Однако во всех соглашениях предусматриваются

меры по поиску, учету и содержанию иностранных воинских захоронений, безвозмездное предоставление для них земельных участков. Определяются задачи по установлению государственной принадлежности, судьбы и мест погребения военнослужащих, а также по обмену информацией в вопросах организации эксгумации останков, их идентификации и перезахоронения на родине^{cciii}.

С ФРГ соглашение «Об уходе за военными могилами...» было подписано 16 декабря 1992 г.^{cciv}. В соответствии с ним уход и содержание российских (советских) воинских захоронений на территории Германии, а также уход, содержание и обустройство немецких воинских кладбищ на территории России финансирует немецкая сторона^{ccv}.

Партнером Ассоциации «Военные мемориалы» по означенным вопросам с германской стороны является организация Немецкий Народный союз по уходу за военными могилами (Volksbund Deutsche Kriegsgraberfursorge – далее Народный союз), созданная в 1919 г. В рамках подписанных на сегодняшний день 24-х межправительственных договоров (в том числе и с Россией) Народный союз выполняет свою задачу в странах Европы, а также в Северной Африке. Ныне Народный союз ухаживает за 827 военными кладбищами в 45 странах с общим числом захороненных около 2 млн чел.^{ccvi}.

В настоящее время Народный союз, насчитывающий 1,6 млн членов и спонсоров, – это гуманитарная общественная организация, в задачи которой входят сбор и учет данных о немецких воинских захоронениях за рубежом, эксгумация и перенос останков погибших на сборные кладбища. Народный союз организует поездки родственников к захоронениям для возложения венков, а также осуществляет поддержку международной деятельности в области ухода за военными захоронениями и способствует проведению международных встреч ветеранов и молодых людей на местах захоронений павших солдат. Работа Народного союза на 90 % финансируется за счет взносов, пожертвований и средств, поступающих от добровольных сборов, которые проводятся один раз в год по всей Германии. Правительство ФРГ также оказывает Народному союзу финансовую поддержку в размере 25 млн евро в год.

С момента подписания совместного соглашения Ассоциация «Военные мемориалы» выявила и передала германской стороне информацию о судьбе и местах погребения около 400 тысяч немецких военнослужащих, установила местонахождение более 2 тысяч кладбищ военнопленных, на которых имеются погребения немецких военнослужащих. На территории 32 субъектов России были реконструированы и вновь построены более 80-ти таких кладбищ.

На территории России немецкая сторона привержена общеевропейской практике укрупнения воинских захоронений – создание сборных кладбищ. Совместными усилиями на них переносятся останки военнослужащих вермахта, эксгумированные с кладбищ, созданных во время войны. На конец 2009 г. в России было создано 19 сборных кладбищ, на которых были захоронены (перезахоронены) останки более 250 тысяч немецких военнослужащих^{ccvii}. Они расположены в Калининградской, Новгородской, Волгоградской, Мурманской, Ленинградской, Смоленской, Тверской, Псковской, Курской, Воронежской областях, Республике Карелия и Краснодарском крае.

Что касается советских воинских захоронений, то в общей сложности на территории Германии находятся 3 600 таких мест, где погребены около 760 тысяч советских граждан^{ccviii}. В хорошем состоянии этих сооружений ежегодно имеют

возможность убедиться члены делегаций ветеранов, представителей государственных органов и общественных организаций из России, Белоруссии и Украины, приглашаемые для участия в мероприятиях по случаю Дня Всенародной скорби. Он отмечается в Германии ежегодно каждое третье воскресенье ноября.

В проводимой работе по обустройству немецких воинских захоронений на территории России и по уходу за советскими воинскими мемориалами на территории Германии Народный союз большое значение придает поддержанию тесного взаимодействия с ветеранскими организациями Российской Федерации и стран СНГ^{ссix}.

Ещё одним направлением военно-мемориального сотрудничества стало установление имен советских военнопленных, умерших в немецком плену в годы Второй мировой войны. К этой работе группа российских и немецких специалистов приступила в середине 1990-х гг. С 1999 г. начался исследовательский проект, в котором с немецкой стороны работа проходила под руководством Объединения «Саксонские мемориалы» в сотрудничестве с землями Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия, а с российской стороны участвовали Ассоциация «Военные мемориалы» и Центральный архив Министерства обороны РФ.

В результате этого сотрудничества в 2001-2002 гг. Ассоциация «Военные мемориалы» обработала трофейную картотеку на 57 тыс. советских офицеров, умерших в немецком плену. Биографические данные на них, содержащиеся в немецких документах (свидетельствах о смерти, персональных карточках, сообщениях о переводе из лагеря в лагерь), были введены в созданный банк данных в Москве. При этом все документы картотеки были отсканированы. Автору довелось быть участником реализации данного проекта^{ссx}. На основе этих материалов удалось установить данные на 685 советских офицеров, в отношении которых документально доказано, что они захоронены в Хаммельбурге. А в 2002 г. в Германии, в г. Кассель, впервые вышла Книга Памяти о советских военнопленных, умерших и захороненных в лагере военнопленных Хаммельбург (Бавария)^{ссxi}.

Основную часть этой мемориальной книги составляют краткие биографические сведения о почти 700 погибших офицерах – на немецком и русском языках^{ссxii}. Первый экземпляр этой книги бывший Президент Народного союза Карл-Вильгельм Ланге торжественно вручил весной 2002 г. в Германии Президенту РФ В.В. Путину.

В апреле 2004 г. в Москве состоялась презентация второй книги по этой проблеме – «Во имя живых помнить о погибших»^{ссxiii}, где речь идет о проекте по установлению судеб советских офицеров, а также о начавшейся работе с персональными карточками военнопленных – на солдат и сержантов. А в апреле 2005 г. в Дрездене состоялась презентация третьей книги – с именами советских военнопленных, захороненных на кладбище Цайтхайн под Дрезденом^{ссxiv}.

В 2005 г. в Твери и в 2006 г. – в Курске Президент Народного союза г-н Райнхард Фюрер вручил родственникам советских военнопленных, умерших и захороненных в Германии, копии немецких документов о судьбах и местах захоронений их близких.

В рамках работы совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений российской компанией «Электронные архивы» проводится компьютерная обработка персональных карточек на более чем 900

тысяч советских военнопленных (солдат и сержантов). Это позволит установить до 80 % точных мест захоронения бывших советских военнопленных, покоящихся на немецкой земле. В 2008 г. было обработано более 800 тысяч карточек^{ссxv}.

Таким образом, военно-мемориальное сотрудничество бывших противников на уровне уполномоченных организаций, а также многих фондов и обществ^{ссxvi} и даже отдельных энтузиастов и добровольцев^{ссxvii} являет собой очень важную гуманитарную миссию – сохраняет и возвращает для потомков из небытия имена жертв самой масштабной и кровопролитной войны в истории человечества.

^{cci} О ратификации Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1954 г. Опул. Сборник законов СССР 1938-1975. М. Т. 2. 1975. С. 249-250.

^{ccii} Об организации, уполномоченной Правительством РФ на реализацию межправительственных соглашений о воинских захоронениях»: Постановление Правительства РФ от 23 окт.1995. № 1026 // Российская газета. 1995. 9 нояб. С. 6.

^{cciii} Быстрицкий А.Н. Ассоциация «Военные мемориалы», её задачи и первые итоги. / Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. Вологда – М., 1997; Садовников С.И. Поиск, ставший судьбой / Отв. Ред. С.О. Шмидт. –М., 2003. С. 43-47.

^{cciv} «О подписании соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республики Германии». Опул. Собрание актов Президента и Правительства РФ 21.12.1992. № 25; Bundesgesetzblatt, Jahrgang 1994, Teil II. S. 598-604.

^{ccv} Указ. Соглашение. Ст. 3

^{ccvi} Presse-Information. Народный союз Германии по уходу за военными могилами. Краткая информация. Кассель, 2008. Материалы регионального семинара по военно-мемориальному сотрудничеству Службы перезахоронения Народного союза Германии по уходу за военными могилами. Ржев, 8-10 июля 2008. // Архив автора.

^{ccvii} Об этом см. <http://www.voennie-memorialy.ru>

^{ccviii} Советские воинские захоронения на территории Германии. Брошюра. Кассель. 2006. С. 5. Материалы регионального семинара по военно-мемориальному сотрудничеству...

^{ccix} Справка о деятельности Народного союза Германии по уходу за военными могилами. Материалы регионального семинара по военно-мемориальному сотрудничеству...

^{ccx} Об этом. Смирнов А. Без вести пропавший // Подмосковье. 2000. № 25. 24 июня; Мы нашли детей тех солдат, что лежат в Хельмингхаузене // Комсомольская правда. 2001. 8 мая. С. 13.

^{ccxi} Gedenkbuch verstorbener sowjetischer Kriegsgefangener. Friedhof Hammelburg Bayern. (Книга Памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург. Бавария). Kassel, 2002.

^{ccxii} Об этом см. <http://www.hammelburg.ru>

^{ccxiii} Fur die Lebenden der toten gedenken (Во имя живых помнить о погибших). Дрезден, 2003.

^{ccxiv} Цайтхайн – Книга памяти советских военнопленных. Дрезден, 2005.Т.1-2.

^{ccxv} Справка о деятельности Народного союза Германии...

^{ccxvi} Напр: Садовников С.И. Установление судеб военнослужащих вермахта, пропавших без вести во Второй мировой войне // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщ. XV науч. конф. М., 30 янв.-1 февр. 2003 г. С. 287-291; Диттинг В., Херман Х., Клатт Х.И. и др. Советские воинские кладбища и мемориальные памятники в Германии. М., 2008. Доп. изд. Фонд «Российск. обществ.-политич. центр», Лига российско-германской дружбы.

^{ccxvii} Напр: Ramm G. Ein unbekannter Kamerad. Deutsche Kriegsgraberstatten zwischen Oderbruch und Spree. P & R Verlag Woltersdorf / Schleuse. 1993; Каржавин Б., Фурман Г. Немецкая подводная лодка U-250. Санкт-Петербург - Йена, 1994-1996. 71 с. (пер. с нем.); Черненко Е, Седаков П., Рагозин Л., Рыклина В. Хоронить вечно. Русский Newsweek. 2008. № 18-19. С. 20-28; Кудрявцев А. Инициатива снизу // Военная археология. 2009. № 2. С. 15-17.

Официальные цифры советских военных потерь – научный расчет или миф

Официальные цифры советских военных потерь в Великой Отечественной войне, впервые обнародованные в виде монографии в 1993 году, не выдерживают никакой научной критики, причем все нелепости, отмеченные еще в первом издании, так и не были исправлены в последующих изданиях^{ссxviii}. Между тем, данные, содержащиеся в самих этих изданиях, опровергают установленную с комической точностью в 8 668 400 красноармейцев, краснофлотцев и бойцов войск НКВД, погибших за годы войны. Правда, во втором издании добавилась еще цифра в 500 тыс. человек, призванных на военные сборы в мае – июне 1941 года и пропавших без вести в начале войны. Авторы все же склонны эту непонятно откуда взявшуюся цифру относить к потерям мирного населения и оставляют без изменений цифру безвозвратных потерь советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне в 8 668 400 человек^{ссxix}.

Согласно данным книги «Гриф секретности снят» (во всех ее изданиях), 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы, войска Центрального фронта, которыми командовал Рокоссовский, насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительного сражения по 11 июля включительно потеряли убитыми и пропавшими без вести 15 336 человек и ранеными и больными 18 561 человек. К моменту перехода Красной Армии в наступление на Орел, 12 июля, состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады. Танковая бригада тогда по штату насчитывала 1300 человек, а в одной стрелковой бригаде было 4,2 тыс. человек. С учётом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать 697 тыс. человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек^{ссxx}. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были, как минимум, на 51,7 тыс. больше, чем утверждает официальная статистика, причем основная масса недоучета приходится на безвозвратные потери. И это только при условии, что в войска Центрального фронта в ходе оборонительной операции не поступало маршевое пополнение. Если же такое пополнение поступало, то реальные потери должны были быть еще выше. Не могло же сразу такое количество людей дезертировать или просто исчезнуть неведомо куда, да ещё в условиях ожесточенных боев. Хотя мне неоднократно приходилось неоднократно указывать авторам книги «Гриф секретности» снят на данное несоответствие, в том числе и публично, никакого объяснения данного факта они не дали, и все указанные цифры остались неизменными во всех изданиях^{ссxxi}.

Еще один столь же яркий пример связан с Берлинской операцией, продолжавшейся с 16 апреля по 8 мая 1945 г. Безвозвратные потери советских войск в ходе этой операции определяются авторами книги в 81 116 человек, включая потери 1-й и 2-й армий Войска Польского. При этом безвозвратные потери двух польских армий, как утверждает официальное издание российского Министерства обороны, составили только 2 825 человек^{ссxxii}. Однако официальные данные польского Министерства обороны, обнародованные в 2005 году, свидетельствуют, что безвозвратные потери двух польских армий в Берлинской операции составили 7,2 тыс. погибшими и 3,8 тыс. пропавшими без вести, что дает

безвозвратные потери в 11 тыс. человек, т. е в 3,9 раза больше, чем утверждают официальные российские данные. Можно предположить, что в той же пропорции занижены и безвозвратные потери остальных войск, участвовавших в Берлинской операции. Тогда они должны составить около 316,4 тыс. человек, что, вероятно, превышает безвозвратные потери немецких войск, противостоявших советским войскам в Берлинской операции. Ведь основная часть этой группировки сдалась в плен американско-английским войскам.

Еще один пример касается обороны Одессы, продолжавшейся с 5 августа по 16 октября 1941 г. Официальные цифры советских потерь в этой операции определяются 16 578 убитых и пропавших без вести^{ccxxiii}. Однако известно, что в ходе сражения за Одессу румынская армия взяла около 16 тыс. пленных^{ccxxiv}. Совершенно невероятно, что за более чем два месяца боев защитники Одессы потеряли всего 578 убитых.

Официальные цифры советских безвозвратных потерь оказываются в несколько раз меньше действительной величины потерь, потому что учет безвозвратных потерь в Красной Армии был поставлен очень плохо. Командиры всех уровней стремились их приуменьшить.

В приказе заместителя наркома обороны от 12 апреля 1942 г. говорилось: “Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях (так в документе. – Б. С.) получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины”. И в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ наркома обороны от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны с Германией, констатировал, что “военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания” этому вопросу^{ccxxv}.

Истинный размер потерь советских вооруженных сил погибшими, включая умерших в плену, согласно нашей оценке, может составлять 26,4 млн. человек (точность оценки – плюс-минус 5 миллионов и, во всяком случае, превышает 20 млн. человек. Это примерно в 10 раз превышает потери вермахта на Восточном фронте, а с учетом потерь союзников Германии соотношение потерь может быть близко к 7:1^{ccxxvi}. Примерно таким же было соотношение безвозвратных потерь между русскими и германскими войсками в Первую мировую войну. Во второй половине 1916 г. войска русских Северного и Западного фронтов потеряли 54 тыс. убитыми и 42,35 тыс. пропавшими без вести. Германские войска, действовавшие на этих фронтах, и немногие сражавшиеся на Западном фронте австро-венгерские дивизии потеряли 7,7 тыс. убитыми и 6,1 тыс. пропавшими без вести^{ccxxvii}. Это дает соотношение 7,7:1.

Столь неблагоприятное для России (СССР) соотношение потерь в двух мировых войнах объяснялось как общей экономической и культурной отсталостью России по сравнению с Германией и с западными союзниками, так и, в случае с Второй мировой войной, особенностями сталинского тоталитаризма, разрушившего армию как эффективный инструмент ведения войны и

предпочитавший побеждать не умением, а большой кровью, поскольку высокопрофессиональная армия рассматривалась в качестве потенциальной угрозы режиму.

сcxviii Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. Второе, дополненное издание этой книги, см.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. Кроме того, раздел данной книги, посвященный Великой Отечественной войне, был переиздан в виде отдельной книги: Великая Отечественная без грифа секретности: Книга потерь. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Вече, 2009.

сcxix Россия и СССР в войнах XX века. С. 236.

сcxx Там же. С. 285, 286.

сcxxi См.: Соколов Б. Сколько мы потеряли в Великой Отечественной и как фальсифицируют историю // Новая газета, 2009, 22 июня.

сcxxii Россия и СССР в войнах XX века. С. 307; Вклад Польши и поляков в победу союзников во II мировой войне. 1939-1945. Варшава: МИД Польши, 2005. С. 34.

сcxxiii Россия и СССР в войнах XX века. С. 310.

сcxxiv Axworthy Mark, Scafes Cornel, Craciunoiu Cristian. Third Axis Fourth Ally. Romanian Armed. Forces in the European War 1941–1945. London: Arms and Armour Press, 1995, p. 71

сcxxv Неоплаченный долг. Публикация А.А. Буслаева, К.А. Мазура. Ю.И. Шумейко // Военно-исторический журнал, 1992, № 9. С. 30; Приказ о неудовлетворительной работе по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава и мерах по ее улучшению, 7 марта 1945 г., № 043 // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара Р 89 обороны СССР (1943—1945 гг.). — Т. 13(2—3)—М.: ТЕРРА, 1997. С. 360-361.

сcxxvi См.: Sokolov B.V. The Cost of War: Human losses for the USSR and Germany, 1939-1945 // The Journal of Slavic Military Studies, vol. 9. No 1 (March 1996), pp. 152-193; Соколов Б.В. Цена войны: людские потери СССР и Германии (1939-1945) // Соколов Б.В. Вторая мировая: факты и версии. М.: АСТ-Пресс, 2005. С. 307-369; Соколов Б.В. Как подсчитать потери во Второй мировой войне // Континент, 2006, № 128. С. 241-257.

сcxxvii Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006. С. 45.

А.С. Мартынов

Националистическая мифологизация истории Украины эпохи Великой Отечественной войны: на примере оккупированного региона Донбасса

В текущем году народы бывшего Советского Союза, в том числе России и Украины, встречают светлую годовщину 65-летия Великой Победы. Но, празднуя юбилей, современное поколение не должно забывать о трагических страницах истории той переломной эпохи - таких, как нацистская оккупация, геноцид и коллаборационизм. Данные опасения особенно актуальны применительно к историографической ситуации на Украине, где официальные историки стоят на позициях ревизионизма и, по-существу, отрицают Великую Победу, реабилитирует нацистских пособников. В данном случае речь идет не о политических последствиях националистической «оранжевой революции» 2004 г., которые ныне преодолеваются мероприятиями новоизбранных президента и правительства Украины. Вопрос в другом – в крайне тяжелом и политизированном положении, в котором оказалась после развала СССР украинская историография, представители которой принялись обслуживать националистическую конъюнктуру и попали под влияние радикальных необандеровских политических сил. В этих условиях вполне закономерным стало возникновение концепции и методологии «украиноцентризма» - модернизированной версии украинского интегрального

национализма середины XX века, отличительными чертами которого стали агрессивный антисоветизм и русофобия, тотальная фальсификация истории Великой Отечественной войны, создание искусственных националистических культов и опора на административный ресурс.^{ccxxviii} Итогом ревизионистских штудий ангажированных украинских историков стало издание в 2005 г. псевдо «профессионального вывода» о деятельности нацистских пособников ОУН – УПА, которые были презентованы в качестве «украинского национально-освободительного движения».^{ccxxix} Но фальсификаторам было мало общих оценок и, в связи с решительным неприятием идеи реабилитации ОУН – УПА в Восточной Украине, националистические историки и пропагандисты принялись усиленно тиражировать миф об антифашистском «украинском национальном подполье» в восточно-украинских областях. Цель этой историко-политической кампании была очевидна: привить населению традиционно анти националистических регионов мифологизированную историческую традицию Великой Отечественной войны, с тем, чтобы адаптировать идеи украинского национализма к общественному сознанию.

Одним из аспектов указанной кампании стала соответствующая «национализация» военной истории Донбасса, в которую был привнесён миф о местном подполье бандеровцев, провозглашенных «освободителями» шахтерского края. Донбасс не случайно был выбран в качестве объекта гуманитарной националистической колонизации. Ибо регион, являющийся признанным центром русско-украинского пограничья, со значительным количеством этнического русского и с преобладающим большинством русскоязычного населения, объективно всегда был препятствием для украинских национал - шовинистов на их пути к гегемонии на Украине. Донбасс – это своеобразный бастион Русского мира на его южной окраине, поэтому стереть историческую память Донбасса, изменить его менталитет и духовные ценности – значит, захватить этот бастион и сделать его плацдармом для дальнейшего националистического наступления в Восточной Украине и на Юге России. С такими целями бандеровцы прибыли в Донбасс в 1941 г., такие же задачи они ставят перед собой и сегодня. И представители официальной украинская историография выступили инструментом этой циничной мистификации.

Миф о бандеровском антифашистском движении в Донбассе первым запустил эмигрантский деятель ОУН Евгений Стахив, который в период оккупации руководил в регионе местной националистической агентурой. В своих мемуарах, изданных после войны, Е. Стахив фактически оформил этот миф.^{ccxxx} Затем этот миф был подхвачен эмигрантскими деятелями ОУН Бандеры Львом Шанковским и Ярославом Стецько.^{ccxxxi} И вот уже в 1990-е годы эти измышления были ретранслированы националистическими «краоведами» на донецкой земле.^{ccxxxii} Затем уже бандеровскую мифологизацию развили некоторые оппортунистически настроенные региональные историки, заявившие, что ОУН имела в Донбассе 10 тыс. «активных сторонников» и имела больше веса, чем местное коммунистическое подполье.^{ccxxxiii} Всё это произошло еще до «оранжевой революции», после которой героизация бандеровцев в Донбассе приобрела наиболее активный характер. В феврале 2008 г. в Донецке под патронатом Службы безопасности Украины были проведены пропагандистские выставки «УПА: История непокорённых», на которых презентовали рассекреченные материалы о местном «национальном подполье». Из самого факта «рассекречивания»

необандеровцы пытались сделать некую информационную бомбу, однако сами рассекреченные документы организаторы выставки почему-то не захотели представить на суд общественности: они находились в буквальном понимании под стеклом, а доступ посетителей на выставку был ограничен. В мае 2009 г. выставка СБУ была проведена в Донецке повторно, но с аналогичными результатами и уже без особого информационного бума.

В связи с выше изложенной бандеровской гуманитарной колонизацией Донбасса возникает закономерный вопрос: чем же действительно занимались активисты ОУН в период нацистской оккупации края? Как свидетельствуют архивные материалы СБУ, выборочно рассекреченные официальной украинской историографией, во время оккупации актив ОУН Бандеры в Донбассе насчитывал не более 150 человек на две области региона: Сталинскую (Донецкую) и Ворошиловградскую (Луганскую).^{ссxxxiv} Однако при таком мизерном количестве бандеровцев при участии местных коллаборационистов, а главное – при поощрении гитлеровцев – всё же сумели принести немало ущерба народу Донбасса. Однако компрометирующие донецких бандеровцев факты, к сожалению, замалчиваются конъюнктурной украинской историографией.

В целях раскрытия исторической правды относительно деятельности ОУН в Донецком крае автор приступил к изучению данной проблемы, в связи с чем исследовал соответствующие фонды Государственного Архива Донецкой области и бывшего Партийного Архива Донецкого обкома Компартии Украины. Архивы СБУ по известным политическим причинам были недоступны для изучения, однако на основании наличной документации двух означенных региональных архивов, при сопоставлении с имеющейся исторической литературой, картина деятельности ОУН в Донбассе становится ясной. Материалы оккупационных газет, военных и гражданских учреждений, документы Сталинского обкома Компартии Украины, а также данные Чрезвычайной государственной комиссии СССР по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков по Сталинской области однозначно свидетельствуют, что в Донбассе украинские националисты выступили пособниками гитлеровцев и приняли активное участие в местной оккупационной администрации. Помимо фашистских украинских газет и гражданских органов, в Донбассе были сформированы «украинская вспомогательная полиция», «украинская жандармерия», «украинская добровольческая армия» - коллаборационистские подразделения, что использовались гитлеровцами в карательных акциях против советских партизан и мирного населения. Примечательно, что в Горловке, где находился областной штаб ОУН, коллаборационисты проявили особую активность. Об одном из таких деятелей в материалах Чрезвычайной государственной комиссии говорится: *«работал преподавателем в Горловке, украинский националист. С приходом немецких оккупантов добровольно поступил на службу в СД, занимался вербовкой агентуры, через которую выявлял скрывающихся коммунистов, партизан и советских граждан, проводящих работу против немецких властей. Он также был тесно связан с организацией украинских националистов».*^{ссxxxv} В Горловке находилось также управление «Украинской службы порядка» и местной «украинской полиции», где служили полицейские с характерными западно-украинскими фамилиями Петруня, Король, Щупак.^{ссxxxvi} И подобных фактов немало – вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть измышления

націоналістических фальсификаторов, пытаючихся украсть Великую Победу у Донбасса.

-
- ссxxviii Мартынов А. Фальсификация истории – синдром украинской гуманитарной науки//Украина. Информационно-аналитический мониторинг Института стран СНГ (Москва), № 6, март 2009 г. – С.35-39.
- ссxxix Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. /С. Кульчицький. – К., 2005
- ссxxx Стахів Є. Кризь тюрми, підпілля й кордони. Повість мого життя. – К., 1995.
- ссxxxi Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941-1943 рр. – Мюнхен, 1958. – С.163; Стецько Я. 30 червня 1941. Проголошення відновлення державности України. - Торонто – Нью-Йорк – Лондон, 1967. – С.95.
- ссxxxii Лаврів П. Історія південно-східньої України. – К., 1996. – С.166.
- ссxxxiii Михненко А.М. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни (1941-1945). – Донецьк, 2000. – С.40-41.
- ссxxxiv Нікольський В.М. Підпілля ОУН (б) у Донбасі. – К., 2001. – С.107, 110, 114.
- ссxxxv Гос. Архив Дон. обл., ф. Р-1838, оп. 1, д. 43, л. 21 а об.
- ссxxxvi Там же, ф. Р-1903, оп. 1, д. 1, л. 28-39.

Р А З Д Е Л Ш

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В

СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ИЛИ
КОММЕРЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Р.Е.Торгашев

Использование современных средств массовой информации для достижения своих национальных интересов и оказания влияния на сознание современного поколения молодёжи по оценке происходящих событий Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

На протяжении последнего 1,5 десятка лет в условиях современной информационной глобализации ведущее первенство в обществе отведено средствам массовой информации. С помощью современных Масс-медиа политическая элита формирует массовое общественное сознание и способно контролировать и воздействовать на поведение людей, особенно подрастающего поколения, которое практически не остаётся небезучастным в последних пикетных акциях, в том числе по проблеме истории Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.).

Используя современные механизмы Масс-медиа (различные газеты, печатные издания, листовки, плакаты, сайты Интернета, радио, ТВ и др.), в том числе издание некоторых учебников по всемирной и отечественной истории для средней общеобразовательной школы способствуют порой ошибочному представлению о предистории, ходе и итогов Великой Отечественной войны на народные массы граждан среднего и молодого поколения.

В современной геополитической ситуации наблюдается пересмотр итогов Второй мировой войны, очень часто главные события интерпретируются в политической борьбе в качестве «аргументов от истории». Сегодня, читая прессу и слушая новости, молодёжь неосознанно поддаётся влиянию предумышленных действий политиков, которые, пытаясь удержать всяческими путями ускользающую власть, примером может служить недавнее политическое событие январских дней 2010 г., когда Указом президента Виктора Ющенко было присвоено Степане Бандере звание «Героя Украины». Из «Главное» Интернет обозрения г. Харькова Л.Кравчук считает, что заслуживает С. Бандера это звание или нет - это скажет народ. «Но то, что сделал С. Бандера в то время, то это гораздо больше, чем многие ректоры, некоторые палаты, и многие другие... Я бы отдал этот вопрос на обсуждение историкам, чтобы они определились с ролью и значением С. Бандеры», - сказал Л.Кравчук^{ccxxxvii}. Из цитаты Л. Кравчука мы видим неопределённость мнения: выбор предоставляется народу, но на массовое сознание народа должны оказать достоверность исторических фактов историки. И это верно, но политическая сила выше, - и СМИ работает на политику. Современные политики пытаются контролировать и выход современной учебной продукции, а порой продукция выпускается на заказ без полного осмысления достоверности событий, часто низкий профессиональный потенциал учителей тоже играет отрицательную, либо пассивную роль в донесении политического сознания до масс школьников.

Но, хочется отметить и о положительной стороне: с конца 1980-х годов в отечественной историографии Великой Отечественной войны начался новый этап, который характеризуется введением в научный оборот недоступных ранее широкому кругу исследователей документов. Публикация важнейших из них^{ccxxxviii} помогла историкам по-новому осветить многие проблемы, дать более объективное документальное изложение событий. Можно отметить, что в наше представление о событиях 1941-1945 за последнее десятилетие внесены существенные

коррективы. Происходит обновление исторической информации, благодаря рассекреченных документов, заменивших нам устаревшие представления, сформированных в отечественной историографии ещё в 60-е гг. минувшего столетия, в период разоблачения культа личности, когда послесталинское руководство страны поставило перед историками определенные задачи, считая необходимым подвергнуть «особенно резкому осуждению... серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, политические и военные ошибки перед войной и в период войны, ошибки, приведшие к ряду тяжелых поражений, которых можно было бы избежать, если бы Сталин представлял действительное положение на фронтах и считался с предложениями Военных Советов фронтов...»^{ссxxxix}.

В последние годы авторы целого ряда учебных пособий и учебников для школы и вузов дополнили и усилили тенденцию «разоблачения» за счет не критического привлечения материалов, появившихся в околону научных публикациях конца 1980-х годов, когда нашу печать захлестнула волна обличений всего, что связывалось тогда с понятиями «советский», «коммунистический». В результате содержащаяся в новейших школьных учебниках концепция Великой Отечественной войны представляет собой сегодня не менее идеологизированную схему, чем та, которая излагалась в период сталинизма, своего рода «сталинизм» наоборот, со знаком минус.

В ряде источников современной литературы наблюдается антиотечественные взгляды на оценку политических и военных действий в годы Великой Отечественной войны. К примеру, известным подтверждением явилось утверждение А.М. Некрича, что И.В. Сталин «позволил» А. Гитлеру разгромить СССР, до предела ослабив Красную Армию массовыми репрессиями и «дав обмануть себя» пактом о ненападении от 23 августа 1939 г.^{ссxli}.

В пособии Л.М. Пятецкого причиной сближения СССР и Германии 1939 года выступает «обида», «унижение» Сталина, которому он подвергся, когда его не пригласили в Мюнхен. Он этого «западным демократиям» «не забыл...»^{ссxli} Речь ведется, таким образом, не об угрозе национальной безопасности СССР, не об ущербе делу предотвращения войны в Европе, нанесенному в Мюнхене - а об «обиде» Сталина, к которой сводится смысл происходивших перед войной событий.

Близким по духу образом отражены взгляды авторов пособия «Россия. Век XX», изданного воронежским ИПКРО: Сталин выбрал в союзники Гитлера, пишут они «поскольку для него более близким по духу, похожим да и понятным был германский «национальный социализм», нежели «классово чуждый» буржуазный парламентаризм» (Россия. Век XX. Страницы истории. Ч.1. Воронеж, с. 177).

Современные Масс-медиа и другие институты социализации, безусловно, влияют на сознание и поведение людей не только через информацию об окружающем мире в целом и о проблематике вопроса в частности, который мы затронули. Путем изменения самого человека: его менталитета, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, а также формирования общественного мнения, нравов и морали. С помощью искусных методов психологического и иного воздействия, а также многократных повторений, в современном обществе формируется потребительское индивидуалистическое мировоззрение. Люди, обладающие слабым характером, отсутствием чувства собственного мнения легко поддаются агрессии и навязыванием чужого мнения и антиреалий политических и

военных событий истории Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), особенно влиянию поддаётся подрастающее поколение, у которого, в силу особенностей возраста, не сформировано собственное мировоззрение. Подростки пытаются в современном обществе выделиться, проявить себя, но часто не лучшим образом, примером могут служить различные движения, которые проявляют отрицательные националистические настроения на народы других государств, участвуют в потасовках, используются рядом политиков в качестве инструмента управления взглядами современной массы молодёжи.

В заключение следует сказать, что проблема воссоздания всесторонней целостной картины событий Великой Отечественной войны еще далека от своего окончательного разрешения. Еще можно ожидать появления до сих пор не известных документов, уточняющих или даже исправляющих наши современные представления. Не утихают политические страсти, оказывающие влияние на интерпретации многих документов и фактов. Но уже сегодня достигнут определенный прогресс в исследовании событий войны, особенно ее предыстории, заключающийся, как представляется, в конструировании рационального объяснения действий советского руководства.

Анализ освещения военных действий Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), в современных средствах массовой коммуникации - одно из важных и актуальных научных и научно-практических направлений в отечественной и зарубежной исторической науке, этносоциологии и этнопсихологии. Чтобы избежать ошибок и искажение исторических событий необходимо учителям истории на уроках в школах отводить время на изучение роли прессы в освещении проблем Великой Отечественной войны, а для этого необходимо вузам нашего государства готовить профессиональных специалистов, отвечающих компетенциям современного общества. Необходимо формировать и отбирать современные Масс-медиа так, чтобы они выступали в качестве ориентирующего воздействия, для этого необходим над ними жёсткий контроль на государственном и общественном уровнях. Чтобы появление любой темы в прессе не было обусловлено интересами политических элит, которым выгодна определенная ориентация общественного мнения и сознания граждан молодого поколения. В этом заключается манипулятивная функции дискурса прессы.

ссxxxvii Кравчук: народ должен сам решить, заслуживает ли Бандера звания «Герой Украины»? – Харьков: Интернет обозрение «Главное», - 27 января 201 года.

ссxxxviii 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др.; Под ред. В.П.Наумова. - М., 1998; Документы внешней политики.

ссxxxix Газета «Правда». 1962. 22 июня.

ссxl Некрич, А.М. 1941, 22 июня. М., 1965; 2-е изд. М., 2005

ссxli Пятецкий, Л.М. История России. XX век. 2-е изд. М., 1996;. - С. 77.

В.А.Хохлов

Великая Отечественная война в новейших российских фильмах: форматы исторической памяти

В СССР Великая Отечественная война была не только «самым значительным событием в истории»^{ссxlii} (Л. Гудков), но и заглавной темой в

кинематографе. С 1960-х гг. экран формировал образ войны в исторической памяти поколений, подчас вопреки официальному\героическому дискурсу. Как считает американский историк Денис Янгблад: «Советские кинематографисты преуспели в возвращении советским людям аутентичной памяти войны»^{ccxliii}. Как же трансформировалась тема войны (идеи\образы героев и антигероев\стратегии репрезентации) в новейшем российском кино?

В начале XXI века кинематографисты выстрелили целой обоймой талантливых фильмов о войне, развивавших советские модели интерпретации темы. Боевик «Звезда» (2002, реж. Н. Лебедев), ремейк фильма 1949 года о подвиге разведчиков, вернул на экран интонацию героико-патриотического кино, обозначил возвращение моды на все советское. Однако доминирующей стала «оттепельная» традиция военного кинематографа, которая проходила «параллельно героическому дискурсу»^{ccxliv}, в ее фокусе многоплановая повседневность войны^{ccxlv}. Действие картин разворачивалось на периферии, часто на Крайнем Севере: саамский хутор («Кукушка», 2002, реж. А. Рогожкин), псковская деревня Блины («Свои», 2004, реж. Д. Месхиев), лагерь немецких военнопленных под Архангельском («Полумгла», 2005, реж. А. Антонов). Авторы, поднимая болезненные для массовой исторической памяти темы (оккупация, военнопленные и др.), не давали однозначных оценок. В драме «Свои» политрук Лифшиц (К. Хабенский) пытается выяснить у старосты (Б. Ступка), называющего войну «заварухой»: «Почему наши к немцам идут служить?» Сбивчивые ответы старосты: «из обиды», «люди упростили» и в итоге закономерное «вам не понять», предлагают сложные открытые интерпретации.

Самые яркие фильмы построены как история поиска взаимопонимания\обретения навыка жить без войны «бывших» врагов: русского капитана «Пшолты» и финского снайпера Вейко («Кукушка»), командира лагеря немецких военнопленных Анохина и его подопечных («Полумгла»), советского и немецкого саперов («Время собирать камни», 2005). «Примирение», представление войны с разных сторон – главные идеи, репрезентируемые СМИ к 60-летию Победы^{ccxli}. Юбилейный кинематограф вызвал ощущение возрождения «великой традиции советского военного кино»^{ccxlvii}. Тем удивительнее метаморфозы, произошедшие во второй половине 2000-х гг.

Фильм основан на «НЕ-реальных» событиях

«Вручать приз «за лучший фильм» этому фильму, достаточно подлому и позорящему мою страну я попросил бы Памелу Андерсон. Я, к сожалению, этого делать не буду»^{ccxlviii}. В 2007 году режиссер Владимир Меньшов отказался вручать награду «MTV-Россия» военной драме «Сволочи» (2006, реж. А. Атанесян), кинул призовой конверт на пол и покинул зал. Культуролог Вера Зверева выделила такой способ репрезентации истории на ТВ как «прошлое как сенсация»^{ccxlix}. Этот формат масс-медиа, где смакуются маргинальные поведенческие практики («скандалы, интриги, расследования»), по началу воспринимался крайне неоднозначно в рамках сакральной темы войны^{cc1}.

В 2005 году в прокат вышла российская драма «Первый после бога» (реж. В. Чигинский), сценарий которой, как утверждала агрессивная реклама, основан на подлинных фактах из биографии героя-подводника А.И. Маринеско. Факты таковы: подводники пьянствуют, играют в карты, посещают бордели. «Повседневность» военной базы больше напоминает жизнь гламурной Рублевки. Главный герой капитан Маринин (Д. Орлов), сын царского генерала, страдает, так

как предал отца. Его происхождение превращает его в жертву интриги демонического «особиста» (М. Гомиашвили). Короткий финальный «боевой» эпизод, когда подводная лодка уничтожает лайнер «Атилла» (как бы «Вильгельм Густлофф»), а потом в надводном положении сражается с целой эскадрой вражеских кораблей, даже не посвященному зрителю кажется неубедительным^{ccli}.

Самым громким скандалом в новейшем военном кино стала драма «Сволочи» (2006) А. Атанесяна по сценарию Владимира Кунина о секретной школе диверсантов для малолетних преступников. До премьеры авторы публично заявляли, что сценарий основан на реальных событиях из жизни сценариста. После опровержения ФСБ^{cclii}, признались в фальсификации. В этом случае реклама также нашла своего зрителя^{ccliii}. «Было так на самом деле или же нет - неважно! На войне творились вещи и похуже»^{ccliv}.

«Это же совсем ещё дети! Что же мы делаем, что же это за война такая?!» Реплика немецкого офицера, которому демонстрируют тела «сволочей», подставленных своими начальниками, раскрывает авторское отношение к войне, подлой и бессмысленной. Почему именно подростки должны уничтожать топливную базу, расположенную в горах Трансильвании, не понятно^{cclv}. Плохой войне противопоставлена настоящая «пацанская» дружба («Если воспитываете подрастающего мужчину - посмотрите этот фильм вместе с ним»). В финале удивительным образом выжившие герои встречаются 9 мая у развалин своей школы. Такая вот игра с «героическим дискурсом», подобная эпизоду триумфального возвращения капитана Маринина из боевого похода под простреленным военно-морским флагом.

«Комсомольская фантастика»: война гейм-овер

8 мая 2008 года телезрители канала «Россия» посмотрели приключенческую драму «Мы из будущего» режиссера Андрея Малюкова. «Черные копатели», которых возглавляет недоучившийся историк по кличке Борман (Д. Козловский), находят на местах боев где-то под Ленинградом разбомбленный блиндаж. На радостях напившись, они начинают стрелять по черепам солдат. За что вскоре будут наказаны, оказавшись в августе 1942 года в том же самом блиндаже. Как говорит Борман: «Простите нас, товарищ старший лейтенант, мы ваши потомки».

Приключенческая драма развивается по сценарию волшебной сказки\компьютерной игры. После совершенной ошибки героям нужно исправиться, найти магический артефакт\ключ (портсигар солдата Соколова) и лишь тогда они смогут вернуться домой\на свой уровень. «Когда война закончится?», - произносит идущий на смерть старшина Емельянов, олицетворяющий в фильме народную мудрость и произносящий молитвы над могилами убитых красноармейцев^{cclvi}. Если для советских солдат окончание войны - это такая далекая Победа, то «хилые потомки» мечтают сбежать «назад в будущее». На фоне героических предков наши современники выглядят эгоистичными гедонистами, которых больше всего заботят шкурные интересы и романы с медсестрами.

Дмитрий Месхиев, режиссер фильма «Свои» в интервью Белорусской газете заявил, что «Гордиться можно не только теми, кто бросается грудью на амбразуру»^{cclvii}. Авторы фильма не напугал этот стереотип советской мифологии^{cclviii}, они заставляют «копателей» уничтожить вражеский дот и только после этого возвращают домой. Скинхед Череп (В. Яглыч) стирает нацистский крест, а «копатели», сжимая кулаки, смотрят на скинхедов, тусующихся на

Невском проспекте. Идея фильма об опасности забвения\глумления над исторической памятью в целом прочитывается молодежной аудиторией («Никогда не думала, что во мне может быть столько патриотизма»)^{сclix}. В то же время прозрачный идеологический «месседж» несколько раздражает «взрослых» комментаторов: («скинхедом быть плохо, чтить память предков - нужно, Великая Отечественная - это вам не хухры-мухры»). Фильм стал самым ярким образцом нового фантастического дискурса о войне.

Паранормальная отечественная война: некропортатор как оружие победы

Черная магия, экстрасенсы и колдуны — популярная тема в масс-медиа. Полнометражное аниме «Первый отряд» (2009), совместная российско-японо-канадская продукция, формально не относится к жанру военного кино. Но кажется, этот проект впитал новейшие экранные тенденции. Сюжет уже привычно шизофренический, но вполне форматный. Зима 1942 года. Нацистские маги из Аненербе вызывают из царства мёртвых дух магистра ордена Меча барона фон Вольфа, павшего на Ледовом побоище. Он должен помочь нацистам одолеть Советский Союз. Черным силам противостоит агент Надя из 6-ого отдела советской военной разведки. Девочка с помощью «некропортатора» (колесо обозрения ВДНХ) вызывает из потустороннего мира своих погибших друзей - «Первый отряд» — воспитанников школы магов-диверсантов, с говорящими именами пионеров-героев Марат, Леня, Валя и Зина.

Скандал и эпатаж как стратегия продвижения развлекательного продукта; «игры» с модными советским мифами (пионеры-герои, ВДНХ); псевдодокументальность (в режиссерской версии имеются вставки интервью «экспертов»); сюжет волшебной сказки о противостоянии добра и зла; инфантилизация темы (подростки как главные герои), инфернальный демонический враг. Вот характерные признаки фантастического дискурса, упаковывающего новую версию войны в форматы исторической памяти молодежной аудитории.

Почти все новейшие фильмы о войне были поддержаны Федеральным агентством по культуре и кинематографии, их рекламу обеспечивали федеральные каналы. Поэтому можно не удивляться, что в сиквеле «Мы из будущего-II» (премьера февраль 2010 года) герои, провалившись в прошлое, окажутся в Бродовском котле, где сразятся с дивизией украинских националистов «Галичина». Американский историк Денис Янгблад в статье «Война, которую помнили», предположил, что советские военные фильмы способствовали «сопротивлению официальной истории» и воспитывали поколение перестройки^{сclix}. Какой «апгрейд» совершит поколение, покоренное драмой «Сволочи» и аниме «Последний отряд», мы узнаем в будущем.

^{сclxii} Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян / Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: НЛЮ, 2005. С. 89

^{сclxiii} Denice J. Youngblood. A war remembered: Soviet Films of the Great Patriotic War / The American historical review. Vol 106. # 3. P. 840, p. 855.

^{сclxiv} Изабель де Кегель. Необычные перспективы: Великая отечественная война в новейших российских фильмах. / Память о войне.60 лет спустя. М.НЛЮ, 2005, С. 756.

^{сclxv} Тема была заявлена в позднесоветский период в фильмах А. Тарковского, Л. Шепитько, А. Германа, Э. Климова и др. Прим.авт.

^{сclxvi} В тот же период автор работал над сценарием документального сериала с характерным названием

«По обе стороны победы» на канале Ren-TV. Прим. авт.

^{ccxlvii} Оба фильма, олицетворяющие обе «линии» кино о войне, «Звезда» (2003) и «Кукушка» (2004), стали лауреатами Государственной премии РФ. Прим. авт.

^{ccxlviii} Сволочи . Фильм А. Атанесяна /Wikipedia Режим доступа <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%87%D0%B8> свободный

^{ccxlix} Зверева В. История на ТВ: конструирование прошлого / Отечественные записки. 2004. № 5. Режим доступа http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_14.html свободный

^{cc1} Драма «Враг у ворот» (2001) (производство США, Франция, ФРГ), обозначила жанр. Фильм рассказал историю советского снайпера В. Зайцева. Демонстрация фильма в России вызвала скандал: ветеранские организации требовали ее запрета. Lenta.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.lenta.ru/kino/2001/05/08/enemy/> свободный

^{cc1i} Возмущенный искажениями сюжета сценарист И. Авраменко снял свою фамилию с титров.

Прим.авт.

^{cc1ii} Школа для диверсантов-подростков «Особая команда Гемфурт» существовала, но в нацистской Германии. Федеральная служба безопасности. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.fsb.ru/fsb/smi/overview/single.htm?id%3D10342484@fsbSmi.html> свободный

^{cc1iii} Официальные сборы, по данным Бюллетеня кинопрокатчиков, 10 миллионов долларов в десять раз превысили бюджет картины. Компания прокатчик получила премию «Блокбастер». Портал Filmz.ru Режим доступа http://www.filmz.ru/pub/1/10338_1.htm свободный

^{cc1iv} Все комментарии зрителей, использованные в статье, взяты из рецензий портала Афиша.Ру[электронный ресурс] / Режим доступа www.afisha.ru свободный. На 14.01.2010

^{cc1v} В целой серии фильмов 2000-х гг. «особисты» заняли нишу «врага»: «Первый после бога», «Сволочи», «Полумгла». Образ врага-контрразведчика смягчается в фильмах конца 2000-х, см. «Мы из будущего», «Первый отряд» и др.

^{cc1vi} Во многих постсоветских военных фильмах в позитивном контексте рассматривается тема религиозности: второстепенный герой сын священника не отрекается от отца («Первый после бога»), Староста («Свои») приносит политруку Лифшицу почитать Библию и т.п. Прим.авт.

^{cc1vii} Дмитрий Месхиев: «Гордиться можно не только теми, кто бросается грудью на амбразуру // Народная воля. 23.11.2004. Режим доступа www.press.promedia.by

^{cc1viii} Политрук поднимает бойцов в атаку узнаваемым жестом офицера с фотографии М. Альперта «Комбат»; Борман в немецком плену выпивает сто грамм и произносит «Русские после первой не закусывают»; Прим.авт.

^{cc1ix} Награда «лучший фильм» на фестивале детского кино в Артеке. Прокатные сборы более 8 млн.долларов, бюджете 5 миллионов. А. Голубчиков Они его породили... / Filmz.ru [электронный ресурс] Режим доступа http://www.filmz.ru/pub/72/15798_1.htm

^{cc1x} Denice J. Youngblood. A war remembered: Soviet Films of the Great Patriotic War / The American historical review. Vol 106. # 3. P. 840, p. 855-856

С.Ю. Разин

Русская Революция и Великая Отечественная Война в зеркале массового сознания

Русская Революция и Великая Отечественная война являются главными событиями мировой истории XX века. Мир и сейчас продолжает жить в том геополитическом и культурно-историческом контексте, который порождён 1917 и 1945 годами.

В современном общественном сознании отсутствует сколько-нибудь четкое и ясное представление о внутренней логике этих событий. Понимание логики, механизма Великой Революции и Великой Победы невозможно без понимания реальной, а не сконструированной в угоду определенным социологическим и идеологическим схемам, роли властных и «околовластных» элит и народных масс в этих событиях. Такое понимание может помочь избавлению общественного сознания от существующих в нем, и, зачастую навязываемых ему «извне»,

мифологических представлений о российской истории и российском политическом процессе.

Сегодня часто приходится слышать и читать рассуждения, согласно которым в 1917 году к власти пришла «антинародная» партия большевиков, а в 1941-1945 годах народ победил фашизм вопреки «большевистской власти». Ничего, кроме удивления, подобные рассуждения вызвать не могут. Хочется авторам этих рассуждений задать несколько вопросов: почему тот же самый народ не победил вопреки царской власти, а затем и власти Временного Правительства в Первой мировой войне?; почему солдаты Красной Армии на протяжении всей войны поднимались в атаку с именем Сталина?; почему исторической науке неизвестны случаи, чтобы русские солдаты летом-осенью 1917 года поднимались в атаку с именами Керенского, Милюкова, Гучкова и т.д. И еще. Тем, кто рассуждает подобным образом, хочется посоветовать следующее. Попробуйте представить себе «блокаду Петрограда» летом-осенью 1917 года... Сложно?! Сложно, потому что это представление не вяжется с исторической реальностью того времени.

Почему стала возможной Великая Победа? Ответ на этот вопрос, как и на вопрос о причинах победы большевиков в Русской революции, лежит за пределами рационально-логического восприятия действительности.

Он находится в сфере Духа, в мифологическом сознании и подсознании народа, в той совокупности норм и ценностей, которая имеет системообразующий для российской цивилизации характер и является метаисторическим фундаментом русской истории и русской культуры. Логика и пространство мифологического массового сознания являлись логикой и пространством Революции и Войны, скрытым социокультурным основанием, механизмом их истории. Судьба страны в годы Революции, и в годы Великой Отечественной войны решалась в пространстве массового сознания.

Основу массового сознания составляют дихотомическое восприятие мира как арены борьбы Бога и Дьявола, Света и Тьмы, его деление на «мы» и «они», восприятие политического противника не как равноправного участника диалога, а как Врага, являющегося воплощением Мирового Зла, с которым возможен только «вечный бой» до полного его уничтожения. В революционную эпоху воплощением Мирового Зла в глазах масс стали те политические силы, которые являлись носителями ценностей чужой для них западной цивилизации, реализация которых вела к разрушению Империи и Общины. В годы Войны воплощением Мирового Зла в массовом сознании стал фашизм. Это представление было в целом успешно использовано официальной советской пропагандой.

Шанс на победу в Войне и Революции могла иметь только та элита, чье политическое поведение сочеталось, входило в резонанс с сознанием и подсознанием масс. Судьба элит зависела от их умения улавливать импульсы, идущие от «снизу», от их готовности и умения ради достижения цели «слиться с массами» и быть «выше своих открыто провозглашенных догм»^{cclxi}. Нежелание поступиться принципами собственных рационалистических социологических и идеологических доктрин, считаться с собственным народом, следовать ему, «подчиняться стихии» изначально обрекало политических противников большевиков на поражение в Революции. Представители этих политических сил рассматривали Россию как «варварскую», «отсталую», «азиатскую», не готовую к усвоению начал «передовой» западной цивилизации страну. Иначе как политическим самоубийством это назвать нельзя. Предлагаемые ими модели

политического поведения и проекты решения основных вопросов жизни страны полностью противоречили представлениям масс об идеальном социальном устройстве. В массовом сознании они, задолго до 1937 года, стали Врагами Революции и Врагами Народа. Наряду с этим следует сказать, что все противники большевиков сыграли свою роль в сокрушении монархии, в развале государственного аппарата, тем самым способствуя воцарению охлократии в стране и ее окончательному погружению в хаос. В определенном смысле эти партии являлись не альтернативой большевизму, а его помощниками, прокладывая ему дорогу к власти.

Большевики и в годы Революции, и в годы Великой Отечественной Войны демонстрировали иную линию политического поведения, в основе которой лежали соображения политической целесообразности. Этими соображениями и обуславливалось их «творческое» отношение к теории марксизма. Большевизм оказался такой «модификацией» марксизма, которая превратила марксизм в «почвенный» социальный проект, соответствовавший мифологическому имперскому сознанию масс. Большевики, провозглашая в качестве лозунгов разрыв с историческим прошлым, «создание нового человека и новой культуры», на деле стали преемниками Самодержавия. Большевики «железом и кровью» восстановили» Империю.

В своей политической теории и практике они воспроизвели универсализм и политический изоляционизм Империи, стали новой квазирелигиозной формой русского мессианизма и империализма. Они воспроизвели характерное для имперского сознания представление об особой роли народных масс России

в мировой истории. Большевики восстановили в новой форме имперское служилое государство, в котором каждая его социальная группа, каждый человек знает Смысл своего Служения, свою Миссию и свой Долг. Большевистский вождизм, большевистские идеи «самодержавия народа», «демократического централизма», «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», «диктатуры пролетариата», «власти Советов» были созвучны тем представлениям о Власти, которые являлись частью имперского сознания народных масс. Монолитность и монологизм большевистской партии соответствовали монолитности и монологизму Империи.

В ходе революции большевики в символическом смысле восстановили единство Верховной Власти и Народа. Созданная ими новая форма Империи обрела статус высшей формы Народовластия. При большевиках Россия вновь стала макрообщинной, самодержавной республикой во главе с Вождем. Более того, установление однопартийной диктатуры означало ликвидацию публичной политики, возвращение Верховной Власти утерянного ею сакрального статуса.

Теория и политическая практика большевиков оказалась созвучна обычно-правовым представлениям масс о собственности. Выдвинутый еще в годы Первой русской революции лозунг «национализации» земли был научнообразным выражением вековой мечты русского крестьянства о «черном переделе», а Декрет о Земле и Земельный Кодекс 1922 года стали фактическим закреплением его итогов на уровне общегосударственного законодательства. Эти соответствия способствовали закреплению в массовом сознании представления о «почвенном», «легитимном» характере большевистской власти и стали важнейшим фактором, предопределившим её устойчивость в ходе Войны.

История Русской Революции и Великой Отечественной Войны убедительно показала, что пренебрежение массовым сознанием со стороны политических элит является для них дорогой в политическое небытие. В свою очередь ставка большевиков на массы, их созвучие массовому сознанию определили исход Великой Революции и Великой Войны.

cclxi

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 506.

Л.А.Можаева

Антифашистский Комитет советской молодежи как инструмент формирования позитивного образа СССР в мире (к характеристике источников изучения проблемы)

Антифашистский Комитет советской молодежи (АКСМ) был одной из целого ряда организаций, созданных для сплочения антифашистских сил в годы Второй мировой войны (Антифашистский Комитет советских женщин, советских ученых, Еврейский Антифашистский Комитет и др.).

Формально эта молодежная организация имела статус общественной. Она была создана осенью 1941 г. В годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. работала под руководством Совинформбюро в тесном контакте с Исполкомом Коминтерна и Исполкомом Коммунистического Интернационала Молодежи. Комитет рассылал информацию об участии советской молодежи в борьбе с фашизмом, о ее повседневной жизни (работа, быт, учеба, досуг, занятия спортом и др.) в зарубежную прессу, использовал для своих выступлений и советское иновещание. Вся направлявшаяся за границу информация АКСМ жестко контролировалась Совинформбюро и другими официальными идеологическими учреждениями. С 1946 г. работал под руководством ЦК комсомола. АКСМ участвовал в деятельности Всемирной Федерации Демократической Молодежи (ВФДМ) и Международного Союза Студентов (МСС), в частности, - в организации всемирных фестивалей молодежи и студентов (1947 - 1955 гг.), издании печатных органов ВФДМ и МСС на нескольких языках: "Молодежь мира" и "Всемирные студенческие новости". АКСМ был распущен в июле 1956 г. по постановлению Всесоюзной конференции молодежных организаций СССР. Вскоре был создан Комитет Молодежных организаций СССР.

Историография АКСМ небогата. В трудах по истории ВЛКСМ характеристика деятельности этой организации в основном сводилась к такому важному, но отдельному, ее направлению как расширение и укрепление интернациональных связей советской молодежи в борьбе против фашизма^{cclxii}. При этом в стороне оставались и вопрос – для чего необходимо расширение интернациональных связей – и ответ на него. В том числе и для периода Второй мировой войны и после ее окончания. В какой-то степени это можно объяснить тем, что длительное время документы этой организации не были обработаны, а многие – засекречены^{cclxiii}. Представляется также, что одна из причин «недостаточности» внимания к изучению этой организации коренилась в ее фактическом положении в системе агитационно-пропагандистских органов и

организаций СССР, что и вызывало столь длительное табуирование. Некоторый прорыв был осуществлен в 1990-е годы, когда после определенного рассекречивания документов появилось первое диссертационное исследование^{cclxiv}.

В то же время деятельность этой молодежной организации интересна и с другой точки зрения. В цивилизационном плане Вторую мировую войну можно рассматривать как атаку наиболее агрессивного гитлеровского нацизма с целью навязать свой вариант глобализации на старый капитализм и на двух его конкурентов – на советский, сталинский вариант государственного социализма и на нарождающийся рузвельтовский постиндустриальный строй.^{cclxv} Война сыграла исключительную роль в укреплении идей постиндустриализма, в том числе – и присущей ему идеи определенной конвергенции капиталистических и социалистических начал. Став важным ускоряющим фактором трансформации капитализма в новый строй, война продемонстрировала вариант довольно масштабного сотрудничества и взаимодействия начавшегося трансформироваться в постиндустриализм капитализма с советским социализмом. При этом все основные силы в войне стремились утвердить свою модель жизни. Эти цели имел и сталинский политический режим, причем к концу войны эти устремления становились все более явными. В то же время сталинский социализм приобрел в годы войны некоторые новые черты. Если до войны идея примата классового и интернационального над национальным была одной из главных в сталинском социализме, то война существенно сдвинула его в сторону национального и патриотического. Она стала Отечественной войной. Все эти факторы и определяли парадигму деятельности государственной агитационно-пропагандистской системы СССР, одним из звеньев которой являлся Антифашистский комитет советской молодежи.

Рассмотреть его как инструмент формирования позитивного образа СССР в мире в тактическом и стратегическом смысле позволяют архивные документы АКСМ.

Основной массив документов АКСМ хранится в РГАСПИ (Фонд № 4М «Антифашистский Комитет советской молодежи»). Он поступил туда в составе бывшего Центрального Архива ВЛКСМ (затем ЦХДМО). Фонд был обработан в середине 1990-х годов. В нем собраны материалы за период 1941-1956 гг. (Оп. 1-6), всего 2502 ед. хр. Объем дел различен: от 5-6 до 200 листов. Более половины дел с оборотами. Доступ к большей части документов до сих пор ограничен, а значительная часть документов содержит гриф секретности. Рассекреченные документы позволяют выявить внутреннюю структуру, широкий спектр деятельности АКСМ и осознать ее цели. Документы фонда можно условно подразделить на 4 основные группы.

1 группу составляют документы высших партийных и государственных органов СССР: постановления Совета Министров СССР, директивные указания ЦК ВКП(б), Наркомата Иностранных дел, отчеты Совинформбюро. Они позволяют сформировать представление о месте АКСМ в советской системе агитации и пропаганды, об инструментарии и материальном обеспечении его деятельности. В них регламентируется деятельность и внутренняя структура АКСМ. Так, Совет Министров в своих постановлениях утверждал порядок и основные направления программ проведения крупных международных мероприятий, таких, как Международная конференция молодежи, Всемирный Конгресс студентов, Всемирные фестивали молодежи и студентов и многие другие, в которых

принимал участие АКСМ. Среди документов ВКП(б) находится переписка Управления агитации и пропаганды и Отдела международной информации ЦК ВКП(б) с АКСМ. Эти документы имеют консультативно-директивный характер и показывают, что АКСМ в своей деятельности строго выполнял указания ЦК ВКП(б). Директивные установки высших партийных и государственных органов СССР дают нам представления о том, как выработывалась тактика АКСМ в проведении международных мероприятий при условии отстаивания и внедрения в международное молодежное движение основных идеологических принципов внешней политики СССР. Документы Наркомата Иностранных дел, в том числе, переписка АКСМ отложившаяся в фонде, носят в основном справочно-информационный характер. Они дают нам представление о глубинных процессах, происходивших на международной арене в период деятельности АКСМ и способствуют пониманию тех условий, в которых развивалось международное молодежное движение.

Документы Совинформбюро (СИБ) содержат сведения о внутренней структуре аппарата АКСМ. Среди этих документов: отчеты СИБ о деятельности комитета, штатные расписания, сметы расходов, должностные ставки и другие документы об организационно-материальном оснащении АКСМ.

Ко 2-й группе относятся документы ЦК ВЛКСМ, который непосредственно контролировал деятельность АКСМ. В фонде имеются выписки из заседаний Секретариата и Бюро ЦК ВЛКСМ, записки и указания секретарей ЦК ВЛКСМ ответственным работникам АКСМ. Эти документы позволяют выяснить степень зависимости АКСМ, имевший статус самостоятельной общественной организации, от ЦК ВЛКСМ.

3-я группа – документы самого Антифашистского Комитета советской молодежи. В этом массиве можно выделить следующие виды документов: отчеты о деятельности АКСМ, документы организационно-инструкторского характера, письменные предложения в различные инстанции по вопросу совершенствования аппарата и внутренней структуры Комитета, о выработке основных направлений деятельности. Содержится подготовленный Комитетом комплекс документов, характеризующих состояние международного молодежного движения, в том числе по странам, политическим и идеологическим направлениям.

4 самостоятельная группа документов - переписка АКСМ со своими представителями в международных организациях, в том числе - письма молодежи СССР и зарубежных государств, поступающие в адрес Комитета. Этот комплекс документов раскрывает масштабы работы, проводимой АКСМ в международных организациях. Помимо этого, данные документы способствуют выявлению степени самостоятельности Антифашистского Комитета советской молодежи как общественной организации.

Документы фонда позволяют раскрыть процесс создания АКСМ и складывание основных направлений его работы на начальном этапе деятельности (сентябрь 1941г. – апрель 1942г.), в том числе и уточнить время создания АКСМ^{cclxvi}. Данные по этим проблемам содержатся также в фонде ЦК ВЛКСМ и других фондах РГАСПИ^{cclxvii}.

В начальный период деятельности, когда связи АКСМ с молодежными организациями зарубежных стран были слабыми, он ограничивался исключительно информационной работой, разъясняя освободительный характер войны советского народа против фашистских захватчиков, тем самым формируя в глазах мировой

общественности образ державы-борца, принявшей на себя основной удар гитлеровской Германии. Этому, в частности, посвящена коллекция листовок о зверствах фашистов^{cclxviii}. Эффективной формой антифашистской деятельности Комитета в годы Великой Отечественной войны были антифашистские митинги представителей всей советской молодежи, советских спортсменов и советских студентов^{cclxix}.

Важным явлением в международной жизни стал обмен молодежными делегациями, что само по себе имело большое значение в деле сплочения молодежи разных стран на борьбу с фашизмом и формирования единой молодежной антифашистской платформы. Начало этой работе положила делегация АКСМ, которая в сентябре-декабре 1942г. посетила США, Канаду и Англию. Не было практически ни одной американской газеты, которая не писала бы о члене делегации Герое Советского Союза снайпере Л. Павличенко, имевшей на своем счету 109 убитых немцев. «Она стала любимицей публики... Она – почетный гость Рузвельта. Она первая из советских граждан проводит ночь в Белом Доме»^{cclxx}. По существу это была первая советская молодежная делегация, которая знакомила мир и создавала представление об СССР как о ведущей силе в борьбе с фашизмом.

Методы работы АКСМ и его роль в подготовке и создании общедемократической платформы раскрывают документы АКСМ, отражающие следующие направления его деятельности: изучение работы национальных и международных организаций и их руководящих кадров с целью влияния на их деятельность и наблюдения за нею, проведение в этих целях совместных мероприятий; пропаганда образа жизни советской молодежи, укрепление ее авторитета и ее популяризация за рубежом через зарубежные молодежные организации и иностранную прессу; содержание штатного аппарата АКСМ и руководство работой представителей Комитета в международных молодежных организациях.

Документы показывают, что Комитет был неотъемлемой частью Совинформбюро. На протяжении 2-х с половиной лет динамика роста его аппарата значительно опережала развитие других советских антифашистских комитетов и редакций. Штатный аппарат АКСМ содержался в соответствии со штатным расписанием Совинформбюро и пользовался помещением и всем бытовым устройством Совинформбюро наравне с другими отделами и комитетами. В то же время вопрос о статусе АКСМ был не до конца решенным. С одной стороны, самостоятельный статус АКСМ влек за собой ряд финансовых, кадровых и организационных затруднений. С другой стороны, в целях формирования международной общедемократической молодежной платформы и для активного участия в работе различных крупных международных молодежных объединений в целом было бы целесообразно сохранять за Комитетом статус самостоятельной общественной организации. Статус АКСМ был согласован в результате ряда консультаций ЦК ВЛКСМ с ЦК ВКП(б) и закреплён в положении «Об антифашистском комитете советской молодежи» в июле 1945 г. По форме Комитет должен был выступать как самостоятельная общественная организация и представлять на международной арене все молодежные организации Советского Союза, в том числе и комсомол. По сути же АКСМ должен был выполнять функции Международного отдела ЦК ВЛКСМ^{cclxxi}. Документы других фондов РГАСПИ дополняют характеристику механизма деятельности АКСМ. Так, в записке С.А. Лозовского, в то время заместителя начальника Совинформбюро,

направленной им секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову 25 апреля 1945 г., говорится, что АКСМ (как и другие антифашистские комитеты, а также Всеславянский комитет и Еврейский антифашистский комитет) по указанию секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова находился в подчинении Совинформбюро, что выражалось в следующем: статьи, письма и телеграммы, направляемые за границу, подлежали обязательному визированию Совинформбюро; встречи с иностранцами, посещения посольств, организация банкетов и приемов происходили только с утверждения Совинформбюро; речи и выступления на митингах и пленумах предварительно просматривались Совинформбюро и утверждались Управлением Пропаганды ЦК ВКП(б)^{cclxxii}. В условиях завершающего этапа Второй мировой войны, когда обострилась борьба за закрепление уже обозначившихся геополитических итогов победы над фашизмом в СССР стали уделять особое внимание советской внешнеполитической пропаганде. Тем более, что советские корреспонденты за рубежом в тревожных тонах сообщали о крайне незначительной эффективности этой пропаганды^{cclxxiii}. Поэтому 29 сентября 1945г. было принято Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об улучшении советской пропаганды за рубежом». Оно предписывало создать специальную комиссию, в состав которой среди прочих представителей органов и организаций, имевших функции внешней пропаганды, входил и председатель АКСМ Герой Советского Союза, участник полярной экспедиции И.Д.Папанина Е.К. Федоров. Управление пропаганды ЦК ВКП(б) затребовало их письменные отчеты о пропагандистской работе за рубежом. Комиссия просуществовала недолго, заслушав и проанализировав основные направления этой деятельности, и выработала соответствующие рекомендации^{cclxxiv}. Под грифом «секретно» в ЦК ВЛКСМ поступали «установки» ЦК ВКП(б), которыми должны руководствоваться делегации советской молодежи на международных форумах. Интересна такая «установка» для участия в работе Подготовительного комитета Международной конференции молодежи в Лондоне (29 октября 1945г.), которая положила начало созданию Всемирной федерации демократической молодежи. Она, в частности, ориентировала на недопущение на эту конференцию молодежных организаций, исповедующих фашистскую идеологию, предписывала предотвратить «проникновение на конференцию представителей недемократических организаций», «основательно приблизить» подготовительный комитет «к отделу международной информации в ЦК ВКП(б)».^{cclxxv} Сравнение директивных установок, полученных советскими делегатами с итоговыми документами конференции показывает, что по всем основным вопросам были приняты решения, отражающие интересы СССР. При этом об осуществлении разработанного комплекса мероприятий по реализации «установок» сообщалось непосредственно Г.М.Маленкову^{cclxxvi}.

Таким образом, к концу Второй мировой войны АКСМ превратился в прочный элемент, «винтик» целостного агитационно-пропагандистского механизма советской системы, призванный в определенном социальном слое – в молодежной среде формировать позитивный имидж СССР и утверждать ценности советского строя. При этом в последний год войны явно прослеживается тенденция использовать образ державы-борца и победителя для привлечения интереса молодежи мира к советскому строю и его базовым ценностям. Интернациональное, классовое вновь приобретает сильное звучание

В условиях начавшейся «холодной войны» АКСМ вместе с ЦК ВЛКСМ начинает активную работу по укреплению позиций коммунистов в молодежной среде. Он выступает за воссоздание коммунистических молодежных организаций во всех странах и активно пропагандирует задачи социалистического строительства в Советском Союзе, стремясь мобилизовать общественное мнение в мире против «поджигателей войны»^{cclxxvii}.

Архивные документы свидетельствуют, что эти мероприятия были предвестниками грядущего раскола мира на противоположные общественно-политические лагеря, во главе одного из которых встал СССР. Определенным рубежом событием в этом отношении стала Декларация Совещания 9-ти коммунистических партий в конце сентября 1947 г. За нею последовали и определенные шаги АКСМ^{cclxxviii}.

Интересный комплекс документов АКСМ содержится в рассекреченных материалах Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) за 1949 – 1953гг.^{cclxxix} Это, в первую очередь, отчеты, планы, письма ЦК ВЛКСМ, АКСМ о поездках делегаций советской молодежи и студентов на всемирные конгрессы, съезды и конференции в страны народной демократии и капиталистические страны, на Международные фестивали молодежи и студентов. При этом Внешнеполитическая комиссия непосредственно контролировала работу АКСМ и ЦК ВЛКСМ по подготовке к проведению Международных молодежных фестивалей в Будапеште 1949г. и в Берлине 1951г., о приеме представителей зарубежных молодежных организаций в Советском Союзе для обмена опытом комсомольской и пионерской работы; о привлечении иностранных студентов для обучения в СССР, в том числе - и в Центральную комсомольскую школу^{cclxxx}. Особенно интересны справки и пометки Отдела общественных организаций ЦК ВКП(б) на этих документах. Среди документов Внешнеполитической комиссии мы находим отчеты и справки АКСМ о недостатках в работе Министерства высшего образования с письмами иностранных студентов в адрес советских студентов, о дополнительном финансировании ВФДМ и МСС, об оказании помощи союзам молодежи стран народной демократии^{cclxxxi}.

Документы крупных, главным образом, публичных акций АКСМ (митингов, международных конференций и т.д.), как правило, публиковались в печати в период их проведения – в газете «Комсомольская правда», транслировались по радио, печатались и рассылались в различные страны в виде листовок. Таким образом, эти документы также содержатся в фондах редакций центральных газет и в Архиве звукозаписей и могут служить дополнениями к содержащимся в других архивохранилищах.

Отложившиеся документы о деятельности АКСМ свидетельствуют о том, что являясь обязательным элементом своего времени в «молодежном» звене агитационно-пропагандистской системы СССР, он внес значительный вклад в освещение героизма советского народа в борьбе с фашизмом, в укрепление авторитета СССР на международной арене как страны – победителя. Таким образом, АКСМ способствовал формированию позитивного имиджа СССР в мире. При этом он решал и еще одну задачу - пропагандировал ценности советского строя, советского варианта социализма. Учитывая, что главной аудиторией АКСМ была молодежь, его деятельность была нацелена на будущее и подчинена будущим геополитическим результатам. Налаживая и расширяя связи с молодежью различных стран, АКСМ знакомил ее с советскими ценностями, вовлекал в ареал

советского, способствуя тем самым распространению советского варианта социализма в других странах, т.е. участвуя в реализации концепции «мировой пролетарской революции» иными средствами, в расширении сферы влияния СССР.

- cclxii См., например: Славный путь Ленинского комсомола. Т. П. – М.: «Молодая гвардия», 1974. –С.195 – 202.
- cclxiii Отдельные документы АКСМ были опубликованы в сб.: Мы – интернационалисты. Документы и материалы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ, АКСМ и КМО СССР об интернациональных связях советской молодежи и международном молодежном движении (1918-1971гг.). – М., 1972. - С.148, 151, 153, 193.
- cclxiv Пономарев С.С. Антифашистский комитет советской молодежи.1941-1947 гг : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 М., 1996.
- cclxv См., например: Попов Г.Х., Аджубей Н.А. Пять выборов Никиты Хрущева. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008.- С. 151 – 163.
- cclxvi РГАСПИ ф.4М, оп.1, д.11 л. 42; д.7.л12
- cclxvii РГАСПИ, ф.1, оп.23, лл. 73-75; ф 17, оп.125 л.1, оп. 128.л.149
- cclxviii РГАСПИ, ф 4М, оп.1, д.7, лл. 8 -12
- cclxix РГАСПИ, ф.4М, оп. 4, д.3, лл.6,10,16
- cclxx РГАСПИ, ф.4М, оп. 1, д. 39, л.4; д.46, лл. 2-3; д.51, л. 27
- cclxxi РГАСПИ, ф.4 оп. 1, д.233 лл.44-48; д. 234 лл 15-18; д.251 лл.34-36; д.323 лл4, 13-15; д.324 лл 136-137; д.327 лл.141-142,163-164; д.328 лл.6-7; д.334 лл.14; д.351 лл.151; д. 360 лл.1; д.472.лл.30-31.
- cclxxii РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 317. Л. 1.
- cclxxiii См.: Печатнов В.О. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945-1947). //Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. – М., 1999. – С.108-133.
- cclxxiv РГАСПИ, ф.17, оп.117, д.234, лл. 9-10. Документ опубликован в альманахе «Россия. XX век». См.: <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/69228>
- cclxxv РГАСПИ. Ф 4М, оп.1 д 223, л.48
- cclxxvi РГАСПИ, ф.4М, оп.1, д.225, л.34
- cclxxvii РГАСПИ, ф. 4М, оп. 1, д.. 472, лл.50-51; д. 482, лл. 68-73, 75.
- cclxxviii РГАСПИ, ф.4М, оп.1, д. 480, лл. 6-45
- cclxxix РГАСПИ, ф 17, оп. 137
- cclxxx РГАСПИ, ф. 17, оп.137, д. 44, лл. 64-66, 73-74; д. 231; д.546, лл. 1-22, 32-42, 117-125;
- cclxxxi РГАСПИ, ф.17, оп. 137, д.822, лл.1-43, 59-62, 90-113, 121-153; д. 824, лл. 3-131.

С.А. Сатаева

ЦОКС: Феномен правдивости. Кинохроника как исторический источник и документ

Вот уже несколько лет Казахстан осуществляет программу «Культурное наследие», проделана огромная работа, направленная на изучение, сохранение и восстановление культурных памятников, исторических документов. Для многих исследователей памятниками истории Великой Отечественной Войны является хроника, репортаж и киноплакат, киноочерк и путевой кинодневник, публицистика и биография. Любой из этих жанров, созданный в годы войны занимает особое место в истории Казахстана. Но именно кинохроника имеет особое значение. «Кинохроника - как острая публицистика, как идейное оружие - родилась на новом этапе исторического развития...никогда доселе ничто не угрожало Земле и цивилизации в целом. Кинохроника – оружие, и все зависит от того, кому и чему она служит. Даже самая объективная – она тенденциозна. Если она служит идеалам мира и человечности – она имеет невероятную силу воздействия, как, например, наша кинолетопись Отечественной войны»^{cclxxxi}.

Уже в июле 1941 года при Политуправлениях каждого фронта работало около ста кинооператоров. Произведения киноиндустрии должны были отвечать

идеям социализма, выполнять свою общественно-политическую задачу. В хронике тех лет многое делалось по указке существовавшей тогда системы, но по свидетельству многих исследователей самыми «непричесанными» были кадры военной хроники. Это было время единства фронта и тыла, единство печати, радио и изобразительного искусство. Многие известные деятели кино не боялись, в их числе известный режиссер С.М.Эйзенштейн, А.П.Довженко призывали, не боясь снимать правду о войне.

Это было время и единства народа и руководства страны. Политическое управление Рабоче-Крестьянской Армии выпустило директиву, в которой наказывало начальникам политуправлений фронтов «Обратить особое внимание на необходимость съемки репортажа непосредственно на поле боя, в ходе боевых действий избегая инсценировок и подмены ими документального материала. Обратить особое внимание на съемку кинодокументов о зверствах немецко-фашистских захватчиков...». Комитет по делам кинематографии при СНК СССР под председательством И.Г.Большакова требовал от фронтовых киногорупп честных, подлинных, не приукрашенных кадров «не приравниваясь к требованиям эстетичности». Именно достоверность кинохроники позволила увидеть впервые на фронте и в тылу врага отступающего и сдающегося в плен.

В Алма-Ате студия кинохроники была создана в 1934 году. В 1941 году на ее базе начинает работу киностудия художественных фильмов. Уже осенью того же года Московская киностудия «Мосфильм» и Ленинградская «Ленфильм» эвакуируются в Алма-Ату. Три киностудии объединились в один коллектив, получивший название «Центральная объединенная киностудия» - ЦОКС. Алма-Ата становится центром советской кинематографии, где с 1941-1945 годы выпускалось восемьдесят процентов фильмов, производимых всей кинематографией Союза. Здесь работали такие крупные мастера советского киноискусства, как С.М.Эйзенштейн, В.И.Пудовкин, И.А.Пырьев, Д.Вертов, Г.Л.Рошаль, С.Д.Васильев, Н.Черкасов, Б.Чирков, Л.Орлова, Н.Крючков, М.Жаров. В Алма-Ату был эвакуирован Театр им.Моссювета, ученые Академии наук СССР во главе с президентом В.Л.Комаровым, литераторы С.Я.Маршак, М.М.Зощенко и многие другие.

Н. М. Зоркая, известный киновед и историк кино отмечала, что художественный и нравственный вклад ЦОКС киноведами не был осмыслен, и вспоминала: «Обоз был в пути две недели. Доехав до места, все увидели сказочный зеленый город, окруженный серебряным кольцом снежных гор. На улицах журчали веселые арыки, на деревьях висели красные, с голову ребенка, яблоки апорт. Контраст оставленного Севера и нового дивного края восторженно описан во многих мемуарах»^{cclxxxiii}.

Много известных операторов работало в годы войны в Алма-Ате. Несколько операторов жили и работали в Алма-Ате до войны: Маневич Б.И., Шер Б.И., Пумпянский Б.Я. и другие.

Маневич Борис Исаакович, 1910 года рождения. Ушел на фронт в 1942 году. Участвовал в боях на Северном военном флоте, 2-м Белорусском фронтах. Автор фильмов «69-я параллель», «10-удар», «В логове зверя». Награжден орденом «Отечественная война» и медалями. Его работы хранятся в фондах ЦГА КФДЗ РК:

«К выборам в Верховный Совет СССР». Алматинская студия кинохроники. 1937 год.

«Ликующий май». Алматинская студия кинохроники. 1938 год. Фильм о праздновании 1-го мая в Алма-Ате.

«Цветущий Казахстан». Алматинская студия кинохроники. 1939 год.

Пумпянский Борис Яковлевич, 1906 года рождения. С.Н.Пумпянская вспоминала, что его долго не отпускали на фронт, и муж ее очень много ездил по Казахстану, снимая хронику о работе тыла. Это было связано с распоряжением Главного управления по производству хроникально-документальных фильмов: «обеспечить своевременную высылку в Москву для включения в союзный киножурнал высококачественных сюжетов об уборке урожая. Сюжеты об уборке урожая будут включаться в каждый номер киножурнала. Этим сюжетам придается значение не меньшее, чем фронтовому кинорепортажу, поручая их наиболее квалифицированным операторам».

В 1944 году Б.Пумпянский командирован на 4-ый Украинский фронт. Талантливый оператор погиб при съемках репортажа о работе полевой почты в Карпатах. Самолет налетел на трос подвесной канатной дороги и разбился. Автор фильмов: «Кочевники», «Лок Батан», «Тебе фронт», «Освобождение Чехословакии» (создан в 1946 году, в нем режиссер И.Копалин использовал фронтовые съемки Б.Пумпянского). За этот фильм Б.Я. Пумпянский был посмертно награжден Сталинской премией. Несколько его работ хранятся в ЦГА КФДЗ РК, в частности:

«Побежденная пустыня». Алматинская студия кинохроники. 1938 год. Фильм о работе научной экспедиции в пустыне Бетпак-Дала.

«Радостные дни». Алматинская студия кинохроники. 1940 год. Фильм посвящен 20-летию Советского Казахстана.

«Гвардейцы тыла». Алматинская студия кинохроники. 1942 год. Фильм рассказывает о героическом труде казахстанцев в тылу, о работе горняков-гвардейцев тыла.

«Айтыс». Алматинская студия кинохроники. 1943 год. В фильме показаны соревнования акынов, народных певцов-импровизаторов.

Один из самых известных советских документалистов Дзига Вертов приехал в Алма-Ату 19 октября 1941 года по настоянию Комитета по делам кинематографии, за два года своей жизни в Алма-Ате создал два документальных фильма «Тебе фронт» и «В горах Ала-Тау» в двух частях, автор выпусков «Союзкиножурнала». Позже Вертов вспоминал, как среди ночи его срочно вызвали на Ярославский вокзал. Пешком, в полной темноте, под дождем и снегом он добирался с женой Елизаветой Свиловой по ночной Москве до вокзала, вещи остались дома, за ними должна была приехать машина, но поезд ушел и Вертов писал: «Приехали голые как Адам и Ева, в город яблок Алма-Ата. Тем и питались – яблочком с древа познания добра и зла».

Известный казахский кинодеятель Кабыш Сиранов писал: «Для киноискусства Советского Казахстана значение вертовских фильмов огромно. Истинный новатор, своими смелыми экспериментами и неустанными поисками проложивший путь революционному искусству, за два года своего пребывания в Алма-Ате сделал для казахского кино многое и сыграл в становлении и развитии его весьма значительную роль»^{cclxxxiv}.

Вертова интересовали мудрые мысли простого казахского народа, для которого слово было всегда искусством. Вот несколько строк из его записей, сделанные во время его жизни на казахской земле:

«Чем говорить о серебре на твоём ружье, поговорим лучше о его попаданиях».

«У дерева, отягощенного плодами, верхушка клонится вниз...».

Из воспоминаний С.Пумпянской: На алма-атинской студии Вертов и Свилова занимались киножурналом «Советский Казахстан». Кроме того, Вертов сразу заинтересовался экономикой республики, ее людьми, народным творчеством, акынами, слушал их песни. Задумал большой фильм о неразрывной связи между людьми фронта и тыла. Зимой 1942 года муж мой часто ездил по глубинным районам Казахстана, снимал сюжеты для журнала и очерки, а когда бывал в Алма-Ате, подробно рассказывал Денису Аркадьевичу о жизни Казахстана, о людях, об увиденном и замеченном в этих поездках»^{cclxxxv}.

Уже к концу 1942 года Дзига Вертов завершил свой задуманный фильм, названный «Тебе, фронт!». В каталоге значится как: «Киноочерк, 5 частей, 1280 метров. Производство Алма-Атинской студии хроники, 1942 г. Автор сценария и режиссер Дзига Вертов, кинооператор Б.Пумпянский, композиторы Г.Попов, В.Великанов, звукооператор К.Бакк. 2-й режиссер Е.Свилова, ассистент режиссера С.Пумпянская, консультант А.Курманов. Киноочерк о воинском и трудовом подвиге казахстанцев в годы Великой Отечественной войны. В фильм включены игровые и хроникальные фрагменты»^{cclxxxvi}.

Фронт и тыл, подвиг воинов-казахстанцев и трудовой героизм рабочих рудника, где добывается свинец, даны в кинохронике. Фильм начинается звуками орудийных залпов. На экране крупным планом известный казахский певец-импровизатор Нурпеис Байганин. Аксакал начинает играть на домбре и рассказывать о героях фильма: девушке Сауле и ее женихе Джамиле. Уходит на фронт Джамиль - известный забойщик и вместо него начинает работать его невеста. Сауле добывает руду, а Джамиль защищает Москву, их имена становятся известными всей стране. Вертов большое значение придавал музыке - красивая мелодия домбры заглушает грохотанье орудий, хроникальные кадры фронта и тыла убеждают, что враг не сможет уничтожить простой народ и его страну. Им раскрыта тема интернационализма, единства национальностей и это единство не разрушилось, как рассчитывало нацисты, а еще более окрепло.

По инициативе кинематографистов Москвы и Ленинграда в январе 1944 года была проведена неделя казахского кино. В столице республики демонстрировались художественные и документальные фильмы о Казахстане. В фойе академического театра оперы и балета имени Абая была организована выставка, посвященная многонациональной советской кинематографии. С.Д.Васильев, художественный руководитель ЦОКС, известный кинорежиссер, автор фильма «Чапаев» в своем докладе «Казахстан - база советской художественной кинематографии в дни Отечественной войны» говорил об отечественной кинематографии в военные годы и тепло отзывался о гостеприимстве казахского народа, создавшего все условия для их успешной работы. Многим запомнилось выступление М.О.Ауэзова на тему: «Казахская литература и кино». Доклад известного советского кинорежиссера и педагога, заслуженного деятеля искусств Г.Л.Рошалья был о национальных творческих кадрах в кино. В обсуждении докладов приняли участие и другие мастера советского кино. Академик Кажым Жумалиев вспоминал, что самой яркой на этом совещании стала речь академика Каныша Сатпаева. «...Это была не речь, а

мысли вслух, не выступление, а неторопливая беседа, доверительный разговор. Мягкий, густой, музыкальный голос этого изумительного человека покорила нас.

-Нельзя окинуть взором наш Казахстан, - говорит он. - ...Республика наша таит в себе природные сокровища, которые под стать ее просторам. Да будет вам ведомо, что большая часть свинца, которая ежедневно обрушивается ливнем на головы фашистов, производится у нас. Фронт только что получил танки со сверхпрочной броней. И в этом немалая наша доля. Все это только начало индустриальной эры завтрашнего Казахстана. В старину о степи Бетпак-Дала, говорили: «Не пройдет конь – копыта сожжет, не пролетит орел – крылья опалит». Но и пустыня, и горы, и вся бескрайняя степь – это кладезь угля и свинца, меди и вольфрама. Сатпаев говорил, а мы, все присутствующие, боялись пропустить хотя бы слово. Он красочно нарисовал картину становления казахстанской индустрии, ее бурный рост и для всех ощутимые достижения, ее вчера, сегодня и завтра. Все от полноты души заплодировали оратору. Аудитория загудела, выражая одобрение и восхищение. Эйзенштейн благодарно пожал ему руки. Сатпаев улыбнулся широко, не скрывая своей радости, однако заметил, что почтение гостя он принимает как приятный, хотя и незаслуженный, комплимент – ведь он, Сатпаев, неспециалист в области литературы и кинематографии»^{cclxxxvii}.

Известный в Казахстане российский ученый, источниковед, доктор исторических наук, профессор РГГУ В.М.Магидов в своем интервью казахстанской газете «Литер» отмечал: «Казахстан занимал, и продолжает занимать, исключительную роль в истории, и сыграл в войне, конечно, не достаточно, не до конца оцененную роль, потому что работали предприятия, жили и работали люди, надеялись на Победу и делали все для Победы».

Кино Казахстана имеет глубокие и интересные исторические корни. Исследование военной кинохроники и сопоставление ее с письменными документами позволяет понять и узнать историю родной страны полнее, глубже и ярче. Этот метод исследования имеет большие перспективы в будущем, как для ученых, так и для обучения подрастающего поколения, для которых XX век и Великая Отечественная Война это далекое прошлое, но прошлое, которое объединяет наши страны.

^{cclxxxii} Современный документальный фильм. Д.Микоша, В.Микоша. Хроникеру стоит доверять - Москва. Искусство.1970. с.61.

^{cclxxxiii} Кино на войне. Документы и свидетельства.- Москва. Материк.2005. с.233

^{cclxxxiv} Сиранов Кабыш. Казахское киноискусство. – Алма-Ата: Казгосиздат. 1958. с.58.

^{cclxxxv} Дзига Вертов в воспоминаниях современников. С.Пумпянская. Счастливый случай.- Москва. Искусство. 1976. с 225.

^{cclxxxvi} ЦГА КФДЗ РК. Кинолетопись выпуск 1. Аннотированный каталог документальных фильмов киностудии «Казахфильм» (1925-1975).Алма-Ата.1988. с.16.арх.№ 969.

^{cclxxxvii} М. Сарсекеев. Жизнь Замечательных Людей. Сатпаев. – Москва:Молодая гвардия. 1980. с.229-230.

Д.А. Ерофеев

Советско-финляндские отношения в 1939 – 1944 гг. и их отображение в советской пропаганде

Начало полномасштабного изучения советско-финляндского вооруженного конфликта 1939 – 1940 гг. связано с политическими изменениями в нашей стране, произошедшими в конце 1980-х гг. Неоднозначная тема Зимней войны, всегда привлекавшая внимание у нас в стране, так и за рубежом, получила бурное развитие в исследовательских работах в 1990-е гг. в связи с рассекречиванием недоступных ранее архивных фондов^{ccclxxxviii}.

В начале 1990-х гг. в связи с прекращением жесткой цензуры начинают публиковаться исследовательские работы, положения которых в корне расходятся с устоявшейся на тот момент картиной советско-финской войны 1939 – 1940 гг.

Существовавшая в советский период версия событий войны между СССР и Финляндией исходила из того, что война была спровоцирована действиями международных блоков империалистических государств, стремящихся втянуть СССР в начавшуюся Вторую мировую войну и превративших финское правительство в послушную марионетку^{ccclxxxix}. Советское руководство неоднократно обращалось к правительству Финляндии, стремясь решить все вопросы за столом переговоров, но правители Финляндии, рассчитывая на помощь своих покровителей на Западе, отказалось от всех предложений с советской стороны. В сложившейся ситуации Советский Союз был вынужден ликвидировать очаг постоянной напряженности у своих границ. Главная задача СССР заключалась в том, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда, обезопасив этот второй по значению город от внезапного нападения^{ccxc}. По истечении трех месяцев войны, после взятия Выборга и прорыва Линии Маннергейма советскими войсками, правительство Финляндии, видя, что помощи ждать неоткуда, согласилось со всеми советскими предложениями.

В 1940 г., с 14 по 17 апреля в ЦК ВКП(б) состоялось совещание для высшего состава РККА. Это совещание состоялось через месяц после подписания Московского мирного договора с Финляндией и было посвящено оценке итогов войны. 14 апреля на этом совещании выступил И.В. Сталин. Это выступление окончательно расставило все точки в оценке конфликта с Финляндией. В своей речи Сталин указал, что со стороны Финляндии готовилась нападение на СССР. Целью удара должен был стать Ленинград, захват которого давал бы возможность создания белогвардейского правительства и развертывания в СССР гражданской войны^{ccxc}.

В советской историографии Зимняя война, шедшая с первого до последнего дня на финской земле, рассматривалась в качестве оборонительной. В целом советские историки не подвергали события войны серьезному изучению. В советской исторической литературе подчеркивается локальность этого военного конфликта. Зимняя война наряду с боями на Хасане и Халхин-Голе и присоединением Бессарабии вписана в предвоенный период как укрепление безопасности границ СССР^{ccxcii}. Проблема потерь и ход боевых действий детального рассмотрения в советское время не получили. Тому несколько причин. Во-первых, цифра 130 тысяч только убитых с советской стороны за три месяца боев не укладывается в понятие приграничного столкновения и не соответствует относительно небольшим территориальным приобретениям, полученным по условиям мирного договора. Во-вторых, советские войска вошли в Финляндию по просьбе Народного правительства Финляндской демократической республики^{ccxciii}. Последующие мирные переговоры с белофиннами поставили советских идеологов в сложное положение.

Относительно хода боевых действий в советской пропаганде особое ударение делалось на факте прорыва финской линии укреплений на Карельском перешейке. Линия Маннергейма преподносилась в советской печати как одно из самых совершенных оборонительных сооружений, сопоставимых с германской Линией Зигфрида и французской Линией Мажино. То, что советские войска сумели ее преодолеть, говорило о выдающихся качествах Красной Армии – самой лучшей в мире и успехах советской военной науки и техники. Факт прорыва долговременной оборонительной полосы в отечественных публикациях именовался беспримерным. Не одной армии мира никогда не удавалось прорвать созданную заранее линию укреплений^{ccxciv}. Красной Армии это оказалось под силу. Такой подход делал более приемлемым вопрос о соотношении сил и сроках операции.

С началом перемен в нашей стране тема, всегда привлекавшая внимание из-за своей неоднозначности, получила развитие во множестве работ, касающихся предвоенного периода. В 1992 году М.И. Семиряга в своей “Тайны сталинской дипломатии”^{ccxcv}, касаясь темы Зимней войны высказал точку зрения, ставшую впоследствии наиболее распространенной среди отечественных исследователей. М.И. Семиряга охарактеризовал эту войну, как “ненужную”. Сегодня очень распространен тезис о том, что Сталин «прибирал» к своим рукам, пользуясь случаем все то, что по договору с Гитлером, отходило в сферу его влияния. Не было никаких предпосылок и резонов к вторжению в Финляндию. Со стороны Финляндии, кроме давней неприязни, никакой реальной угрозы не существовало. М.И. Семиряга называет СССР в числе “неагрессивных” государств мира^{ccxcvi}. Суть данной концепции в том, что появление экспансионистских тенденций в советской политике связывается с заключением советско-германского пакта и секретных протоколов о разделе сфер влияния. На Сталине, по мнению М.И. Семиряги, лежит вина за пренебрежение советскими стратегическими интересами в угоду сомнительной выгоды приращения территорий по договору с Гитлером. Стратегические же интересы Советского Союза заключались в существовании системы коллективной безопасности в Европе, сдерживающей государства, проводящие агрессивную внешнюю политику, прежде всего Германию.

Среди опубликованных в последнее время исследования Зимней войны следует выделить работу П. Аптекаря “Советско-финские войны. Причины начала войны». Данная работа на сегодняшний день представляется одним из наиболее объективных научных исследований с точки зрения методологии и тщательности исследования вопросов истории боевых действий РККА в Финляндии.

Для современной отечественной историографии предвоенного периода характерна точка зрения, что Советский Союз, как и любая другая страна, руководствовался интересами собственной выгоды. Российские историки исходят из того, что все участники событий, приведших к большой европейской войне, совершали неблагоприятные поступки. И СССР в общем империалистическом переделе мира был не первым и не последним. Развитие данной концепции можно видеть в ряде работ современных российских исследователей - Л.А. Безыменского, М.И. Мельтюхова, В.П. Галицкого, О.В. Вишлева.

Примечательна в этом отношении работа М.И. Мельтюхова "Упущенный шанс Сталина", вышедшая в 2000 году^{ccxcvii}. В этой работе показаны внешняя политика СССР и действия Красной Армии в Восточной Европе в начале Второй мировой войны, военное планирование советского Генштаба, организационное

развитие и численность советских вооруженных сил, взгляды советского руководства на события европейской войны и содержание советской пропаганды. По мнению М.И. Мельтюхова, действия Советского Союза были обусловлены стремлением к интеграции в мировое сообщество на правах великой державы, которые были утрачены в годы революции и Гражданской войны. Перед большевистским руководством стоял выбор - либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, советское руководство взяло на вооружение концепцию "мировой революции", совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Ввод войск в Прибалтику, война в Финляндии, аннексия части Румынии рассматриваются М.И. Мельтюховым как меры по улучшению стратегического положения страны. Роль Скандинавского полуострова, как арены военного противостояния была очевидна всем действовавшим сторонам нового европейского конфликта. По своему географическому положению находящийся между Великобританией, Германией и СССР, по роли, занимаемой в сложившихся экономических связях, Скандинавский полуостров представлял довольно серьезную величину в Европе. Многие зависело от того, на чьей стороне выступят шведы, норвежцы, финны и датчане. Скандинавия вполне могла стать одним из главных театров военных действий новой войны. Для Германии жизненно важное значение играли поставки стратегических материалов из Скандинавии. Об этом писали как немцы, так и союзники. Проблема советского вторжения в Финляндию в этой связи обретает совершенно иное значение, чем принято думать. Маннергейм в своих воспоминаниях пишет, что цель войны в Финляндии, не сама Финляндия, а ее природные ресурсы, а также прямой выход к рудным месторождениям Швеции и каналам транспортировки шведской руды в Германию. М.И. Мельтюхов по этому поводу говорит, что интерес Советского Союза к Финляндии был обусловлен ее ориентацией на Германию^{ccxcviii}.

И.В. Сталин в своих выступлениях не раз повторял, что война на западе Европы крайне важна для большевиков. На это обстоятельство справедливо указал другой современный российский историк – Л.А. Безыменский^{ccxcix}. В своей работе он говорит о том, что существовала вероятность превращения Скандинавии в арену решающего столкновения между Германией и союзниками. Таким образом, вторжение в Финляндию можно расценивать, как попытку сделать Красную Армию одним из постоянно действующих факторов в ситуации в Скандинавии. Наличие могущественной советской военной группировки, занимающей неопределенно-нейтральную позицию в этом районе, в корне меняло сложившуюся ситуацию. Это явное стремление Сталина не допустить эскалации конфликта на Севере, к чему стремились союзники, и дать свободу действий Германии на Западе. Л.А. Безыменский в то же время касается ситуации со странным завершением советско-финляндской войны. Л.А. Безымянский считает, что подписание мирного договора между СССР и Финляндией в марте 1940 г. не было для советской стороны окончательным решением проблемы с Финляндией. Осенью 1940 года советский Генштаб подготовил план нового похода в эту страну^{ccc}. Л.А. Безыменский связывает этот план со словами Сталина на совещании по обобщению опыта зимней кампании о “плане большой войны”, который должен был завершиться поглощением Финляндии Советским Союзом^{ccci}.

Одним из первых, кто в научной среде обратил внимание на проблему изучения советской военно-идеологической концепции как исторического феномена стал В.А. Невежин. Монография В.А. Невежина "Синдром наступательной войны" (1997г.) посвящена исследованию советской пропаганды предвоенного периода. Говоря о характере советской пропаганды в предвоенный период, В.А. Невежин выделяет концепцию "освободительного похода" Красной Армии. «Освободительный поход» - это возврат к идее силовыми методами навязывать революционные изменения в соседних странах – концепции "Мировой революции" первых лет существования советской власти. Детально рассматривается с этой точки зрения Зимняя война 1939-1940 гг. Следует отметить, что в отличие от ряда западных исследователей (Роберт Такер, Иоахим Хоффман), касавшихся понятия "Мировой революции" и рассматривающих "Мировую революцию" как суть советской экспансии, В.А. Невежин показывает, что последняя носила лишь характер идеологического сопровождения и обоснования советской внешней политики. Под высокими лозунгами освобождения угнетенных масс крылись элементарные интересы военной и политической выгоды^{cccii}.

Американский историк Роберт Такер предложил следующую интерпретацию советской внешнеполитической деятельности. Суть сталинской внешней политики 1930-х гг. выражена в стремлении заключить сделку с Германией, которая являлась бы гарантией выживания СССР в условиях враждебного окружения. В период 1930-1933 гг. Сталин фактически признал и даже в скрытой форме способствовал нацистскому перевороту, хотя и осознавал, что это будет означать конец германского коммунизма. Идя на это, Сталин якобы рассчитывал, что пока Гитлер будет разбираться с западными союзниками, Советский Союз успеет, воспользовавшись мирной передышкой, завершить начатое строительство социализма. Такер также говорит о том, что Сталин рассчитывал, что воинственно-враждебные антидемократические и антиверсальские взгляды Гитлера спровоцируют напряженность, а возможно, даже новую империалистическую войну на Западе. Советский Союз, по крайней мере, первое время будет оставаться в стороне, а затем сможет воспользоваться плодами территориального приращения. Сталин уже видел заманчивую перспективу "революционного продвижения" на пограничные с СССР земли. Советско-германский пакт августа 1939 г. Вырос из этих планов^{ccciii}. Данная концепция была широко распространена в ФРГ в 1960-1980-х гг., когда существовала потребность пересмотра итогов войны. Один из видных представителей этого реваншистского направления в Германии Иоахим Хоффман, доктор философии, с 1960 по 1995 гг. занимавший пост научного директора Военно-исторического ведомства во Фрейбурге. В одном из номеров Отечественной истории за 1993 год была опубликована его работа "Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год"^{ccciv}.

Одним из новых направлений в изучении военной проблематики являются исследования в области психологии военных конфликтов. Важной работой с точки зрения исследования идеологического обеспечения советского вторжения в Финляндию является работа Е.С. Сеньявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России, посвященная исследованию взаимного восприятия противников и процессу формирования образа врага^{cccv}.

Война в Финляндии – это один из самых неоднозначных эпизодов новой европейской войны. Идеологическое обеспечение вторжения в Финляндию довольно показательно в том отношении, что демонстрирует, как советское

руководство планировало действовать в отношении Финляндии. Активная антифинляндская кампания в советской печати разворачивается лишь перед самым началом военных действий. Очевидно, что с самого начала в отношении Финляндии советское руководство намечало развитие отношений, сходное с прибалтийским сценарием. Однако жесткая позиция Финляндии в ходе переговоров толкнула Сталина на использование силы.

Действовать надо было быстро еще по одной причине. Крупнейшие государства Запада были заняты войной друг с другом. Сталин говорил по этому поводу: «...а не поторопились ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два - три - четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела и, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях, начали активные военные действия именно в конце ноября, в начале декабря. Все это зависело не только от нас, а скорее всего от международной обстановки. Там на западе три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы в этот момент ударить.

Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на 20, потому что ведь всего не предусмотреть в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют».^{СССВІ}

В тот период не ставилось цели завоевать Финляндию, для этого не было тогда времени, и в существующих на тот период условиях это не имело смысла. Необходимо было вынудить финское правительство пойти на уступки СССР^{СССVII}. Действовать следовало быстро, и Сталин пустил в ход Красную Армию. Внешнеполитический нажим сменился открытой подготовкой к началу боевых действий. В прессе была развернута мощная пропагандистская кампания, целью которой было обеспечить советское вторжение. Закономерным итогом этой кампании стала майнильская провокация и последовавшие за ней заявления советского правительства о сложении с себя обязательств, вытекающих из советско-финляндского договора о ненападении.

Для советского похода в Финляндию, как крупной внешнеполитической акции, необходимо было идеологическое обоснование. Необходимая идеологическая модель должна была включать ряд обязательных положений.

Во-первых, все внешнеполитические действия Советского Союза – это всегда прогрессивные, исторически обусловленные действия.

Во-вторых, любые войны, в которых участвует СССР – это справедливые войны пролетарского государства против стран капиталистического окружения. Историческая миссия Красной Армии заключается в освобождении других народов из рабства, помощь национально-освободительным движениям. Ввод частей Красной Армии на территорию соседнего государства – это братская помощь народу соседней страны в его борьбе за национальное освобождение и построение социализма. Одновременно с выступлением Красной Армии против власти капиталистов в соседней стране, народ этой страны поднимает восстание. Задача

Красной Армии – помочь восставшим в освобождении их страны от буржуазии^{СССVIII}.

Проводя в жизнь подобный сценарий в отношении Финляндии, в Москве даже не посчитали нужным советоваться с финскими коммунистами. Их лидеру, проживавшему в Дании, было сделано предложение возглавить национально-освободительное движение. Последний в резкой форме отказался, заявив, что действия Красной Армии в Финляндии ни что иное, как империалистическая война. Финские коммунисты вообще в этой войне выступили против Красной Армии с оружием в руках. Впрочем, протесты финских коммунистов против освобождения ничего уже не значили. Москве было достаточно самого факта существования финской компартии для обоснования вторжения.

Как только Красная Армия перешла советско-финляндскую границу, в советских газетах появились сообщения о народных восстаниях в разных районах Финляндии. Со ссылкой на радиоперехват было помещено сообщение о сформированном восставшим финским народом Народного правительства, возглавил которое видный финский большевик Куусинен.

Ситуацию с Куусиненом многие исследователи считают крупной ошибкой Сталина. Подписав в марте 1940г. договор с буржуазным финским правительством, Сталин нарушил свои обязательства по отношению к Народному правительству Куусинена, с которым в декабре 1939 года был заключен договор о взаимопомощи.

На упоминавшемся совещании 14 апреля 1940 года Сталин, говоря о планах в отношении Финляндии, упомянул два варианта – либо полная оккупация, с введением советского правления посредством правительства Куусинена, либо сохранение существующего политического режима при условии его лояльности по отношению к Москве. Два варианта, о которых говорит Сталин – это не отдельные и взаимоисключающие планы, это две ступени одного плана покорения Финляндии.

В Дневнике Генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрова есть запись беседы с И.В. Сталиным от 25 октября 1939 г. Сталин здесь говорит о пактах с Прибалтийскими государствами: «Мы думаем, что в пактах взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран»^{СССIX}. Как и в случае с Прибалтикой финское буржуазное правительство должно было еще сослужить службу советской политике. Как и в Прибалтике, буржуазное правительство должно оставаться у власти еще какое-то время. За это время его руками заключаются договоры на условиях выгодных СССР. Далее по прибалтийскому сценарию правительство смещается. Сталин: «Мы не будем добиваться их советизирования. Пойдет время, когда они сами это сделают!»^{СССХ}

В отличие от Прибалтики, где подобные действия прошли без сопротивления со стороны местных властей, в Финляндии пришлось применить силу. Дальше какое-то время события развивались как в Прибалтике. Выдвижение различных претензий, угроза применения силы, развертывание антиправительственных выступлений “прогрессивно настроенных граждан”. Осенью Генштаб Красной Армии подготовил план нового вторжения в Финляндию. Германское нашествие отменило этот план, но весной 1940 – летом 1941 гг. правительство Куусинена еще рано было списывать со счета.

Действия в Финляндии были тесно взаимосвязаны с другими внешнеполитическими действиями СССР. До окончания войны в Финляндии

Сталин был вынужден сохранять у власти “буржуазные” правительства в Эстонии, Латвии и Литве, демонстрируя невмешательство в их внутренние дела. До подписания мирного договора должна была существовать видимость того, что Советскому Союзу от Финляндии нужно лишь разрешение на размещение на ее территории военных баз, а местный политический режим абсолютно безразличен. Летом 1940 года, после того, как с Финляндией был заключен мирный договор на откровенно кабальных условиях, когда граница Финляндии была перенесена далеко вглубь ее территории, когда не стало оборонительных сооружений на Карельском перешейке, и дорога во внутренние районы Финляндии была открыта, когда в 100 км от Хельсинки на мысе Ханко была размещена советская военная база, Сталин выдвинул прибалтийским правительствам ультиматумы, обвиняя в невыполнении заключенных ранее договоров о взаимопомощи. Сходные претензии были предъявлены и финскому правительству. Признание этого правительства советской стороной ничего не значило. Советское руководство имел в его отношении полную свободу действий – смещал неугодных министров, проводил нужные законы. Логически следующим шагом должны были стать “демократические выборы”, проведенные по требованию СССР, победа на этих выборах левых партий и просьба о вхождении Финляндии в братскую семью советских народов. В случае же, если бы буржуазное финское правительство стало бы чинить демократическим выборам препятствия, в дело вмешались бы 49 советских дивизий.

На совещании для военных в ЦК партии 14 апреля 1940 года Сталин говорил о том, что в отношении Финляндии было два плана. Перед финской буржуазией был поставлен выбор: либо крупные уступки, либо народное правительство Куусинена. В итоге финны были вынуждены согласиться на меньшее из зол в выборе между советской финской республикой и превращением в формально независимый сталинский протекторат. Но списал ли Сталин со счета правительство Куусинена? По аналогии событий, как они складывались после подписания мира с прибалтийскими, по нарастанию давления на Финляндию в советской прессе, по тому, какие планы разрабатывал Генштаб Красной Армии, можно сказать, что нет – дело шло к новой войне с белофиннами. На этом же совещании Сталин говорил, что задачей войны 1939 года была разведка, проба сил, в заведомо тяжелой борьбе, овладение исходными рубежами для решающего броска.

Но было ли главной целью в этой войне включить Финляндию в состав СССР? Сталин в 1944 году несомненно имел возможность сделать это. Однако этого не произошло. Причина интереса Сталина к Финляндии, на мой взгляд, имела основу в прогерманской ориентации этой страны в предвоенный период. То, что Гитлер предал Финляндию по условиям московского пакта, для Сталина было огромным успехом. Финляндия очень богатая страна, по производству целлюлозы – основного сырья для пороха и взрывчатых веществ она превосходила СССР, это также огромные запасы никеля, необходимого для производства высококачественных легированных оружейных сталей, это запасы леса, необходимого для производства шпал и шахтного крепежа. За гарантию невмешательства и советские поставки Гитлер отдавал Финляндию. Взяв под контроль Финляндию, СССР взял бы под контроль и огромную долю стратегических поставок в Германию жизненно необходимых материалов – дерева, никеля, целлюлозы и пр., а, кроме того, стал бы контролировать акваторию Ботнического залива, по которому в Германию шли транспорты со Шведской

рудой. Неоднократно высказывалось мнение, что Сталин приостановил наступление в Финляндии из опасения спровоцировать Гитлера, но сделал это поздно и Гитлер, поняв всю опасность сложившегося положения, нанес по Сталину упреждающий удар. На мой же взгляд, прекращение боевых действий было предусмотрено изначально, как этап овладения Финляндией. Красная Армия должна была вынудить финское правительство воплотить в жизнь сталинский сценарий. Сталин назвал это: «Мы попытались ее пятый раз потрясти»^{сссxi}. «Пятый раз» - имеется в виду пятый по счету поход в Финляндию, учитывая походы царской армии, начиная с Петра Великого.

Красная Армия на первом этапе была должна, так или иначе, путем прорыва, или обхода, лишить Финляндию оборонительных рубежей на Карельском перешейке – самом коротком и удобном пути в эту страну, овладеть акваторией Финского залива и вынести главную базу Балтийского флота к выходу в Балтийское море, как залог будущих действий на Балтике и в Ботническом заливе. После этого, уже не таясь, можно было начинать социальные преобразования на подконтрольных территориях. Нападение Германии на СССР приостановило этот процесс. В 1944-1945 годах советские войска освободили Прибалтику и разгромили Германию. После войны Прибалтика стала советской, в СССР была включена даже Восточная Пруссия. Однако Финляндия, разбитая в 1944 году, сохранила независимость. Причина такой политики СССР заключалась в том, что в послевоенных условиях Финляндия утратила свое стратегическое значение. В 1944 году угроза потери независимости заставила Финляндию выйти из войны против СССР и объявить войну Германии. Таким образом, канал поставок из Финляндии в Германию прервался. Советские войска могли беспрепятственно передвигаться по территории этой страны. После войны по условиям мирного договора к СССР отошла часть финской территории, в том числе и никелевые рудники. Постоянная угроза советского вторжения и советизации удерживало правительство Финляндии в рамках нужного СССР курса надежнее, чем оккупационные советские войска.

-
- celxxxviii Lebedev I.V. Access to the Documents in the Archives of the Foreign Ministry of the Russian Federation. // Finnish – Soviet Relations 1944 – 1948. Helsinki, 1994. P. 14
- celxxxix Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985. С. 5 – 6.
- схсх 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 230. так же: Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 600.
- схсxi Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 600.
- схсxii 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 233.
- схсxiii Материалы круглого стола “Мирная дискуссия о “зимней войне”. // Родина, 1995. № 12. С. 38.
- схсxiv Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1-2. М., 1941.
- схсxv Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992.
- схсxvi Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992. С. 8
- схсxvii Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.
- схсxviii Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 144.
- схсxix Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2000.
- ссс Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) - И.В. Сталину и В.М. Молотову О соображении по развертыванию сил Красной Армии на случай войны с Финляндией. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 253-254
- ссси Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2000. С. 214-219.
- сссii Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 95-97.
- сссiii Tucker R.C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941. New-York and London, 1992. P. 225-232
- сссiv Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 19-31.

-
- сссv Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- сссvi Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 600
- сссvii Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 601
- сссviii Марксизм-ленинизм о войне, армии и военной науке. М., 1955.
- сссix Из Дневника Генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрова. Запись беседы с И.В. Сталиным. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 596
- сссx Там же
- сссxi Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г. в кн.: Документы 1941. Кн. 2. М., 1998. С. 601

Б.Л.Хавкин

Миф о Штирлице

В центре снятого в 1972 г. режиссером Татьяной Лиозновой по роману Юлиана Семенова и до сих пор популярного в России 12-серийного телевизионного художественного фильма «Семнадцать мгновений весны» образ советского разведчика Максима Исаева, под именем штандартенфюрера СС (звание соответствует армейскому полковнику) Макса Отто фон Штирлица служившего в VI управлении Главного управления имперской безопасности (РСХА) - внешней разведке СД, руководимой бригадефюрером СС (т.е. по-армейски - генерал-майором) В. Шелленбергом. С тех пор прошло уже 35 лет, но тема «Штирлица» остается одной из любимых в российской литературе об истории разведки^{сссxii}.

Разумеется, русского по происхождению и выдававшего себя за немца советского разведчика-нелегала, внедренного в аппарат эсесовских спецслужб, быть не могло, как говорится, «по определению»: при вступлении в СС требовалось документально подтвердить «арийское» происхождение с 1750 г., иметь безупречную характеристику местной ячейки нацистской партии (НСДАП) и рекомендации двух поручителей, а также постоянно жить на одном месте не менее пяти лет^{сссxiii}. Офицер СС, в отличие от холостяка Штирлица, должен был к 35 годам непременно жениться на «чистокровной арийке», чтобы произвести на свет «расово полноценное» потомство. К тому же Штирлиц, как всякий образованный немец, должен был не только свободно владеть немецким литературным языком, но и, как выходец из определенной германской земли, знать «родной» диалект.

Однако у вымышленного Исаева-Штирлица есть реальный исторический прототип. Когда в конце 1960-х – начале 1970-х годов писатель Юлиан Семенов работал над своим знаменитым произведением, он прочитал опубликованные на Западе, но не известные тогда в СССР воспоминания Шелленберга^{сссxiv}, в которых рассказывается история немецкого полицейского чиновника «инспектора Л.» - Вилли Лемана, сотрудничавшего с разведкой русских.

Криминал-инспектор Вилли Леман – чуть выше среднего роста, голубоглазый, с приплюснутым носом, почти круглой лысой головой, уже немолодой, но, несмотря на диабет и болезнь почек, энергичный и добродушный толстяк, которого коллеги попросту звали «дядюшка Вилли», внешне мало походил на Штирлица. «Дядюшка Вилли» вел жизнь обыкновенного бюргера: был скромным и аккуратным, исправно ходил на службу, бережно относился к деньгам,

любил свою жену Марту, с которой счастливо прожил более четверти века. Одно лишь огорчало супругов Леман: их брак был бездетным. В 30-е годы Марта получила в наследство гостиницу и небольшой ресторан на узловой железнодорожной станции в Силезии, куда супруги намеревались переселиться после выхода Вилли на пенсию.

Однако этот «добродушный дядюшка» поставлял советской разведке самые секретные документы из берлинской штаб-квартиры РСХА, что находилась на улице Принца Альбрехта в доме № 8^{СССХV}. Леман до сих пор считается одним из наиболее значительных советских агентов, действовавших накануне и во время Второй мировой войны. Это был единственный агент разведки Наркомата внутренних дел - Наркомата госбезопасности СССР (НКВД-НКГБ) – кадровый офицер-контрразведчик германской тайной государственной полиции (гестапо - IV управления РСХА)^{СССХVI}.

«Леман в годы войны был единственным офицером гестапо, сотрудничавшим с нами», - признавал генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, бывший во время войны начальником разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ. Леман «снабжал нас исключительно важной информацией. Он передавал нам в 1935-1941 годах важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению агентуры в среду русских эмигрантов и в коммунистическое подполье. От Лемана мы также узнали, какие источники польской контрразведки были перевербованы и использовались немцами после разоблачения в 1936 году в Берлине польского резидента Сосновского»^{СССХVII}.

Чрезвычайная информированность Лемана являлась следствием его служебного положения: IV управление (гестапо), возглавляемое группенфюрером СС^{СССХVIII} Г. Мюллером, занимало одно из главных мест в системе РСХА^{СССХIX}. Большая часть документов IV управления, включая ежедневные сводки, печатавшиеся только в двух экземплярах (один — для шефа РСХА группенфюрера СС Р. Гейдриха, другой — для руководящих работников гестапо), проходила через руки Лемана.

То обстоятельство, что в Германии до сих пор очень мало известно о работе Лемана на советскую разведку, связано с тем, что в свое время рейхсфюрер СС Г. Гиммлер^{СССХX} предпринял все меры по сокрытию правды о Лемане: его жизнь и даже смерть были сфальсифицированы.

29 января 1943 г. «Бюллетень приказов шефа полиции безопасности и СД» сообщил, что в декабре 1942 криминал-инспектор Вилли Леман отдал жизнь за «фюрера и рейх»^{СССХXI}.

Однако Леман не погиб при исполнении служебных обязанностей и даже не скоропостижно скончался во время служебной поездки в Варшаву: «во время приступа сахарной комы выпал из поезда и разбился насмерть»^{СССХXII}, как было сообщено его коллегам. На самом деле Леман был расстрелян в гестапо^{СССХXIII}.

Шелленберг, в конце 30-х годов руководивший контрразведкой гестапо (отдел «IV-E1»), писал о Лемане: «В нашем отделе... служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть – лошадиные бега»^{СССХXIV}. Но денег для удовлетворения этой страсти у «дядюшки Вилли» зачастую не было. Однажды некий г-н Мецгер^{СССХXV} предложил «дядюшке Вилли» небольшую сумму денег в виде помощи с условием, что он будет получать половину от каждого выигрыша. Но «дядюшка Вилли» проиграл эти деньги. Мецгер потребовал вернуть

долг и пригрозил, если не получит своих денег, пожаловаться «вышестоящему начальству»; однако возможен и иной выход: если «дядюшка Вилли» будет сообщать «информацию из центрального управления разведки», то старый долг будет прощен, а Леман получит новую ссуду. «Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного “друга”... Отныне он состоял на службе у русских. В течение нескольких лет его так умело использовали, что со стороны никто не заметил появления у него нового источника доходов... За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы»^{СССХХVI}.

Однако Леман, арестованный своими бывшими коллегами, давал на допросах ложные показания. Он признался в сотрудничестве с советской разведкой с 1936 г., в то время как он был завербован еще в 1929 г.^{СССХХVII} Описание деятельности Лемана, а также обстоятельств его вербовки и разоблачения, в воспоминаниях Шелленберга весьма отличаются от фактических событий и напоминают порой «крутой» детектив. Чего стоит, например, эпизод о том, как Леман передавал советской разведке шпионские сведения при помощи своей шляпы: «Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. “Хозяин” Мецгера, имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер передавались в Москву из дома, расположенного в глубине двора, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию»^{СССХХVIII}. Все вышесказанное, очевидно, дает возможность Шелленбергу оценить «Дело дядюшки Вилли» как «типичный образец великолепной работы Советов»^{СССХХIX}.

Публикации Службы внешней разведки России (СВР)^{СССХХX} и новые архивные источники, в частности из Федерального архива ФРГ^{СССХХXI}, позволяют хотя бы в общих чертах рассказать читателям о работе Лемана на советскую разведку, которая длилась почти 13 лет.

Что же известно об этом человеке?

Вилли Леман родился 30 мая 1884 г. в Медеритцше под Лейпцигом в семье учителя гимназии. В 17 лет, после обучения ремеслу столяра-мебельщика, он добровольно пошел служить на кайзеровский военный флот. Обер-фейерверкер^{СССХХXII} Леман побывал во многих дальних плаваниях, ходил к берегам Африки, был свидетелем русско-японской войны 1904-1905 гг., в частности героической гибели крейсера «Варяг» и морского сражения при Цусиме^{СССХХXIII}.

В 1911 г. Леман, прослужив на боевых кораблях 10 лет, ушел в отставку. В том же году он поступил на службу в прусскую полицию. Вскоре бывший моряк, проявивший способности к полицейской службе, был переведен в контрразведывательный отдел Управления полиции Берлина. В годы Первой мировой войны он участвовал в разоблачении и задержании нелегальных агентов Антанты, проявил мужество, аналитический склад ума и оперативность, за что и был награжден Железным крестом 3-го класса. Леман сделал быструю карьеру в отделе «1-Д» под руководством Рудольфа Дильса и в 1920 г. был назначен референтом и заместителем начальника отдела^{СССХХXIV}.

Леман бы в курсе всей переписки отдела, распределял дела между сотрудниками, докладывал начальству о результатах их деятельности, проводил

еженедельные совещания с младшими чиновниками, лично вел особо важные расследования; он присутствовал на дипломатических приемах с участием иностранных военных атташе, выезжал с ними на маневры и сопровождал их в поездках по Германии, осуществлял негласное наблюдение за контактами этих иностранцев с германскими гражданами. Фактически Леман был тем человеком, через которого проходили важнейшие нити оперативного руководства прусской полицейской контрразведкой. Хотя ответственные решения принимали руководители более высокого ранга, Леман был посвящен в них, так как во многих случаях организовывал их исполнение^{СССХХХV}.

К сотрудничеству с советской разведкой Леман был привлечен немецким осведомителем НКВД, имевшим кодовое обозначение «А/70». Под этим шифром скрывался бывший сотрудник контрразведывательного отдела Управления полиции Берлина криминал-обер-вахмистр Эрнст Кур, уволенный из полиции в 1927 г. за совершение дисциплинарного проступка. Кур, начиная с марта 1929 г., продавал секретную информацию берлинской резидентуре НКВД. Так как доступ Кура к служебным секретам был ограничен, он привлек к сотрудничеству с советской разведкой своего коллегу криминал-ассистента Лемана. С лета 1929 г. Леман начал поставлять информацию советской разведке, в документах которой он стал обозначаться шифром «А/201»^{СССХХХVI}.

Вскоре московский разведцентр понял, что из обоих агентов именно Леман поставляет наиболее ценный материал: «Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где при малейшей неосторожности со стороны А/201 или А/70 может прийти много бед. Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201»^{СССХХХVII}.

Резидентура ответила: «Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей»^{СССХХХVIII}. С этого момента Кур стал лишь контактным лицом, передававшим собранный Леманом материал берлинскому резиденту разведки НКВД Б.М. Гордону.

В 1934 г. в целях обеспечения безопасности «А/201», рассматриваемого советской разведкой в качестве важнейшего источника, руководство Иностранного отдела НКВД (ИНО) приказало прекратить его связь с Москвой через «А/70». Начальник ИНО А.Х. Артузов назначил «оператором» Лемана офицера НКВД В.М. Зарубина, получившего свой первый разведывательный опыт на Дальнем Востоке и в дальнейшем под маской чешского инженера создавшего разведывательную сеть ИНО в Швейцарии, Франции и Италии. Зарубин, свободно говоривший по-английски, по-французски и по-чешски, был человеком в высшей степени интеллигентным и способным интегрироваться в любое общество. После того, как в 1934 г. Зарубин со своей женой Елизаветой, которая говорила по-немецки, был переведен в Берлин в качестве нелегального (работавшего без дипломатического прикрытия) резидента НКВД, супруги Зарубины сразу же установили прямую связь с Леманом. В целях усиления конспирации Леману было дано новое условное имя: источник «А/201» превратился в агента «Брайтенбах». Советская сторона ежемесячно выплачивала ему материальное вознаграждение в 580 рейхсмарок. Тем самым за относительно небольшие деньги разведка НКВД в Германии получила доступ к секретнейшей информации, о которой ранее она могла лишь мечтать^{СССХХХIX}.

Но не следует считать, что Леман работал только за деньги. Советский разведчик Б.Н. Журавлев, лично знавший Лемана, утверждал, что «Брайтенбах» сотрудничал с СССР из-за антифашистских убеждений. «Я и сегодня ни минуты не сомневаюсь, что “Брайтенбах” работал исключительно на идейной основе. Хотя и кадровый полицейский, он был антинацистом. Возможно, даже именно поэтому. Тем более что, очутившись в гестапо, видел изнутри, насколько преступен гитлеровский режим, какие несчастья он несет немецкому народу», - сказал Журавлев в интервью Т.К. Гладкову. «Да, я иногда передавал ему деньги, поверьте, то были очень скромные суммы, на которые не разгуляешься. Их надо считать не платой за информацию, а лишь своеобразным пособием для приличного существования. К слову сказать, он куда больше радовался продовольственным карточкам, которыми я его снабжал... Когда вы встречаетесь с человеком, разговариваете с ним, и не только о делах, вы начинаете ощущать, чем он дышит... Я никогда не забуду отчаяния в его глазах при нашей последней встрече за три дня до начала войны. Это были страдающие глаза моего собрата и соратника по борьбе с нацизмом, а не глаза платного информатора. Я и обратился к нему не по псевдониму, а “теноссе” – товарищ», - вспоминал Журавлев^{cccxi}.

Об антинацистских взглядах Лемана свидетельствует такое его высказывание: когда в мае 1941 г. «заместитель фюрера по партии и его полномочный представитель» Р. Гесс перелетел в Англию и был в Германии официально объявлен сумасшедшим, Леман сказал: «Ну вот, теперь ясно, кто стоит у власти. Все над нами смеются»^{cccxi}.

Однако сотрудничество Лемана с Москвой началось еще до прихода нацистов к власти, во времена демократической Веймарской республики. Особенной удачей для советской разведки было то обстоятельство, что с весны 1930 г. Леман в Управлении полиции Берлина отвечал за контрразведывательное обеспечение полпредства СССР. Таким образом, через Лемана НКВД получил доступ к многочисленным ценным документам. Агент «Брайтенбах» поставлял Зарубину такие секретные материалы, как: «Вопросы русского шпионажа», «Разведшкола в Минске», «КПГ и государственная измена», «Советское посольство в Германии». Зарубин сразу же передавал полученные от Лемана сведения в Москву^{cccxlii}.

Начиная с 1932 г. наряду с текущими данными берлинской полиции по контрразведке советская внешняя разведка стала получать от «Брайтенбаха» многочисленные сведения о польских шпионских организациях: в этом году Леман был назначен руководителем польского направления контрразведки. В ноябре 1932 г. «Брайтенбаху» удалось передать советским «кураторам» весь комплект польских дел, которыми располагала германская контрразведка.

Когда в апреле 1933 г. была создана тайная государственная полиция, отдел контрразведки вошел в эту структуру. Леман, получивший чин криминал-секретаря, возглавил в гестапо группу «Борьбы с коммунистическим шпионажем». В марте 1933 г. Леман посетил берлинскую тюрьму Моабит, где содержался вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман и сообщил советской стороне об условиях его содержания^{cccxliv}. «Брайтенбах» также передал советской разведке список лиц, подлежащих аресту гестапо или высылке, что помогло спасти некоторых из них.

В своем отделе «Брайтенбаху» удалось похитить компрометирующий Москву материал о разведывательных операциях СССР в Германии и их поддержке немецкими коммунистическими группами^{cccxliv}. Провалом мероприятий

абвера и гестапо, направленных против советской разведки в «третьем рейхе», НКВД было обязано Леману.

Даже с помощью перевербованных агентов Коминтерна германским контрразведчикам не удалось достичь заметных результатов в борьбе с советским шпионажем. Среди арестованных в Германии с 1930 по 1941 гг. советских разведчиков были почти исключительно агенты Коминтерна. Ликвидация этой густой, но мало эффективной разведывательной сети не привела гестапо и абвер к победе над советской разведкой: сеть Коминтерна в основном служила лишь для поддержки и прикрытия более ценной агентуры - ИНО и Разведупра Красной Армии^{cccxlv}.

На основе информации «Брайтенбаха» в 1934 г. удалось, например, предотвратить готовившийся гестапо арест нелегала ИНО Арнольда Дойча (псевдоним Стефан Ланг). Дойч, который благодаря «Брайтенбаху» остался нераскрытым и выехал в Великобританию, создал там одну из самых успешных советских разведгрупп - «кембриджскую пятерку», куда входили Ким Филби, Энтони Блант, Гай Берджесс, Джон Кернкросс и Дональд Маклин^{cccxlvi}.

Среди переданных Леманом советской разведке материалов были многочисленные документы о структуре и характере работы гестапо и абвера, а также обширные досье на руководителей этих шпионских организаций. Ценнейшие данные содержали добытые «Брайтенбахом» шифротелеграммы: советским специалистам по дешифровке удалось взломать германские секретные коды и прочитать их.

В гестапо Леман был вне подозрений: 20 апреля 1934 г., в день рождения Гитлера, он был принят в СС и даже вступил добровольцем в 44-й берлинский штурмовой отряд СС. Летом 1934 г. «Брайтенбах» сообщил НКВД подробности «путча Рема». На основе этой информации нарком внутренних дел Г.Г. Ягода разработал для Сталина подробный доклад о «ночи длинных ножей»^{cccxlvii}. 30 июня 1934 г. в канун «ночи длинных ножей» министр внутренних дел и глава полиции Пруссии Г.Геринг пригласил Лемана среди других полицейских чинов на открытие своей загородной виллы, откуда Геринг и руководил действиями эсесовцев в Берлине^{cccxlviiii}.

В 1934 г. Леман был переведен в отдел «III-F» управления гестапо Берлина. Под руководством Гюнтера Патшовского Леман в ранге окружного криминал-секретаря отвечал за обеспечение защиты военных предприятий от иностранного шпионажа. Таким образом, в распоряжение советской разведки попали обширные материалы по германской военной промышленности.

1935 г. «Брайтенбах» в силу своего служебного положения получил доступ к информации о сверхсекретной германской программе ракетостроения, которой руководил Вернер фон Браун. В конце 1935 г. Леман принимал участие в испытаниях 1,5-тонного жидкостного двигателя для ракеты «А-3» на полигоне Куммерсдорф в 40 км юго-западнее Берлина. В докладе объемом в шесть страниц Леман, в частности, писал: «В лесу, в отдаленном месте стрельбища, устроены постоянные стенды для испытания ракет, действующих при помощи жидкости. От этих новшеств имеется немало жертв. На днях погибли трое»^{cccxlivx}. Доклад «Брайтенбаха» об этом испытании Зарубин немедленно передал в Москву начальнику ИНО А.А. Слуцкому.

17 декабря 1935 г. доклад Лемана был направлен генсеку И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову, а 26 января 1936 г. – замнаркома обороны М.Н.

Тухачевскому. Начальник Разведупра Красной Армии С.П. Урицкий, которому эти сведения были посланы строго для личного ознакомления, возвращая документ, приложил к нему вопросник на 3 листах. В пункте первом вопросника говорилось: «Ракеты и реактивные снаряды, а) Где работает инженер Браун? Над чем он работает? Нет ли возможностей проникнуть к нему в лабораторию? б) Нет ли возможностей связаться с другими работниками в этой области?»^{cccli}.

На эти вопросы «Брайтенбах» дал ответы. В мае 1936 г. он сообщил дислокацию пяти секретных полигонов для испытания новых видов оружия, в том числе особо охраняемого в лагере Дебериц близ Берлина. В июне 1936 г. от «Брайтенбаха» поступило подробное описание системы мощных укреплений, сооружаемой вдоль польско-германской границы и включавшей обширную зону затопления^{cccli}.

В том же году руководству СССР были направлены новые сообщения «Брайтенбаха», который докладывал о создании фирмой «Хорх» бронетранспортера; о новом цельнометаллическом бомбардировщике фирмы «Хейнкель»; о новом цельнометаллическом истребителе; о специальной броне, предохраняющей самолет от пуль и осколков снарядов; об огнеметном танке, о зажигательной жидкости. Леман также информировал советскую разведку о том, что на 18 судоверфях Германии начато строительство подводных лодок, предназначенных для операций на Балтике и на Северном море^{ccclii}.

Даже когда 1 января 1936 г. новым начальником административно-правового управления СД стал Вернер Бест^{cccliii}, Леман, который перешел в отдел «III-D» - «Контрразведывательные операции и прочие вопросы контрразведывательного характера в отношении противника: Советский Союз», возглавляемый криминальным комиссаром Артуром Феннером^{cccliv}, продолжал свою разведывательную работу в пользу НКВД.

Поток поступавшей от «Брайтенбаха» информации застопорился лишь в 1936 г., когда в гестапо поступил донос, согласно которому Леман якобы на рубеже 20-х – 30-х годов придерживался антифашистских убеждений. Было проведено служебное расследование, ознакомившись с результатами которого Мюллер вынес вердикт: прекратить дело «за недоказанностью вины». Однако через несколько недель произошел трагикомический случай. Арестованная гестапо некая фрау Дильтей заявила, что советское торгпредство имеет в гестапо своего человека и его фамилия Леман. За «дядюшкой Вилли» в одну из суббот велось наружное наблюдение, о чем ему доверительно сообщил сослуживец - участник операции. Как рассказал впоследствии Леману Феннер, Дильтей сожительствовала с сотрудником гестапо - однофамильцем Лемана. Но тот изменил своей любовнице, которая из чувства мести и сделала ложный донос в полицию^{ccclv}. Подозрения с «дядюшки Вилли» были сняты.

В центральном аппарате гестапо работали, по меньшей мере, семь человек с фамилией Леман, из них трое - по имени Вилли. Один из них был в 1941 г. начальником группы отдела «IV-A» в ранге оберштурмбанфюрера СС (подполковника), другой в звании гауптштурмфюрера СС (капитана) служил в отделе «IV-B2». С последним в исторической литературе часто путают Вилли Лемана - «Брайтенбаха»^{ccclvi}, который имел лишь эсесовский чин унтерштурмфюрера, что соответствует общевойсковому званию лейтенанта^{ccclvii}.

Чтобы окончательно рассеять все подозрения, «дядюшка Вилли» 1 мая 1937 г. вступил в НСДАП, получив членский номер 5 920 162^{ccclviii}.

После этого «Брайтенбах» продолжил свою разведывательную работу в пользу СССР. Особую ценность для Москвы имели секретные материалы о новых вооружениях вермахта: танках, боевых самолетах, подводных лодках и даже о химическом оружии.

Леман сообщил об особых мерах режима секретности, введенных гестапо для охраны государственной тайны в области разработки и производства новых видов вооружений. Однако эти меры не помешали ему продолжать добывать секретную информацию о военном потенциале Германии. От Лемана советская разведка узнала, что в Наундорфе (Силезия) на заводе фирмы «Браваг» под личным наблюдением Геринга проводятся секретные опыты по изготовлению бензина из бурого угля. Эта информация указывала на то, что, готовясь к войне, Германия искала заменитель нефти, которой ей остро не хватало. В ноябре 1936 г. Леман сообщил о каналах переброски немецкого вооружения в Испанию для Франко. В феврале 1937 г. он передал информацию о строительстве нового секретного завода по производству боевых отравляющих веществ^{ccclix}.

Эти и другие сообщения «Брайтенбаха» о германских вооруженных силах, их структуре, личном составе, оснащении и вооружении разведка НКВД получала с начала 1935 г. в рамках операции «Шлем». Леман снял копию с секретной инструкции, в которой перечислялись 14 видов новейшего вооружения, разрабатываемого для вермахта^{cccclx}. В 1937 г. Леман даже передал Зарубину экземпляр доклада «Об организации национальной обороны Германии», имевшего гриф «Особой важности, только для высшего руководства»^{cccclxi}.

Сталинские «чистки» негативно сказались на деятельности Лемана. Зарубин, единственный кадровый советский разведчик в Берлине, который лично знал «Брайтенбаха», был в начале 1937 г. отозван в Москву, где был обвинен в сотрудничестве с гестапо и едва избежал расстрела. В итоге Зарубин был разжалован и назначен на незначительную должность в центральном аппарате разведки. Связь с Леманом теперь поддерживала «Клеменс». Под этим псевдонимом скрывалась некая американка, имя которой до сих пор не известно историкам. По профессии она была фотограф. В ее квартире производилась пересъемка разведывательного материала, добытого Леманом. Затем пленку забирал шеф легальной резидентуры НКВД в Германии Александр Агаянц, который и переправлял ее в Москву. Но, так как ни «Клеменс», ни Агаянц не владели немецким языком в той мере, которая была необходима для квалифицированной постановки перед Леманом разведывательных задач, качество поставляемой «Брайтенбахом» информации заметно снизилось.

После того, как в декабре 1938 г. Агаянц скоропостижно скончался в берлинской клинике Шарите во время хирургической операции, контакт советских спецслужб с «Брайтенбахом» полностью прекратился. Леман, крайне обеспокоенный создавшейся ситуацией, писал: «Как раз когда я мог бы заключать хорошие сделки, тамошняя фирма совершенно непонятным для меня образом перестала интересоваться деловой связью со мной»^{cccclxii}. К этому времени материалы «Брайтенбаха» и переданные им советской разведке секретные документы составляли, по меньшей мере, 14 томов^{cccclxiii}.

Советской внешней разведке, серьезно ослабленной сталинскими репрессиями (из 450 сотрудников ИНО, включая и заграничный аппарат, в 1937-1938 гг. были репрессированы 275)^{cccclxiv}, в 1939 г. не удалось восстановить связь с «Брайтенбахом». В конце июня 1940 г. Леман был вынужден совершить крайне

рискованный шаг. Он опустил в почтовый ящик советского полпредства в Берлине адресованное военному атташе письмо, в котором просил возобновить с ним контакт. «В ином случае продолжение моей работы в гестапо становится бессмысленным», - писал он^{ccclxv}.

Таким образом, Леман восстановил разорванную связь, «прекрасно сознавая, что в случае разоблачения ему грозит не увольнение со службы, не тюрьма, а мучительные пытки в подвалах своего ведомства и неминуемая казнь. Такой судьбой никого ни за какие деньги не соблазнишь. К тому же Леман был человеком в годах, без юношеской экзальтации и романтизма, он все прекрасно понимал и шел на смертельный риск совершенно осознанно»^{ccclxvi}.

НКВД незамедлительно направил в Берлин опытного разведчика Александра Короткова, действовавшего под именем 3-го секретаря советского посольства Александра Эрдберга. Коротков не только восстановил с прерванный контакт с Леманом, но и стал «оператором» берлинской группы «Красной капеллы», возглавляемой Харро Шульце-Бойзенем (условное имя «Старшина») и Арвидом Харнаком («Корсиканец»).

9 сентября 1940 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия лично направил Короткову указания о направлениях работы с Леманом: «Никаких специальных заданий Брайтенбаху давать не следует, а нужно брать пока все, что находится в непосредственных его возможностях и, кроме того, то, что будет знать о работе разных разведок против СССР, в виде документов, не подлежащих возврату, и личных докладов источника»^{ccclxvii}.

Сначала «Брайтенбах» поставлял материал о созданном в 1939 г. РСХА. Как сотрудник регистратуры отдела «IV-E1», занимавшегося общими вопросами контрразведки, Леман обеспечивал советские спецслужбы внутренней информацией, исходившей из аппарата органов безопасности рейха. Например, 10 июня 1941 г. на стол Берии лег добытый Леманом доклад «О советской подрывной деятельности против Германии», который несколькими днями ранее шеф СД Гейдрих представил Гитлеру. Из этого документа следовало, что германская контрразведка не имела подробного представления о советских разведывательных операциях в рейхе^{ccclxviii}.

То, что германская контрразведка на самом деле мало знала о деятельности советской разведки, свидетельствовал тот факт, что «дядюшка Вилли» не только оставался вне подозрений, но и был на хорошем счету у начальства. Когда четверем офицерам РСХА, которые были признаны лучшими сотрудниками этого учреждения, были вручены портреты фюрера с его автографом и почетные грамоты, среди награжденных был Вилли Леман^{ccclxix}.

Леман регулярно снабжал Короткова, а с начала 1941 г. своего нового «оператора» Журавлева, материалами о предстоящем нападении Германии на СССР. Аналогичные сообщения поступали в Москву и из других источников, в частности от «Красной капеллы»^{ccclxx}. 15 марта 1941 г. берлинской резидентуре НКГБ было поручено проверить через «Брайтенбаха» информацию «Корсиканца» о подготовке германского нападения на СССР^{ccclxxi}. Информация подтвердилась. «Брайтенбах» передал, что в абвере в срочном порядке укрепляют подразделение для работы против России, а в госаппарате проводятся мобилизационные мероприятия. Но Москва придавала мало значения этим сообщениям.

В конце концов, 19 июня 1941 г. «Брайтенбах» вопреки всем правилам конспирации позвонил по телефону прямо в советское полпредство и потребовал

немедленной встречи с Журавлевым. Вечером 19 июня на окраине Берлина состоялась встреча Журавлева Леманом, ставшая последней. Леман сообщил, что германское нападение на СССР начнется 22 июня 1941 г. в 3 часа утра^{ccclxxii}. В тот же вечер эта важнейшая информация телеграфом через полпреда В.Г. Деканозова, что обеспечивало ее срочное прохождение, была передана в Москву^{ccclxxiii}.

Но предупреждение «Брайтенбаха», как и другие аналогичные сигналы, не произвело впечатления на Сталина, считавшего, что летом 1941 г. Германия на СССР не нападет, а информация о подготовке этого нападения является возможной провокацией^{ccclxxiv}.

За два дня до получения предупреждения «Брайтенбаха» Сталин оправил в архив информацию «Старшины» о предстоящем в ближайшие дни германском нападении на СССР, снабдив ее рукописной пометой: «Т. Меркулову^{ccclxxv}. Можете послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к е... матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.»^{ccclxxvi}

На следующий день Сталин вызвал к себе Меркулова и начальника внешней разведки П.М. Фитина: «Вот что, начальник разведки. Нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно? Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне»^{ccclxxvii}.

Утром 22 июня 1941 г. войска охранного батальона СС оцепили здание советского полпредства на улице Унтер-ден-Линден в Берлине. Контакты советской разведки с «Брайтенбахом» прекратилась окончательно. Все попытки восстановить с ним связь потерпели неудачу и, в конце концов, привели аресту Лемана^{ccclxxviii}.

В ночь с 4 на 5 августа 1942 г. под Брянском в районе действий партизан с борта советского дальнего бомбардировщика совершили прыжки с парашютами немецкие антифашисты – бывшие солдаты вермахта, перешедшие на сторону Красной Армии, «Франц» (Альберт Хёсслер) и «Бек» (Роберт Барт)^{ccclxxix}, оснащенные радиопередатчиками дальнего радиуса действия, батареями, шифровальными блокнотами. Они должны были под видом немецких солдат-отпускников через Белоруссию и Польшу проникнуть в Германию и выполнить ответственное спецзадание^{ccclxxx}. Барт направлялся на связь с «Брайтенбахом»; план-задание для «Бека» было утверждено лично Берией^{ccclxxxi}.

В десятых числах августа 1942 г. Барт и Хёсслер благополучно прибыли в Берлин. Но вскоре последовал провал: они были выслежены гестапо. Тайная полиция брала на учет всех пропавших без вести солдат и дезертиров, контролировала места их возможного появления в Германии. К тому же, «немцы уже держали под наблюдением группу, на связь с которой они были посланы»^{ccclxxxii}. Группой, на связь с которой направлялся Хёсслер, была «Красная капелла». В конце сентября 1942 г. Хёсслер был арестован.

9 октября 1942 г., после того, как он передал в Москву три радиogramмы подряд, в руки гестапо попал Барт. Он был арестован у постели больной жены, предусмотрительно помещенной в частную клинику, сотрудники которой были осведомителями гестапо^{ccclxxxiii}.

Если Хёсслер отверг любое сотрудничество с германской контрразведкой, то Барта ей удалось «перевербовать». Эксперт РСХА Томас Амплетцер использовал Барта в радиоиграх против Москвы. Однако Барт 14 октября 1942 г. передал в Центр условный знак, означавший, что он работает под контролем противника. Согласно российской версии, «Центр по техническим причинам не смог его

принять, и работа с агентом велась так, как если бы «Бек» находится на свободе»^{ccclxxxiv}.

В конце октября 1942 г. руководство советской внешней разведки обратилось в центр радиосвязи за разъяснениями. Радиоцентр ответил, что «радиосвязь с корреспондентом 4-24 («Бек») проходила чрезвычайно напряженно по причине слабой его слышимости и плохой работе на ключе, вследствие чего прием каждой группы цифр радиограммы производился по несколько раз. Установить точно, давал ли корреспондент повторения групп в смысле его работы под диктовку или же по причине плохого радиоприема невозможно»^{ccclxxxv}.

Анализ этого случая, проведенный в начале 1943 г., показал, что Барт 14 октября 1942 г. «работал в эфире неуверенно, не объявлял группы зашифрованного текста при их повторении и давал другие группы знаков. Можно предположить, что он таким образом предупреждал Центр, как было условлено, о том, что работал на рации под контролем германской контрразведки»^{ccclxxxvi}. Однако сотрудники радиоцентра не обратили внимания на сигнал Барта. На запрос внешней разведки они дали ответ, что, по их мнению, сигнал тревоги, поданный корреспондентом, «неудачен», особенно в виду слабой его слышимости. Вместе с тем «неизвестно, предупредила ли внешняя разведка радиоцентр о том, чтобы он фиксировал случаи поступления радиограмм с какими-либо отклонениями от принятых параметров»^{ccclxxxvii}.

В итоге оплошность и бюрократическая неразбериха в Центре стоила жизни и Леману и Барту. Центр, полагая, что операция идет по плану, 4 декабря 1942 г. радировал «Беку» пароль для встречи с «Брайтенбахом», а также его адрес и номер телефона.

11 декабря 1942 г. в Москве получили радиограмму «Бека» о том, что он якобы разговаривал с «Брайтенбахом» по телефону, обменялся с ним паролями, но на следующий день тот на встречу не явился. При повторном звонке к телефону подошла жена, сказавшая, что мужа нет дома^{ccclxxxviii}.

После окончания войны «Бек» был арестован англичанами, передан Советскому Союзу и доставлен в Москву. В ноябре 1945 г. Особое совещание приговорило его к расстрелу^{ccclxxxix}. В справке для Особого совещания из его личного дела сказано, что он «по заданию гестапо с 14.10.42 г. по 12.04.44 г. поддерживал связь с Москвой по радио, передавая сообщения под диктовку сотрудников гестапо, в результате чего в декабре 1942 года был арестован и расстрелян агент органов НКГБ 201-й, т.е. "Брайтенбах"»^{ccccx}.

Утром 11 декабря 1942 г. квартирный телефон Лемана № 44-36-42 зазвонил. Леман снял трубку. Неизвестный ему голос на другом конце провода назвал пароль и назначил встречу. Когда через несколько минут Леман вышел из своей квартиры по Аллее Пренцлауэр 137, он был арестован^{ccccxi}. После допросов, которыми руководил лично шеф гестапо Мюллер, «Брайтенбах» в конце декабря 1942 г. был расстрелян.

В октябре 1969 г. Президиум Верховного Совета СССР за вклад в борьбу против фашизма наградил военными орденами группу участников немецкого Сопротивления^{ccccxii}. На состоявшейся в декабре 1969 г. в столице ГДР церемонии вручения «высоких советских боевых наград родственникам погибших в гитлеровских застенках героев-антифашистов» присутствовала и вдова Лемана. «Имена благородных и храбрых борцов немецкого антифашистского Сопротивления навечно останутся в памяти не только немецкого народа, но и

народов Советского Союза и всего свободолюбивого человечества», - торжественно произнес советский посол в ГДР П.А. Абрахимов^{ссххii}.

Но советского боевого ордена Вилли Леман не удостоился. Марте Леман был вручен ценный подарок - золотые часы с надписью: «На память от советских друзей»^{ссххciv}. До 1969 г. Марта Леман ничего не знала о том, что ее муж был советским ссххcv
разведчиком.

^{ссххii} Царев О.А. А был ли Штирлиц? – Комсомольская правда, 1.XII.1994; Лазарев А. Штирлиц был состоятельным бюргером. – Комсомольская правда, 3.VI.1997; Любарский Г. Кто был «Штирлицем»? – Вестник, 1999, №7; Шарапов Э.П. Тайна Штирлица. – Мир новостей, 6.I.2003; Соколов Б.В. Кем был Штирлиц? - Разведка. Тайны Второй мировой войны. М., 2003, С.68-81; Дегтярев К. Штирлиц без грима. Семнадцать мгновений вранья. М., 2006; Кубеев М. Неизвестный Штирлиц. – Нефть и жизнь, 2006, №4, С.47.

^{ссххiii} Kogon E. Der SS-Staat. München, 1985, S.22.

^{ссххiv} Hagen L., Deutsch A. The Schellenberg Memoirs. London, 1956; The labyrinth: Memoirs of Walter Schellenberg, Hitler's Chief of Counterintelligence New York, 1956. На русском языке эти книги были изданы лишь в 1991 г.: Шелленберг В. Мемуары. М., 1991; его же. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

^{ссххv} Когда в 1973 г. фильм «Семнадцать мгновений весны» был показан в ГДР, берлинцы старшего поколения не могли не обратить внимание на тот факт, что действие фильма, разворачивающееся в Берлине с 12 февраля по 18 марта 1945 г., не могло происходить в доме №8 по улице Принца Альбрехта: это здание было разбомблено 3 февраля 1945 г. во время налета авиации 8-го американского воздушного флота на Берлин. – Topographie des Terrors. Gestapo, SS und Reichssicherheitshauptamt auf dem „Prinz-Albrecht-Gelände“. Eine Dokumentation. Berlin, 2002, S.178-182.

^{ссххvi} В музее ФСБ России есть упоминание агента под условным именем «Валь», который, возможно, также работал в РСХА.

^{ссххvii} Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996, С.166.

^{ссххviii} Звание соответствует армейскому генерал-лейтенанту.

^{ссххix} После создания 27 сентября 1939 г. РСХА, включавшего, кроме гестапо, службу безопасности СД, уголовную полицию, внешнеполитическую разведку и контрразведку и другие управления, центральный аппарат гестапо состоял из 5 отделов и насчитывал примерно 1500 сотрудников. Отдел «IV-A» - борьба с политическими противниками нацизма и другими оппозиционерами; «IV-B» - надзор за деятельностью религиозных организаций: католиков, протестантов, иудеев, масонов, сектантов, а также оппозиционными проявлениями молодежи; «IV-C» - регистратура, картотека, досье, архив, а также контроль за прессой, слежка и превентивные аресты; «IV-D» - борьба с движением Сопротивления на оккупированных территориях, контроль за национальными меньшинствами, вопросы, связанные с эксплуатацией иностранных рабочих в Германии; «IV-E» - контрразведка и борьба со шпионажем. В 1943 г. был создан отдел «IV-F», включавший пограничную полицию и бюро паспортов. В 1945 г. законом №2 Союзного Контрольного Совета в Германии гестапо объявлено вне закона. В 1946 г. Нюрнбергский трибунал признал гестапо преступной организацией. – Zipfel F. Gestapo und Sicherheitsdienst. Berlin, 1960; Aronson S. Reinherd Heydrich und die Frühgeschichte von Gestapo und SD. Stuttgart, 1971; Graf Ch. Politische Polizei zwischen Demokratie und Diktatur. Die Entwicklung der preußischen politischen Polizei vom Staatsschutzkorps der Weimarer Republik zur Geheimen Staatspolizei des Dritten Reiches. Berlin, 1983; Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993.

^{ссххx} Звание «рейхсфюрер СС» соответствует генерал-фельдмаршалу. - Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. – Новая и новейшая история, 1991, №1.

^{ссххxi} Befehlsblatt des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD, Ausgabe A, 29. Januar 1943.

^{ссххxii} Шелленберг В. Мемуары, с.118.

^{ссххxiii} Очерки истории российской внешней разведки, т. 3: 1933-1941, М., 1997, с.348; Шелленберг В. Указ. соч., с.118.

^{ссххxiv} Шелленберг В. Указ. соч., С.117.

^{ссххxv} Лемана в 1929 г. завербовали берлинский резидент ИНО ОГПУ Б.Д. Берман и его помощник М.И. Вайнштейн. – Шнейнберг М. Юстаса подвела безответственность Алекса. Прототип Штирлица слишком доверял Центру. – Независимое военное обозрение, 18.VII.2003.

^{ссххxvi} Шелленберг В. Указ. соч., С.117.

^{ссххxvii} По версии П.А.Судоплатова, Леман сотрудничал с советской разведкой с 1935 г. - Судоплатов П.А. Указ. соч., С.116.

^{ссххxviii} Шелленберг В. Указ. соч., С.118.

^{ссххxix} Там же.

^{ссххxx} До сих пор лишь некоторые бывшие сотрудники Службы внешней разведки России (СВР) имели прямой доступ к оригинальным материалам, добытым Леманом для советской разведки и хранящимися

ныне в архиве СВР. См.: Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы». – Новая и новейшая история, 1996, №3; его же. «Красная капелла»: советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000, с. 71-73; Очерки истории российской внешней разведки, т. 3; Очерки истории российской внешней разведки, т.4: 1941-1945 гг., М., 1999.

сссxxxix Bundesarchiv Berlin (далее – BA-Berlin): R58/252; R58/864; R58/3529; R58/3533; R58/4213; ZR 590/3; Karteikarte der Personensuchdatei des Bundesarchives; Berlin Document Center. Parteistatischer Erhebungsbogen von Willy Lehmann, 1.7.1939.

сссxxxix Старшина корабельной артиллерии.

сссxxxix Писатель и историк разведки Т.К. Гладков полагает, что «то, что Леман был свидетелем Цусимского сражения, сыграло ту роль, что он заинтересовался Россией. Он стал таким, ну, нельзя сказать, что патриотом, но, во всяком случае, человеком, глубоко симпатизирующим России». - Из телеинтервью Т.К. Гладкова.

сссxxxix BA-Berlin, Karteikarte der Personensuchdatei des Bundesarchives; Roewer H., Schäfer S., Uhl M. Lexikon der Geheimdienste im 20. Jahrhundert. München, 2003, S. 265.

сссxxxix Дегтярев К. Указ. соч., с.92.

сссxxxix Мотов В. Агент А/201 «Брайтенбах». – Труды общества изучения истории отечественных спецслужб, т. II, М., 2006, С. 298.

сссxxxix Шифротелеграмма начальника ИНО ОГПУ М.А. Трилиссера руководителю легальной резидентуры в Берлине Б.Д. Берману, 7 сентября 1929. Документ находится в архиве СВР в Москве. Это самый ранний источник, свидетельствующий о разведывательной деятельности Лемана в пользу СССР. Цит. по: Пещерский В.Л. Штирлиц служил под началом... Мюллера. – Военно-исторический журнал, 1996, № 6, С.25; см. также: Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, С. 340-341.

сссxxxix Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, С. 341.

сссxxxix Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, с. 342; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. М., 2001, с. 453; Прохоров Д.П. Разведка от Сталина до Путина. С.-Петербург, 2004, С. 38.

сссxl Цит. по: Гладков Т.К. Коротков. М., 2005, С.164-165.

сссxli Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, С. 347.

сссxlii Ставинский Э. Наш человек в гестапо. Кто вы, господин Штирлиц. М., 2002, С. 49.

сссxlii См.: Рыкин В.С., Хавкин Б.Л. Письма Эрнста Тельмана Сталину и Молотову 1939-1941 гг. – Новая и новейшая история, 1996, №6.

сссxliv BA-Berlin, R58/864, Namensverzeichnis der bei der Gestapo beschäftigten männlichen Personen, 25.6.1935, S. 15; Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля: Волленберг, Артузов и другие. М., 2001, С. 35.

сссxlv Очерки истории российской внешней разведки, т.4, С. 209.

сссxlv Пронин А. Агент А-201. - Родина, 2000, № 12, с. 58; Roewer H. Skrupellos: Die Machenschaften der Geheimdienste in Deutschland und Russland 1914-1941. Leipzig, 2004, S. 425.

сссxlvii Известна реакция Сталина на этот доклад: «Молодец этот Гитлер! Вот как следует поступать с политическими врагами!» - Гладков Т.К. Указ. соч., С.170.

сссxlviii Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, С. 342.

сссxlix Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М., 2002, С.229.

сссcl Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, с. 344; Uhl M. Stalins V-2. Der Transfer der deutschen Raketentechnik in die UdSSR und der Aufbau der sowjetischen Raketentechnik 1945-1959. Bonn, 2001, S. 32.

сссcli Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, с. 344.

сссclii Там же.

сссcliii Topographie des Terrors, S.74.

сссcliv BA-Berlin, R58/252, Bl. 13. Stellenverteilungsplan des Geheimen Staatspolizeiamts, 1.I.1938.

сссclv Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, С. 345.

сссclvi Шнейнберг М. Указ. соч.; Пронин А. Как Москва «Штирлица» провалила. – АиФ Долгожитель, 10.X.2003; Соколов Б.В. Указ. соч., с.73; Гладков Т.К. Указ. соч., С.163.

сссclvii BA-Berlin, ZR 590/3, Bl. 17a, Angehörige der Geheimen Staatspolizei, Staatspolizeileitstelle Berlin, o.Datum; там же, R58/4213, Dienstaltersliste SS, 1.XII.1938.

сссclviii BA-Berlin, Berlin Document Center. Parteistatischer Erhebungsbogen von Willy Lehmann, 1.7.1939; Ставинский Э. Указ. соч., С. 213-216.

сссclix Очерки истории внешней разведки, т. 3, с.344-345.

сссclx Дегтярев К. Указ. соч., С.102.

сссclxi Мотов В. Указ. соч., с. 304-306; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России, С.453.

сссclxii Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке, С.231.

сссclxiii Соколов Б.В. Указ. соч., с.72; Гладков Т.К. Тайны спецслужб III рейха. М., 2004, С.176-177.

сссclxiv «К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры. В “легальных” оставалось

по 1-2 человека, причем это были, как правило, молодые и неопытные сотрудники. Почти все резиденты были отозваны и репрессированы. Из-за потерь в 1938 году в течение 127 дней подряд внешняя разведка не поставляла руководству страны никакой информации. С 1936 по 1939 год сменилось пять начальников разведки. Были репрессированы А.Х. Артузов, возглавлявший разведку с августа 1931 года по май 1935 года, С.М. Шпигельглас, З.И. Пассов. От сердечного приступа в 1938 году в своем кабинете скоропостижно скончался А.А. Слуцкий. Не знавший основ внешней разведки В.Г. Деканозов в 1938-1939 году несколько месяцев руководил ею, но с задачей не справился и был отправлен полпредом в Берлин». – Гуськов С. Но разведка доложила точно... - Красная звезда, 21.VI.2001; Безродный А. Верны ли показания Ежова? – Военно-промышленный курьер, 2006, №7.

ccclxv Мотов В. Указ. соч., С. 314. Приведенный здесь немецкий перевод информации берлинской резидентуры, направленной в Москву, содержит ошибки.

ccclxvi Из интервью Б.Н. Журавлева Т.К. Гладкову. Цит. по: Гладков Т.К. Указ. соч., С.164-165.

ccclxvii Цит. по: Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке, С.232-233.

ccclxviii ВА-Berlin, R58/3533, Bl. 97, Gliederung des Reichssicherheitshauptamtes, o. Datum; там же, R58/3529, Bl. 97, Mitarbeiterverzeichnis des RSHA-Referates IV E 1, o. Datum (1941). Мотов В. Кодовый номер А/201.- Новости разведки и контрразведки, 2003, № 21-22, С. 15.

ccclxix Шнейнберг М. Указ. соч.

ccclxx Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март – июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995, с.93, 155-156, 161-163.

ccclxxi Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle. - Coppi H., Daniel J., Tichel J. Die Rote Kapelle im Widerstand gegen Nationalsozialismus. Berlin, 1994, S.121.

ccclxxii Лебедев А. Из последних сил. - Известия, 22.VI.2001; Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002, С. 283.

ccclxxiii Очерки истории российской внешней разведки, т. 3, С.348.

ccclxxiv Пещерский В.Л. «Красная капелла»: советская разведка против абвера и гестапо, с. 71-73; Murphy D. What Stalin knew: The Enigma of Barbarossa, New Haven-London, 2005, p. 208.

ccclxxv В.Н. Меркулов – нарком госбезопасности (НКГБ).

ccclxxvi Рукописная резолюция И.В. Сталина на записке наркома госбезопасности СССР В.М. Меркулова от 17.VI.1941. - Кириллов И., Мурин Ю., Николаев Г., Сигачев Ю., Степанов А. Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны (1940 - 1941 г.). О подготовке Германии к нападению на СССР. О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР. - Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с.220; Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы», с.175; Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle, S. 136.

ccclxxvii Байдаков А. По данным разведки. – Правда, 8.V.1989.

ccclxxviii Пещерский В.Л. «Красная капелла»: советская разведка против абвера и гестапо, с. 71-73; Lukacs J. June 1941: Hitler and Stalin, New York-London, 2006, S. 75-82.

ccclxxix Роберт Барт, 1910 г. рождения, берлинец, происходил из рабочей семьи, по профессии печатник. С 1929 г. состоял в КПГ, подвергался гонениям. В 1939 г. призван в вермахт, 2 марта 1942 г. сдался в плен под Харьковом. - Griebel R., Coburger M., Scheell H. Erfasst? Das Gestapo-Album zur Roten Kapelle. Rendsburg, 1992, S.208-209.

ccclxxx Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки, кн.1, М., 2000, С. 346-350.

ccclxxxi Очерки истории российской внешней разведки, т.4, С.135.

ccclxxxii Там же, с.136; Судоплатов П.А. Указ. соч., С.116.

ccclxxxiii Griebel R., Coburger M., Scheell H. Op. cit., S.208-209; Очерки истории российской внешней разведки, т.4, С.136.

ccclxxxiv Очерки истории российской внешней разведки, т.3, С.348.

ccclxxxv Архив СВР, обзор, спецномер 298, с.29. Цит. по: Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы». – Новая и новейшая история, 1996, № 3, С. 179.

ccclxxxvi Очерки истории российской внешней разведки, т.4, С.136.

ccclxxxvii Там же.

ccclxxxviii Там же, т.3, С.348.

ccclxxxix Архив СВР, обзор, спецномер 298, с.74. Цит. по: Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы». – Новая и новейшая история, 1996, № 3, С. 179.

ccxc Очерки истории российской внешней разведки, т.3, С.348-349.

ccxcii Там же, т.4, с. 134-136; Sudholt G. Das Geheimnis der Roten Kapelle. Leoni, 1978, S. 136.

ccxciii Правда, 7.X.1969.

ccxciiii Neues Deutschland, 28.XII.1969.

ccxcv Пронин А. Штирлица провалила Москва. - Труд, 16.III.1999.

ccxcvi

РАЗДЕЛ IV

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Т.Г. Архипова

Наркомат путей сообщения СССР в годы Великой Отечественной войны

Ведомство путей сообщения в годы войны по существу не было предметом специального исследования, хотя существует значительное число работ, посвященных железнодорожникам и железнодорожному транспорту вышедших как в советский, так и постсоветский период отечественной историографии. Располагает исследователь и мемуарной литературой. В этих работах либо затронуты, либо анализируются те или иные аспекты деятельности Наркомата, но никак не его организация, изменения в ней с началом войны и в ходе нее, штаты, формы и методы работы. Не смог восполнить этот пробел и второй том фундаментального трехтомного труда по истории железнодорожного транспорта, хотя сам по себе его выход является огромным вкладом в изучение истории железнодорожного транспорта^{СССХСХVI}. Между тем, успехи развития экономики страны в значительной степени предопределены организационным построением государственных органов, ответственных за конкретный ее участок, причем не только в условиях плановой экономики. Не случайно ОАО «РЖД» проявляет все больший интерес к историческим аспектам железнодорожного ведомства, тем более, что даже в советские годы у него был весьма положительный опыт рыночного ведения хозяйства.

Изучение истории Наркомата в значительной степени затруднено состоянием фонда его документов, хранящегося в РГАЭ. Он насчитывает более 130 тыс. единиц хранения и погрешности в его организации – следствие работы тех, кто сдавал материалы на государственное хранение. Кроме того, многое из его наследия утрачено в силу объективных обстоятельств.

К началу сороковых годов НКПС СССР был одним из самых крупных наркоматов в системе управления. В его ведении находилось огромное количество объектов управления: дороги с их инфраструктурой, машиностроительные заводы, ремонтные мастерские, строительные организации (пути, мосты, тоннели, линии метро и т.п. возводились ими), жилой фонд, вузы, техникумы и училища, больницы и поликлиники, школы и детские сады, санаторно-курортные и досуговые учреждения и др. Это не могло не сказаться на штатах Наркомата. В 1939 г. штатное расписание только центрального аппарата Наркомата насчитывало 3845 единиц^{СССХСХVII}. Их количество имело постоянную тенденцию роста.

Железнодорожный транспорт доминировал как в грузовых, так и пассажирских перевозках все годы существования СССР. Нельзя сказать, что государство уделяло ему мало внимания. Не было года, когда его работа не была предметом обсуждения партийных и государственных структур и не осуществлялось бы финансовых вливаний в эту отрасль. И все же по сравнению с дореволюционным периодом дорог строили мало, модернизационные мероприятия отставали от развития промышленного производства. Нарастание объемов перевозок стало одной из причин довольно многочисленных аварий на транспорте, что явилось непосредственным поводом для двух волн массовых репрессий, затронувших и центральный аппарат ведомства путей сообщения. Аппарат Наркомата и дорог был «вычищен» от вредителей, троцкистов, шпионов, «двурушников», «перерожденцев», «великодержавных шовинистов», «зажимщиков

критики», «шкурников», «карьеристов» и т.п. элементов. В апреле 1938 г. был снят с должности нарком А.В.Бакулин, затем арестован и расстрелян. В НКПС вернулся «железный сталинский нарком» Л.М.Каганович, который продолжил «наведение порядка» на транспорте. К.И.Филиппов – заместитель наркома, начальник нескольких железных дорог в разные годы в интервале 1937 – 1959 гг., в своих мемуарах с горечью пишет: « По сей день нет ясного представления, какие потери понес командный состав железнодорожного транспорта в предвоенные годы, и не только командного»^{cccxcviii}. Централизация в управлении железными дорогами, и до того жесткая, возросла в несколько раз, способ подбора и расстановки кадров, выработанный в 20-е гг, получил еще более широкое применение.

В предвоенные годы основное внимание было направлено на строительство новых дорог, главным образом в республиках Средней Азии и Закавказья. К 1941 г. эксплуатационная длина железнодорожной сети выросла с 70260 км в конце 1917г. до 106102 км (частично за счет вхождения в состав СССР новых территорий)^{cccxcix}.

В условиях войны необходимо было обеспечить бесперебойные и в кратчайшие сроки перевозки военных и хозяйственных грузов. И вновь основная тяжесть работы в этом деле легла на железнодорожный транспорт, хотя принижать роль других его видов ни в коем случае нельзя.

С началом войны резко возросло число подписываемых наркомом приказов и приказаний – до войны большинство распорядительных документов подписывалось руководителями центральных управлений и главков. Куда как реже, чем до войны, стала собираться коллегия. Увеличилось число командировок сотрудников Наркомата, в первую очередь за счет командировок в действующую армию и прифронтовую полосу.

Первые военные приказы наркома были связаны с организацией светомаскировки, дежурства на угрожаемых объектах, введением в действие воинского графика, с передачей в Наркомат вооружения отдельных заводов НКПС, с переводом предприятий на выпуск продукции военного назначения, с переброской паровозов с восточных дорог на западные, с восстановлением разрушенных объектов и т.п. Огромная работа легла на Наркомат и дороги, когда во исполнение постановления Совета по эвакуации от 17 июля 1941 г. потребовалось ежедневно выделять до 1000 вагонов для эвакуации членов семей рабочих и служащих и для граждан, желающих выехать из Москвы в индивидуальном порядке.^{cd}

В связи с первым налетом вражеской авиации на Москву уже 24 июля нарком подписал приказ «О работе аппарата НКПС в период воздушного нападения», в котором перечислялись все необходимые мероприятия и предписывалось организовать работу оперативного ядра управлений НКПС во время воздушного налета в командных пунктах на станциях метро Красные ворота, Курская и в подвальном помещении правого корпуса здания НКПС^{cdi}. С угрозой утраты Москвы был связан приказ «О частичной эвакуации аппарата НКПС и подведомственных ему хозяйственных организаций». Большая часть Наркомата во главе с заместителем наркома П.П.Кучеренко была эвакуирована в Куйбышев^{cdii}. В НКПС, как и в других наркоматах, была создана комиссия по эвакуации. Приказом от 1 августа 1941 г. организовывалось Управление НКПС по Московскому железнодорожному узлу с подчинением ему Окружной железной дороги, всех сортировочных станций и депо ряда дорог Московского узла^{cdiii}.

ГКО распоряжением от 2 августа 1941 г. предоставил НКПС право в необходимых случаях использовать все наличные в стране дороги (подъездные, промышленные, лесовозные и др.), за исключением дорог НКО и НКВД. Каганович объявил это приказом от 6 августа 1941г. и потребовал представить ему сведения об этих дорогах^{cdiv}. Приказами оформлялись награждения и объявлялись благодарности, поощрялись победители социалистического соревнования.

Подавляющее большинство приказов, указаний, телеграмм в годы войны оформлялись под грифом секретности и рассекречены они были не так уж давно. Однако основное их содержание излагалось в газетах в виде передовиц или статей, чаще всего на страницах ведомственной газеты «Гудок».

С созданием в армии фронтовых объединений появился институт уполномоченных Наркомата и приказом наркома от 30 июня 1941 г. член коллегии Б.П.Бещев (будущий нарком, пребывавший в этой должности дольше всех – с 1948 по 1977г)) в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Правительства был назначен уполномоченным НКПС по Северному фронту^{cdv}. Между уполномоченными и Наркоматом, по возможности, поддерживалась постоянная связь. Усилилась роль политотделов, и до войны весьма значительная, роль всевозможных контрольных органов от Генеральной прокуратуры и всемогущего НКВД – НКГБ до собственных. В НКПС, вопреки весьма распространенному мнению, что с началом войны маховик сталинских репрессий замедлил свои обороты, количество осужденных за «контрреволюционные преступления», «пораженческие настроения», «распространение ложных слухов», наоборот, с каждым месяцем войны нарастало^{cdvi}. Об этом свидетельствуют многочисленные записки на имя наркома от прокурорских органов, да и приказы самого наркома пестрят словами «объявить строгий выговор», «выговор с предупреждением», «снять с работы», «поставить на вид», «передать следственным органам». Особенное рвение в этом вопросе проявлял Л.М.Каганович.

Уже в первые дни войны Наркомат утратил часть дорог, находящихся в его ведении. Оккупация, бомбовые удары, неразбериха и паника при эвакуации не могли не сказаться отрицательно на работе транспорта. 14 февраля 1942 г. при ГКО был создан Транспортный комитет во главе со Сталиным, который вскоре стал координировать работу не только органов по руководству всеми видами транспорта, но и других органов, связанных с обеспечением перевозок грузов и пассажиров, воинского контингента, отгрузкой, приемом той или иной продукции. На первом же его заседании отмечались серьезные недостатки в работе железнодорожного транспорта, делались упреки в адрес руководства НКПС. Для проверки работы транспорта и оказания ему помощи ГКО образовал правительственную комиссию, которая выявила ряд «серьезных изъянов, сковывающих работу железных дорог». Следствием работы комиссии стал ряд постановлений ГКО и Правительства СССР и замена 25 марта 1942г. Кагановича А.В.Хрулевым, работавшим в комиссии ГКО^{cdvii}. Каганович же, попавший в опалу, которая была недолгой, был назначен заместителем председателя Транспортного комитета.

Создание Транспортного комитета трудно оценить однозначно. Безусловно, переоценить его координирующую роль всех видов транспорта трудно, в то же время создание Комитета осложнило работу НКПС. Действительно, между ним и ГКО возникло промежуточное звено, которое по существу ретранслировало решения чрезвычайного органа власти. Теперь вся переписка НКПС велась,

главным образом, с Транспортным комитетом, из него поступали оперативные указания. В сложных случаях все равно решающее слово было за ГКО.

Комитет поставил Наркомат под жесткий контроль. Только с мая 1942г. по ноябрь включительно им было принято более 220 распоряжений, иногда несколько в день. Распоряжения были краткими: один - два абзаца, с указанием сроков исполнения и формы контроля. Иногда предлагалось прислать копии указаний Наркомата во исполнение распоряжений Транспортного комитета^{cdviii}.

Еще до прихода А.В.Хрулева в Наркомате сначала произошло характерное для других наркоматов некоторое сокращение центрального аппарата, а затем начался его рост. Так, в соответствии с постановлением ГКО и приказом НКПС от 16 сентября 1941г. было создано Военно-восстановительное управление. Ему было поручено руководство всеми восстановительными организациями на железнодорожном транспорте, организациями, находившимися в непосредственном распоряжении уполномоченных НКПС по фронтам, с целью быстрой ликвидации разрушений на железных дорогах, организации восстановительных работ. Дело в том, что до его создания восстановительные работы велись по отдельным дорогам и участкам спецформированиями, дислоцировавшимися на этих дорогах. В конце 1941г., после возвращения из Наркомата лесной промышленности СССР функции управления лесным хозяйством системы НКПС, в центральном аппарате последнего в целях обеспечения железных дорог дровами и лесоматериалами посредством лесозаготовок, лесопиления, шпалопиления создается Главное управление лесной промышленности с подчинением ему лесозаводов. Задачи восстановления дорог московского железнодорожного узла потребовали усиления руководства им. В соответствии с постановлением ГКО от 3 января 1942 г. «О восстановлении железных дорог» все железнодорожные войска, а они до этого находились в ведении Наркомата обороны СССР (отдельные полки, батальоны и Особый корпус железнодорожных войск), были переданы НКПС СССР^{cdix}. Одновременно предусматривалось увеличение их численности. На НКПС возлагалось руководство всеми восстановительными и заградительными работами и в январе 1942 г. в его составе на базе вышеназванного Военно-восстановительного управления было создано Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР), а в его составе, наряду с другими структурами, - Управление железнодорожных войск со Штабом. Создание ГУВВР сразу же увеличивало штаты центрального аппарата НКПС почти на 700 единиц^{cdx}. На фронтах формировались УВВР, подчиненные ГУВВР и уполномоченным НКПС на фронтах. Они осуществляли руководство всеми восстановительными работами в пределах фронта.

Следствием критики комиссии ГКО стало упразднение 22 марта 1942г. 11 различных управлений наркомата, созданных еще до войны (по направлениям) и создание, а по существу воссоздание Центрального управления движения, на которое возлагалось и руководство обеспечением воинских перевозок. И все же зарегистрированные в Наркомате финансов в августе 1942 г штаты центрального аппарата НКПС насчитывали 4858 единиц, что значительно превышало их довоенную численность^{cdxi}. И они продолжали расти.

Перед А.В. Хрулевым была поставлена труднейшая задача – «наладить разлаженный механизм, восстановить нормальную работу железнодорожного транспорта в условиях военного времени»^{cdxii}. Наркомом он был недолго, менее

года, уйдя с этой должности по собственному желанию, но, по мнению ряда авторов, многое успел сделать. Человек военный, он сумел значительно улучшить работу Наркомата и железнодорожного транспорта. Он организовал инвентаризацию подвижного состава и запретил использование мощных паровозов не по назначению, организовал использование топлива из близкорасположенных месторождений, по его распоряжению на некоторых дорогах в качестве паровозного топлива стали использовать дрова, поддержал все производственные начинания железнодорожников и т.п. Очень много внимания он уделял ремонтным, восстановительным и строительным работам. Анализируя работу дорог, он не оставлял без внимания санитарное состояние путей и станций, состояние мостов и рельефа местности под ними, выезжал он и на фронт. В целях организации бесперебойного движения он дал ряд указаний, связанных с наведением строгого порядка и укреплением дисциплины на транспорте. По его инициативе был восстановлен институт ревизоров движения НКПС. Пользуясь определенным доверием Сталина, он непосредственно обращался к нему и как к главе ГКО, и как к главе Транспортного комитета, например, ставил вопрос об усилении материальной заинтересованности работников железнодорожного транспорта и др. По его инициативе был принят ряд постановлений ГКО и Правительства СССР, связанных с оптимизацией работы транспорта^{cdxiii}.

С возвращением А.В.Хрулева в Наркомат обороны СССР в НКПС вернулся Л.М.Каганович. Имя этого наркома в последние годы упоминается исключительно в негативном контексте. И исследователи, и мемуаристы единодушно отмечают его чванливость, грубость, подозрительность, рукоприкладство^{cdxiv}. И.Г.Павловский, министр путей сообщения в 1977 – 1982 гг., в своих мемуарах пишет: «У Кагановича была привычка в гневе срывать погоны и бить в лицо ответственных руководителей...». Он «любил бить огромным кулаком по стеклу, лежащему на письменном столе, ...за сутки разбивал несколько стекол», не знал работу железнодорожного транспорта, никуда особенно не выезжал, был яростным сторонником паровозов». ^{cdxv} Даже сдержанный М.М.Уздин, один из авторов трехтомной «Истории железнодорожного транспорта», пишет о нем так: «Этот ближайший соратник Сталина, фанатически ему преданный, пользовался неограниченными правами. Он «не кончал ни техникумов, ни вузов и не знал железнодорожного дела, однако это не останавливало его. Обладая организаторскими навыками, большой трудоспособностью, красноречием, необыкновенной напористостью и редким тщеславием, он развернул бурную деятельность на железнодорожном транспорте, создав... атмосферу страха и нервозности»^{cdxvi}. Действительно, чем, как не страхом, можно объяснить такие слова начальника Оренбургского завода на совещании руководителей паровозоремонтных заводов: «Мне больно стало глаза от напряжения, смотрел все время на любимого наркома, старался не упустить... ни одного движения». Ему вторил стахановец: приеду домой и «буду десятки и сотни раз рассказывать...о встрече с любимым наркомом». И так на протяжении всего совещания»^{cdxvii}. Каганович пробыл на посту наркома до декабря 1944г, когда его сменил И.В.Ковалев, до войны работавший в НКПС, а затем в Наркомате обороны. Он проработал в этой должности до июня 1948 г., был обвинен «в ошибках при расходовании государственных средств, а так же в деле подбора кадров», освобожден от должности «в виду перехода его на другую работу»^{cdxviii}.

В последующие годы войны организационные изменения в центральном аппарате Наркомата были связаны с необходимостью решения вновь возникающих задач. Так, в июне 1942 г. было создано Управление Главного ревизора по безопасности движения поездов, в феврале 1943 г. – Главное управление рабочего снабжения, в январе 1944 г. на базе треста промышленного строительства было создано Центральное управление по восстановлению и строительству заводов НКПС, в этом же году на базе автотранспортного отдела было создано Центральное управление автомобильного и моторельсового транспорта, в марте 1945г. – Главное управление по строительству и восстановлению железнодорожных мостов и Главное управление по строительству железнодорожных тоннелей и метрополитенов. Но были и не всегда поддающиеся объяснению переименования, слияния и разлияния, хотя в военные годы их было меньше, чем в предвоенные.

С целью усиления дисциплины на транспорте в 1943 г. было введено военное положение. На железнодорожном транспорте оно было введено Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 апреля 1943 г.^{cdxix}. Рабочие и служащие объявлялись мобилизованными, устанавливалась их подсудность военным трибуналам. Этой же цели служило введение персональных званий и знаков различия, произведенное в соответствии с указом от 4 сентября 1943г. Наркому и его заместителям устанавливались звания генерал-директора путей сообщения и вице-генерал-директоры путей сообщения. В какой-то степени эти звания были аналогичны адмиральским на флоте. Звания же для высшего руководящего звена на транспорте были аналогичны генеральским в армии: генерал-директоры трех рангов по отраслям железнодорожного хозяйства (аналогично роду войск в армии): движение, тяга, путь и строительство, связь, административная служба. Следующее по нисходящей руководящее звено получали звание директор-полковник, директор-подполковник и инженер-майор, затем шли звания инженер-капитан, инженер-лейтенант и техник лейтенант. Знаки различия, за некоторым исключением, были аналогичны армейским. Одновременно был введен повседневный и праздничный вариант новой форменной одежды. Система персональных званий просуществовала до лета 1954г. 6 июля этого года Правительством СССР было принято постановление «Об отмене форменной одежды и персональных званий для работников гражданских министерств и ведомств»^{cdxx}.

В течение 1944 г. вся сеть железных дорог СССР была освобождена. Велик был урон, нанесенный железным дорогам страны, как, впрочем, и всей экономике страны. Из 54 – х железных дорог было выведено из строя 26, восьми из уцелевших были нанесены серьезные повреждения. Еще в ходе войны началось их восстановление, темпы которого из года в год нарастали.^{cdxxi}

Довольно активно шло восстановление заводов системы НКПС, по количеству некоторых из них (например, железнодорожного машиностроения, паровозоремонтные, вагоноремонтные) довоенные показатели были даже превышены. Хуже обстояли дела с заводами строительных материалов, шпалопропиточными и лесозаводами. Если производственные показатели всех заводов НКПС СССР значительно упали, то показатели работы лесозаводов упали катастрофически, в том числе и за счет сокращения количества работающих^{cdxxii}.

С целью выявления потребностей в кадрах Главное управление кадров НКПС в течение 1944 г. организовало перепись и провело анализ работающих в

центральном аппарате и в подведомственных организациях. Особое внимание было уделено работникам дорог и служб освобожденных районов. Была проведена их аттестация, в результате которой было выявлено около 14 тыс. сомнительных лиц, активно работавших у немцев, из которых около 10 тысяч было направлено в тыл, остальные – в штрафные роты. Всего за 1944г. было подвергнуто административным взысканиям и отдано под суд Военного трибунала более 212 тыс. человек – более 10% работающих на сети железных дорог. Аварийность на дорогах не снижалась, поэтому среди наказанных, главным образом, были работники, связанные с движением поездов: машинисты, начальники станций, дежурные по станции, диспетчера, поездные вагонные мастера. Среди них количество наказанных колебалось от 30 до 70%. Были среди наказанных и дезертиры. Последнему обстоятельству Главное управление кадров НКПС находило извиняющие причины: уж очень плохими были бытовые условия у молодых рабочих-железнодорожников.

Количество наложенных взысканий на руководящих и инженерно-технических работников вызывало тревогу кадровиков Наркомата. Действительно, за 1944 г. взысканиям было подвергнуто 4366 руководящих работников, в том числе 19 начальников дорог и 19 заместителей начальников. Из 4366 подвергнутых взысканиям, 282 были перемещены на низшие должности, 320 арестовано и 289 отдано под суд Военного трибунала.

Подбор недостающих кадров осуществлялся через мобилизационные наборы и ученичество. Если на 1 января 1944г. на транспорте работало 2337212 человек, то на 1 января 1945г. работающих было 3007932^{cdxxiii}.

Роль железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны переоценить невозможно. На долю железнодорожного пришлось более 68% их общего количества. За годы войны на фронт было доставлено 19,7 млн. вагонов с войсками и воинскими грузами, на что потребовалось более 440 тыс. поездов^{cdxxiv}. За это же время было восстановлено и построено 117,1 тыс. км железнодорожных путей, около 3-х тыс. мостов, 10 тыс. км новых линий. В результате к концу войны протяженность дорог составила 112,9 тыс. км., что превысило довоенные показатели^{cdxxv}. Перечень заслуг железнодорожников можно продолжить. Всем этим, как и социалистическим соревнованием, организуя поддержку всем начинаниям, подготовкой кадров высшей квалификации и массовых профессий, научной работой и т.п. руководил НКПС СССР.

Звание героев социалистического труда было присвоено 126 работникам железнодорожного транспорта, орденами и медалями было награждено 28420 человек, высокими правительственными наградами были отмечены более 35 тыс. воинов-железнодорожников^{cdxxvi}.

ссxcvi История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. – Т. 2: 1917 – 1945 гг. – Спб. – М., 1997.

ссxcvii РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 31. – Ед. хр. 2625. – Л. 151.

ссxcviii Филиппов К.И. Немного о прошлом. – М., 1997. – С. 36.

ссxcix История железнодорожного транспорта Росси. С. 310.

cd РГАЭ– Ф. 1884. – Оп. 49. – Ед. хр. 1081.

cdi Там же.- Ед. хр.1082. – Лл. 77 – 79.

cdii Там же. Л. 92

cdiii Там же . - Лл. 228 - 230

cdiv Там же. - Лл. 264 – 265.

cdv Там же. – Ед хр. 1081. – Л. 68.

cdvi Там же. Ед.хр. 1283. – Лл. 70, - 74, 80, 122 и др.

-
- cdvii См. : Марченко Ф.Д. Наркомпуть Хрулев. – М., 2007. – С.39.
cdviii РГАЭ. – Ф. 1884, - Оп. 31. – Ед. хр. 4201.
cdix См.: Военно-исторический журнал. 1985. № 9. С. 82.
cdx РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 49. – Ед. хр. 1602.
cdxi Там же. – Оп. 57, - Ед. хр. 575. – Л. 1.
cdxii Марченко Ф.Д. Наркомпуть Хрулев. С. 44.
cdxiii См. подробнее об этом: Марченко Ф.Д. Наркомпуть Хрулев. – М., 2007.
cdxiv Марченко Ф.Д. Наркомпуть Хрулев. – М., 2007. – С. 32; Филиппов К.И. Немного о прошлом. – М., 1997. – С. 29, 38 и др.
cdxv Павловский И.Г. Моя дорога. – М., 2002. – С. 57 – 58;
cdxvi История железнодорожного транспорта России .С. 79.
cdxvii РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 49. – Ед.хр. 514. – Лл. 179 – 180.
cdxviii Там же.
cdxix ВВС СССР. 1943. № 15.
cdxx История железнодорожного транспорта Советского Союза. – Т. 3: 1945 – 1991. – М., 2004. – Стр. 14;
Постановление Совета Министров СССР от 6 июля 1954 г./ Архив Правительства Российской Федерации.
cdxxi История железнодорожного транспорта России. С. 376.
cdxxii РГАЭ. – Ф.1884. – Оп. 49. – Ед. хр. 2305.
cdxxiii Там же. – Ед. хр. 2067.
cdxxiv История железнодорожного транспорта России .С. 377.
cdxxv Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917- декабрь 1991. М., 1994.
Стр. 263.
cdxxvi История железнодорожного транспорта России – С. 378.

В.А. Сомов

И.В. Сталин и победа в Великой Отечественной войне (1941-1945): современная историография проблемы

Современное общественное восприятие образа руководителя СССР периода Великой Отечественной войны далеко от беспристрастных оценок. Проект «Имя России», дебаты о роли И.В. Сталина в связи с его 130-летием – свидетельства непреходящего интереса и неразрешимых споров, вызванных историческим образом «товарища Сталина». Об этом косвенно свидетельствует и несомненный коммерческий успех изданий с портретом вождя на обложке. При этом, если исключить литературно-художественные и околонучные произведения в той или иной степени посвященные И.В. Сталину, достойными внимания можно считать те, в которых предпринимаются попытки добросовестного, непредвзятого анализа феноменального периода советской истории – сталинской эпохи.^{cdxxvii}

Историческая наука, являясь частью общественного восприятия, призвана формировать строго аргументированную, научно обоснованную, лишенную влияния политической конъюнктуры концепцию. Тем не менее, именно события политического свойства прямо или косвенно продолжают оказывать влияние на оценки историков. Как заметила по этому поводу исследователь Л.В. Шекунова: «выясняется, что никто никогда по-настоящему не был заинтересован в выяснении истинного облика И.В. Сталина. Отсюда – многочисленные мифы и искажения, несовпадение фактов и их оценок»^{cdxxviii}.

На наш взгляд, такое положение определяется содержанием «системы координат», в рамках которой находятся оценки деятельности И.В. Сталина. Историки «либерального» направления концентрируют свое внимание, в первую очередь» на «не демократических» методах управления страной. Так А.Н. и Л.А.

Мерцаловы утверждают: «Примерно последние 30 лет своей жизни он (Сталин – В.С.) последовательно проводил курс на захват и упрочение личной власти, ни во что не ставя интересы советского народа и мирового сообщества»^{cdxxxix}.

Интересна точка зрения М.А. Вылцана: «абсолютная, ничем не ограниченная власть Сталина приводила к тому, что недостатки и пороки его личности превращались в недостатки и пороки всей государственной системы. Промахи, ошибки и прямые преступления Сталина дорого обошлись советскому народу, многократно увеличили цену победы»^{cdxxx}.

Основная концепция Ю.А. Киршина выражена мнением: «Сталин обращался к народу для того, чтобы добиться своих целей, которых нельзя было достигнуть только принуждением и насилием»^{cdxxxi}. Считая Сталина честолюбцем, главную его цель автор видит в достижении им «вершины всех почестей»^{cdxxxii}.

В.Б. Тельпуховский считает, что, несмотря на то, что «беспредельная личная власть Сталина, его тоталитарный режим причинили стране серьезные бедствия», население СССР в годы войны готово было трудиться «столько, сколько потребуется для удовлетворения нужд фронта»^{cdxxxiii}.

Не стремясь к принципиальной полемике, хочется заметить, что подобные оценки отличаются не столько научной новизной, сколько стремлением «наполнить» фактами уже готовую концепцию.

Н.И. Кондакова замечает, что отрицать влияние И.В. Сталина на ход войны, или сводить его исключительно к отрицательному воздействию невозможно^{cdxxxiv}. Позитивное влияние лидеров партии и государства и, в первую очередь, И.В. Сталина, на высокую общественную активность трудящихся Н.И. Кондакова видит в их личном примере высокоорганизованного интенсивного труда. Во многом благодаря этому массы стали «решающей силой исторического процесса»^{cdxxxv}.

Ю.Н. Жуков считает, что в сложные октябрьские дни 1941 г. «узкое руководство» страны охватила «настоящая паника», а Сталин в отличие от 22 июня «не поддавался панике, не растерялся»^{cdxxxvi}. Автор при этом не склонен идеализировать духовный облик Сталина, которому, по мнению автора, были свойственны не только властолюбие, но и гордыня^{cdxxxvii}.

В.В. Черепанов пишет, что в самый напряженный момент войны, в октябре 1941 г. Сталин «старался показываться населению Москвы и демонстрировать свою уверенность в победе»^{cdxxxviii}. Автор делает оригинальный вывод о роли И.В. Сталина: «Надо признать: без Сталина мы бы не победили. Но не будь Сталина, скорее всего, не было бы этой войны»^{cdxxxix}.

Различие в политических взглядах продолжает оказывать влияние на развитие военно-исторических исследований по наиболее дискуссионным вопросам истории Великой Отечественной войны. Примечательно, что об этом говорят сами ветераны, используя не часто возникающую возможность высказаться публично. Например, в докладе на проходившей в Москве Международной конференции, посвященной 60-летию Победы, профессор В.С. Порохня привел высказывания генерал-лейтенанта в отставке В.В. Серебрянникова на заседании «круглого стола» в редакции газеты «Правда»: «Я хочу сказать, что наука очень и очень прислуживает сегодня, отвечает на потребности и заказы нынешних властителей, способствует интересам Запада»^{cdxli}. Степень критичности этого замечания по отношению к представителям исторической науки нельзя назвать абсолютно несостоятельной.

В заключении хочется заметить, что подход к оценке И.В. Сталина с научных позиций, с применением методов исторического, социологического^{cdxli}, психологического^{cdxlii}, лингвистического^{cdxliii}, системного анализа приводит, как правило, к выводу о соответствии такого типа руководителя социально-политическим запросам большей части трудящихся масс – тех, кто поддерживал идею построения сильного государства, стремящегося к автаркии. Тех, кто победил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Негативные оценки деятельности И.В. Сталина основаны, преимущественно, на субъективных, личностных, эмоциональных переживаниях тех, кто, так или иначе, пострадал в процессе строительства общества нового типа, кто не принял идею сильного социалистического государства, а иногда и сопротивлялся ей.

^{cdxxvii} Известный русский (советский) философ А.А. Зиновьев писал: «... принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простым и бесспорными. К их числу относится, прежде всего, принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователями к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет» // Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М., 2006. С. 172.

^{cdxxviii} Шекунова Л.В. Сталинские маргиналии как исторический источник // Власть и общество в России. XX век: Сб. научных трудов / Под ред. В.П. Попова и др. / МПГУ, ТГТУ. М.-Тамбов, 1999. С.174.

^{cdxxix} Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. М., 1998. С.67.

^{cdxxx} Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны. Пиррова победа. М., 1995. С.5.

^{cdxxxi} Киришин Ю.Я. Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). М., 2006. С.98.

^{cdxxxii} Там же. С.99.

^{cdxxxiii} Тельпуховский В.Б. Героизм рабочего класса // Война и общество. 1941-1945: в 2-х кн. Институт Российской истории. М., 2004. Книга 2. С.б.

^{cdxxxiv} Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941-1945 гг. М., 2002. С.С. 39-44, 65, 69, 71, 337, 372 и др.

^{cdxxxv} Кондакова Н.И. Общество военного времени. Все для фронта, все для Победы! // Социология Великой Победы. М., 2005. С.254.

^{cdxxxvi} Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005. С.132.

^{cdxxxvii} Там же. С.277.

^{cdxxxviii} Черепанов В.В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С.61.

^{cdxxxix} Там же С.491.

^{cdxl} Мы выстояли и победили. Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией. Москва. Под общей редакцией профессора В.С. Порохни. Смоленск, 2005. С.29.

^{cdxli} Зиновьев А.А. Сталин – нашей юности полет: социологическая повесть. М., 2002.

^{cdxlii} Колесов Д.В. И.В. Сталин: Право на власть. М., 2000.

^{cdxliiii} Мусорина О.А., Алешина Е.Ю., Кочетова Е.В. Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в советские годы (на примере пензенского региона). Пенза, 2005 и др.

А.Л. Кузьминых

Иностраные военнопленные Второй мировой войны в СССР: историографический аспект проблемы

В изучении истории военного плена Второй мировой войны в СССР отчетливо выделяются два периода: советский период (1950–1980-е гг.) и постсоветский период (1990–2000-е гг.).

Отличительной чертой советского периода историографии является идеологизация научных исследований, обусловленная с одной стороны, партийным

контролем над историческими исследованиями в СССР, с другой стороны, противостоянием эпохи «холодной войны». Другой важной особенностью этого периода являлась недоступность для исследователей архивных документов, что вынуждало их обращаться к альтернативным видам источников – воспоминаниям, дневникам, письмам, периодической печати военного времени. В этих условиях первыми к изучению истории советского военного плена обратились зарубежные ученые.

Во второй половине 1950-х гг. изучение истории военнопленных Второй мировой войны становится одним из приоритетных направлений в западногерманской исторической науке. Под председательством мюнхенского профессора Г. Коха создается научная комиссия для сбора, изучения и публикации материалов об истории пребывания немецких военнопленных в различных странах, в том числе и в СССР. В основу исследования были положены свидетельства 400 тыс. возвратившихся на родину военнопленных, полученные сразу после их прибытия в ФРГ и почти 50 тыс. сообщений, собранных дополнительно в виде письменных воспоминаний и интервью бывших солдат и офицеров вермахта.

После смерти Г. Коха комиссию возглавил бывший узник советских лагерей, профессор Э. Машке, по имени которого комиссия получила впоследствии свое неофициальное наименование – «комиссия Машке». Итогом ее работы стал выход в 1962–1974 гг. 15-томного труда «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны», состоявшего из 22 книг^{cdxlv}. Семь томов этого издания описывали жизнь немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза^{cdxlv}. Несмотря на специфику источниковой базы, авторам многотомного труда удалось осветить многие стороны пребывания военнопленных в СССР, в общих чертах воссоздать процесс развития системы лагерей и спецгоспиталей в ее пространственном и временном измерении.

В отличие от стран Запада, в бывшем СССР изучение проблемы военного плена было негласно запрещено. Официальное признание получила лишь тема антифашистского движения, создания и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». Целям и задачам антифашистского движения, участию пленных в работе по разложению войск противника посвятили свои диссертации, монографии, статьи Д.К. Зебров, Л.И. Гинцберг, Н.Г. Погребной, К.Л. Селезнев, А.М. Шевченко, Н.И. Шишов^{cdxlv}. Советские историки считали создание НКСТ исключительной инициативой немецких патриотов, в первую очередь, германских коммунистов-политэмигрантов. Роль последних в политическом перевоспитании военнопленных, как правило, преувеличивалась, в целом, как и вклад движения «Свободная Германия» в борьбу с фашизмом.

Точкой отсчета нового периода в историографии советского военного плена Второй мировой войны явились глобальные перемены в СССР, инициированные политикой перестройки и гласности. Исследователи получили возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, публиковать совместные труды, обмениваться мнениями на конференциях и симпозиумах.

Итогом «архивной революции» стало появление диссертационных исследований и монографий по истории военного плена и интернирования в СССР. Различные стороны пребывания военнопленных бывшей германской, финской и японской армий раскрывались в работах О.Д. Базарова^{cdxlvii}, Е.Ю. Бондаренко^{cdxlviii}, И.В. Власовой^{cdxlix}, В.П. Галицкого^{cdl}, В.Б. Конасова^{cdli}, М.А. Кузьминой^{cdlii}, С.И. Кузнецова^{cdliii}.

В 1990-е гг. в историографии военного плена на бывшем постсоветском пространстве складывается ряд направлений: политическое, юридическое, экономическое, биографическое и региональное.

Политическое направление представлено работами, освещающими международный и дипломатический аспект истории военного плена. К числу таких работ можно отнести работы А.Ф. Бичехвоста^{cdliv}, В.Б. Конасова^{cdlv}, Е.Л. Катасоновой^{cdlvi}, Г.К. Кокебаевой^{cdlvii}. В данных работах проблема плена рассматривается как важный фактор международной и внутренней политики СССР. Особое внимание уделяется рассмотрению дипломатических отношений Советского Союза с другими государствами и международными организациями (Международный комитет Красного Креста) по вопросам военного плена.

Близко примыкает к политическому направлению юридическое направление. Этот круг работ посвящен исследованию вопроса регулирования правового статуса военнопленных, а также проблеме привлечения военнопленных к судебной ответственности. Как правило, авторы этих работ (А.Е. Елифанов, Н.В. Колошинская, А.С. Смыкалин, Т.А. Щелокаева) являются профессиональными юристами и используют методы, свойственные историко-правовым исследованиям^{cdlviii}.

Предметом исследования экономического направления является труд военнопленных как фактор развития и восстановления советской экономики в военный и послевоенный период. Исследуются проблемы организации труда военнопленных, его рентабельность, роль военнопленных в развитии отдельных отраслей народного хозяйства. Наиболее показательными в этом отношении являются работы Н.В. Барановой, Р.С. Бикметова, С.Г. Сидорова, М. Колерова^{cdlix}.

Биографическое направление ориентировано на изучение судеб военнопленных. Биографиям фельдмаршала Фридриха Паулюса, президента Союза немецких офицеров генерала Вальтера Зайдлица, последнего императора маньчжурской династии Пу И, истории их жизни в плену посвятили свои книги А.С. Бланк, Б.Л. Хавкин, С.В. Карасев, В.В. Марковчин и Л.Е. Решин^{cdlx}. Сюда же можно отнести биографическую книгу-справочник И.В. Безбородовой «Генералы вермахта в советском плену»^{cdlxi}.

Динамично развивающимся в последние годы стало региональное направление. Его задача – воссоздание истории плена в ее региональном измерении. Большинство такого рода работ отличает комплексный, междисциплинарный подход и опора на материалы местных архивов. Содержание исследований достаточно типично – анализ развития региональных лагерных структур и учреждений, освещение участия военнопленных в развитии народного хозяйства отдельных регионов, анализ условий содержания пленных в соответствии с местными климатическими и географическими условиями^{cdlxii}. К работам регионального уровня можно отнести также публикации, посвященные истории отдельных лагерей^{cdlxiii}.

Возможность работы в российских архивах способствовала активизации научного поиска зарубежных ученых. Настоящим прорывом в проблему стал выход в 1995 г. монографии австрийского историка, директора Института по изучению последствий войны имени Людвига Больцмана (г. Грац) Стефана Карнера «Архипелаг ГУПВИ: Военный плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956»^{cdlxiv}. В 2000 г. свои научные изыскания, посвященные пребыванию немецких военнопленных в СССР, обобщил в своем

монографическом труде немецкий историк Андреас Хильгер^{cdlxv}. Существенный вклад в изучении проблемы военного плена в СССР внес финский историк Д. Фролов^{cdlxvi}.

Традиционным направлением западной историографии остается изучение социально-психологических аспектов лагерной повседневности на основе анализа мемуаров и материалов «устной истории». Наиболее показательным в этом отношении является диссертационное исследование швейцарского историка Рихарда Дэлера «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1945–1956 гг. Сравнение воспоминаний о пережитом»^{cdlxvii}. Автором исследованы процесс приспособления пленных к лагерной действительности, особенности межнациональных отношений в лагерном социуме, процесс адаптации военнопленных к новым условиям жизни после возвращения на родину.

Сравнительный анализ содержания работ российских и зарубежных, в первую очередь, немецких историков позволяет выявить принципиальное отличие. Если российские историки абсолютизируют официальные отчетно-статистические документы НКВД-МВД, то их немецкие коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожностью, отдавая предпочтение материалам «устной истории» и мемуаристике. Это во многом предопределяет разную тональность исследований, различия в принципиальных выводах и обобщениях. Для немецких, австрийских, финских и др. зарубежных историков советский плен воспринимается как национальная трагедия, для российских ученых – «как справедливое возмездие» за причиненные нашей стране страдания и разрушения.

В отечественной и зарубежной историографии советского военного плена продолжает оставаться ряд дискуссионных вопросов. Среди исследователей существуют диаметрально противоположные взгляды на численность военнопленных в лагерях НКВД-МВД СССР, их правовой статус, организацию продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания, проблему смертности, труд военнопленных и его эффективность, процесс возвращения на родину. До сих пор отсутствует комплексный научный труд, раскрывающий историю формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена в СССР. Все это обуславливает необходимость дальнейшего изучения истории иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР.

cdxliv Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (Bd. 1–22). – München, 1962–1974.

cdxlv Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1–3). – München, 1965; Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3. – München, 1965; Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 7. – München, 1966; Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 1. – München, 1967; Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 6. – München, 1969; Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4. – München, 1973; Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 8. – München, 1974.

cdxlvi Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. – Вологда, 1963; Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939–1945). – М., 1987; Зебров Д.К. Пропаганда немецких антифашистов среди солдат и офицеров вермахта на советско-германском фронте в 1941–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1972; Погребной Н.Г. Деятельность немецких антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945

гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1964; Погребной Н.Г. Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал. 1964. № 2. С. 64–69; Селезнев К.Л. Геноссе политрук Артур Пик // Новая и новейшая история. 1985. № 2. С. 113–126; Шевченко А.М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник германской истории. – М., 1974. С. 402–410; Шишов Н.И. В борьбе с фашизмом (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран. 1941–1945 гг.). – М., 1984.

cdxlvii Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). – Улан-Удэ, 1997.

cdxlviii Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. – Владивосток, 1997.

cdxlix Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994.

cdl Галицкий В.П. Военнопленные германской армии в Советском Союзе (1941–1945 гг.). М., 1992; Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939 – 1953 гг.). – М., 1997.

cdlii Конасов В.Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. – Вологда, 1991.

cdliii Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. – Комсомольск-на-Амуре, 1996.

cdliiii Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. – Иркутск, 1994; он же. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.): Дис. ... д-ра. ист. наук. – Иркутск, 1994.

cdliv Бичехвост А.Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутривнутриполитические и международные аспекты (1944 – 1953 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 1996.

cdlv Конасова В.Б. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998;

cdlvi Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. – М., 2003; Она же. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. – М., 2005.

cdlvii Кокебаева Г.К. Официальная политика Германии и СССР по проблеме военнопленных (1918–1955 гг.): Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. – Алматы, 2007.

cdlviii Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001; Он же. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. – Волгоград, 2005; Он же. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг.: Монография. Волгоград, 2007; Колошинская Н.В. Обеспечение правового режима содержания немецких военнопленных на территории Ленинграда и Ленинградской области во второй половине 1940-х гг. (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002; Смыкалин А.С. Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942–1956 гг.: По материалам Свердловской области // Правоведение. 2001. № 1. С. 209–216; Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939 – 1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000.

cdlix Баранова Н.В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941 – 1949 гг.): Дис. канд. ист. наук. – Ярославль, 1998; Бикметов Р.С. Трудоиспользование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г. – август 1945 г.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии (Кемерово, 19–22 сентября 2000 г.). – Кемерово, 2000. С. 34–35; Kolerov M. Arbeitsverwendung der Kriegsgefangenen und Internierten in der UdSSR (1946–1950). Nach dem Material in dem Sondermappen des Sekretariats des NKVD–MVD der UdSSR // “Gefangen in Rußland”: Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 / Hrsg. S. Karner. Graz–Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann – Instituts für Kriegsfolgen. – Forschung – München, 1995. S. 76–112; Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946–1950 гг.) // Родина. 1997. № 9. С. 79–83; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. – Волгоград, 2001.

cdlx Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. – М., 1990; Карасев С.В. Император Пу И в советском плену // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 120–126; Марковчин В.В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. – М., 2000; Reschin L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943 – 1955. – Berlin, 1995.

cdlxi Безбородова И.В. Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. – М., 1998.

cdlxii Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). – Владивосток, 2002; Жангуттин Б.О. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 гг.) // Отечественная история. 2008. № 2. С. 107–114; Карасев С.В. Японские военнопленные на

территории Читинской области (1945–1949 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). – Вологда, 2002; Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Вологда, 2005; Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2001; Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С. Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: Документы и материалы. – Кемерово, 2002; Михеева Л.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007; Потильчак О.В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939 – 1954). – К., 2004; Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). – Екатеринбург, 2006; Рожкова Е.К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943 – 1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2002; Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Белоруссии: 1944–1951 гг. – Минск, 2003.

^{cdlxiii} Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД–МВД СССР № 27. – М., 2003; Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. – Вологда, 2008; Чухин И.И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. – М., 1995.

^{cdlxiv} Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1945. – Wien–München, 1995; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. – М., 2002.

^{cdlxv} Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941 – 1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. – Essen, 2000.

^{cdlxvi} Фролов Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – Хельсинки–СПб., 2009. С. 484–486.

^{cdlxvii} Richard D. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. 1945–1956. Verleich von Erlebnisberichten. Zürich, 2007.

Ю.С. Цурганов

«Освободительное движение народов России»: причины возникновения и характер

18 февраля 1956 г. германский Федеральный суд отменил приговор, вынесенный генералу Вермахта В. фон Зайдлицу. В результате судебного разбирательства, состоявшегося в апреле 1944 г., бывший командир корпуса 6-й полевой армии заочно был осуждён трибуналом к смертной казни за организацию в советском плену антинацистского Союза немецких офицеров (СНО) и руководящую деятельность в Национальном комитете «Свободная Германия» (НКСГ). Члены СНО и НКСГ из числа бывших немецких военнопленных участвовали в военно-политических мероприятиях по разложению войск Вермахта на Восточном фронте. Кроме того, Зайдлиц предлагал сформировать из оказавшихся в плену соотечественников воинские соединения («Немецкая освободительная армия») для боевого применения. В 1956 г., отменяя приговор нацистов, судебные инстанции ФРГ аргументировали принятое решение отсутствием доказательств того, «что осуждённый действовал по низменным побуждениям», а также тем, «что он, по крайней мере, по преимуществу руководствовался своим враждебным отношением к национал-социализму»^{cdlxviii}.

Ничего подобного не произошло в РФ в отношении бывшего командующего 2-й ударной армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, чьё имя после попадания в немецкий плен было связано с такими терминами, как «Русская освободительная армия (РОА)», «Комитет освобождения народов России (КОНР)», «Русское

освободительное движение» (РОД), «Освободительное движение народов России (ОДНР)».

Со времени становления новой российской государственности (1991–1993 гг.) было опубликовано более пятидесяти трудов, авторы которых касались разных аспектов сотрудничества граждан СССР с Германией в период войны между этими государствами. Отметим те произведения, которые вышли, начиная с 2000 года, т.е. со времени, когда ностальгия по советскому прошлому постепенно начала становиться сегментом государственной идеологии РФ.

Дробязко С.И. Восточные добровольцы в Вермахте, полиции и СС. М., 2000. Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2000. Окоороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001. Ермолов И.Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика. М., 2001. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М., 2002. Вербицкий Г.Г. Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. СПб., 2004. Дробязко С.И. Под знамёнами врага. Антисоветские формирования в составе германских Вооружённых Сил. 1941–1945. М., 2004. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. Семёнов К.К. Войска СС. Солдаты как все. М., 2004. Гилязов И. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знамёнами «третьего рейха». Казань, 2005. Крикунов П.Н. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005. Романько О.В. Крым. 1941–1944 гг. Оккупация и коллаборационизм / Сб. статей и материалов. Симферополь, 2005. Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск, 2005. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006. Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС. М., 2006. Щеров И.П. Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006. Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М., 2007. Окоороков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. М., 2008. Грибков И.В. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский. Русская Освободительная Народная Армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008. Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского автономного округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орёл, 2008. Романько О.В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь, 2008, и др.

Некоторые предпринимавшиеся попытки не могут быть признаны удачными. Так, например, в одной из работ сказано, о необходимости *разоблачения* утверждений о самостоятельной роли коллаборационистского движения. На наш

взгляд, «разоблачение» вообще не может быть задачей профессионального исследователя и исторической науки в целом.

Наиболее аргументированными представляются те исследования, в которых причину коллаборационизма в СССР в годы войны с нацистской Германией авторы находят, прежде всего, в политике властных структур СССР в довоенное время. Менее аргументированными выглядят исследования, в которых причину вышеназванного явления усматривают почти исключительно в действиях структур III рейха. В таких исследованиях, как правило, игнорируются многочисленные факты *торможения* развития русских антисоветских инициатив в годы войны высшим руководством нацистской Германии. Например, приказ Начальника Штаба Германского Верховного Командования В. Кейтеля от 17 апреля 1943 г.: «Ввиду неправомерных наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в Северную группу войск, осуществлённую без того, чтобы Фюреру и без того, чтобы мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве, что в связи с операциями чисто пропагандистского характера, при проведении которых может потребоваться лишь имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова, предпринять шаги к передаче его тайной полиции и обезвредить»^{cdlxix}.

Наиболее ярко среди работ последнего времени выглядит монография Кирилла Михайловича Александрова «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945». 1120 страниц, плод 18 лет работы в архивах РФ, ФРГ, США.

Ядро книги составляют 170 биографий офицеров, служивших в Вооружённых Силах КОНР, имевших статус союзной с Германией русской армии, существовавшей с ноября 1944 г. Биография А.А. Власова имеет 30 страниц примечаний. Критерий достоверности – сведения об офицерах должны были находиться не только на Западе, но и в СССР. Не совсем репрезентативный характер выборки, тем не менее, позволяет делать интересные сравнения, которым посвящено 28 таблиц. Из 170 человек 140 советские граждане, 30 человек – эмигранты. Из советских граждан 37% лица с высшим образованием и 45% начали сотрудничество с противником только после 1942 г., то есть тогда, когда победа Германии уже не выглядела абсолютно вероятной, а условия в немецких лагерях для советских военнопленных стали лучше.

Автор реконструирует штатное и боевое расписание ВС КОНР, что характеризует К.М. Александрова именно как историка власовской *армии*. В то время, как во многих других произведениях центр тяжести перенесён на моральный облик генерала, история военной и политической структуры, находившейся с 1944 г. под его началом заменена подсчётом количества его любовниц, произносимых бранных слов и выпиваемого алкоголя.

Труд К.М. Александрова не снимет эмоциональных споров, которые и 65 лет спустя, бушуют вокруг власовского движения. Но, по крайней мере, неосведомлённость, которая часто лежит в основе этих споров, не имеет больше оправданий.

«Посев», 2009. – с. 37–38.

^{cdlxix} Воспроизводится по статье Р.Н. Редлиха «Из истории недавнего безумия. Краткий обзор борьбы вокруг восточной политики гитлеровской Германии» // Наши дни (Франкфурт-на-Майне). – 1961. – № 5, – С. 32–33.

Минц М. М.

Советское стратегическое планирование, август 1940-июнь 1941.: «стратегия сокрушения» в действии

Основу советской военно-стратегической концепции 1930-х гг. составляла т. н. «стратегия сокрушения», предполагавшая максимально активные действия, нацеленные на скорейший разгром неприятельской армии. В начале десятилетия к ней добавилась новая теория начального периода войны — «вползание в войну»: считалось, что новые войны будут начинаться внезапным вторжением на территорию противника специальных «армий вторжения», скрытно отобилизованных ещё в мирное время, которые своими активными наступательными действиями должны будут сорвать отобилизование, сосредоточение и развёртывание главных сил противника и одновременно прикрыть аналогичные мероприятия своей собственной армии. Теория «вползания в войну» и доктрина «сокрушения» в совокупности составили сценарий вероятной войны в целом, известный как «стратегия ответного удара»: в начальный период войны под прикрытием армий вторжения происходит отобилизование, сосредоточение и развёртывание главных сил, которые в дальнейшем переходят в наступление. Любопытно, что при таком подходе действия обороняющейся стороны практически ничем не отличались от действий агрессора, поскольку перед ней ставились, в сущности, такие же активные наступательные задачи, как и перед стороной нападающей. Этот подход дополнялся явной недооценкой роли обороны в современной войне; оборонительные действия рассматривались как сугубо второстепенные, вынужденные, эпизодические и отрабатывались зачастую по остаточному принципу^{cdlxxx}. Посмотрим, как эти военно-доктринальные установки отразились на советском стратегическом планировании в 1940—1941 гг.

В августе — сентябре 1940 г. в Генеральном штабе были составлены два проекта стратегического плана^{cdlxxi}; сентябрьский после незначительной доработки был утверждён Сталиным и Молотовым 15 октября. На начальный период войны оба плана ставили перед войсками прикрытия почти исключительно оборонительные задачи, но в остальном были построены в полном соответствии с доктриной «ответного удара» и предполагали переход Красной армии в наступление по завершении развёртывания главных сил. Возможность перехода к стратегической обороне не предусматривалась. Более того: если в августовском проекте стратегического плана предполагалось сосредоточить главные силы РККА к северу от Полесья, т. е. там, где, как ожидалось, должны были действовать главные силы Вермахта, то в сентябрьском проекте наряду с этим «северным» вариантом стратегического развёртывания появился также «южный» (сосредоточение главных сил к югу от Припяти); выбор одного из этих вариантов предполагалось сделать уже после начала войны, исходя из складывающейся обстановки, однако предпочтительным был назван именно «южный» вариант как

более подходящий для наступления Красной армии. Задачи войскам на оборонительный период войны ставились лишь в самом общем виде и не были увязаны с вероятными действиями противника. Предполагалось само собою разумеющимся, что к моменту окончания стратегического развёртывания начертание линии фронта будет благоприятствовать дальнейшим операциям советских войск. Наконец, в обоих проектах германские войска на момент начала советского наступления охарактеризованы как сосредотачивающиеся, что, вообще говоря, не только не исключает, но и предполагает начало войны по инициативе СССР, несмотря на то, что формально речь шла об отражении агрессии. После проведённых в Москве в январе 1941 г. оперативно-стратегических игр на картах от «северного» варианта стратегического развёртывания было решено отказаться окончательно, и из уточнённого плана развёртывания вооружённых сил на Западе и на Востоке этот сценарий был исключён^{cdlxxii}.

Наконец, не позднее 15 мая 1941 г. был подготовлен последний проект стратегического плана^{cdlxxiii}. В отличие от предыдущих, он предполагает уже не ответный удар, а нападение на германские войска главными силами Красной армии, скрытно отмобилизованными и развёрнутыми ещё в мирное время. Замысел первой операции основан на прежнем «южном» варианте развёртывания, с определёнными коррективами. Таким образом, весной 1941 г. советские генералы, наконец, учли опыт боевых действий в 1939—1940 гг. в Западной Европе и, отказавшись от теории «вползания в войну», приняли новую концепцию начального периода войны, предполагавшую внезапное вторжение на территорию противника главных сил нападающей армии. Впрочем, и в этих условиях единственно приемлемое для них решение состояло в том, чтобы самим напасть на Германию; о стратегической обороне речи по-прежнему не шло. Доктрина «сокрушения», таким образом, оставалась в силе и после отказа от концепции «ответного удара», независимо от конкретно-исторических условий. Вопрос, были ли майский проект стратегического плана утверждён Сталиным, остаётся предметом острых дискуссий, однако анализ его текста^{cdlxxiv} наталкивает на мысль, что данный документ по всем признакам является вполне естественным явлением для своего времени и его авторы, скорее всего, рассчитывали на его утверждение Сталиным, которое могло быть и устным. Во всяком случае, отсутствие подписи генсека под документом не может считаться достаточным аргументом в пользу гипотезы о том, что план был им отклонён^{cdlxxv}. К тому же в мае — июне 1941 г. советская сторона приступила к осуществлению предусмотренных майским планом мероприятий по скрытному отмобилизованию и развёртыванию, что также заставляет рассматривать указанный план как действующий документ^{cdlxxvi}. Более того, в ходе начавшегося стратегического развёртывания в состав первого стратегического эшелона были включены не войска прикрытия, а главные силы Красной армии; роль второго стратегического эшелона отводилась стратегическим резервам. Это тоже свидетельствует об отказе от прежней концепции «вползания в войну»^{cdlxxvii}.

Как бы то ни было, нападение Германии 22 июня 1941 г. сделало майский стратегический план невыполнимым, поскольку советские войска не успели завершить развёртывание на Западном театре. Интересно, однако, что с началом немецкой агрессии советской стороной были отвергнуты и планы прикрытия границы, составленные, казалось бы, именно на этот случай^{cdlxxviii}. Вместо того, чтобы ввести их в действие ещё 21 июня короткой шифрованной телеграммой (по

сути дела, просто кодовым сигналом), как было оговорено в самих планах, в войска была направлена длинная и несколько невразумительная директива Главного военного совета за № 1, в которой содержался перечень конкретных мероприятий по переходу в боевую готовность, но ключевые фразы о введении в действие планов прикрытия отсутствовали. Не было их и в подписанной утром 22 июня директиве № 2^{cdlxxix} об отражении агрессии, как и в изданной вечером того же дня директиве № 3 о переходе в контрнаступление, хотя именно она официально констатировала начало полномасштабной войны, разрешив войскам действовать не считаясь с границей. Последняя директива, что интересно, предусматривала немедленный переход советских войск в контрнаступление на ряде участков фронта, не дожидаясь окончания развёртывания, что противоречило абсолютно всем известным нам довоенным планам. Похоже, обстановка к исходу первого дня войны показалась советскому руководству слишком благоприятной, чтобы переходить к пассивной обороне, которая предусматривалась планами прикрытия. При этом перед войсками, как это ни парадоксально, были поставлены задачи практически невыполнимые (к исходу 24 июня предписывалось уже овладеть районами Люблина и Сувалок) и в то же время ограниченные по масштабам (в сущности, речь шла лишь о двух частных операциях на стыках фронтов). Дальнейшие задачи в директиве отсутствовали, как будто её составители с трудом представляли себе возможные варианты дальнейшего развития событий; складывается впечатление, что документ является плодом чистейшей импровизации. Симптоматично, однако, что и в данном случае советская сторона не отказалась от довоенной доктрины «сокрушения», и это во многом предопределило катастрофические поражения РККА в конце июня — начале июля 1941 г. Решение о переходе к стратегической обороне было принято лишь спустя несколько дней, когда приграничное сражение уже было проиграно.

^{cdlxx} См. об этом подробнее: Минц М. М. Представления военно-политического руководства СССР о будущей войне с Германией // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 94–104.

^{cdlxxi} Тексты планов см.: 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 182–190, 238–249.

^{cdlxxii} Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке // Воен.-ист. журнал. 1992. № 2. С. 18–22.

^{cdlxxiii} 1941 год. Кн. 2. С. 215–220.

^{cdlxxiv} См. об этом подробнее: Минц М. М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 153–156.

^{cdlxxv} Ср.: Данилов В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отеч. история. 1995. № 3. С. 33–44; Он же. Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? / Под ред. Бордюгова Г. А.; Сост. Невежин В. А. М., 1995. С. 84–85.

^{cdlxxvi} Ср., например: Бобылев П. Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отеч. история. 1995. № 5. С. 3–20; Он же. Точку в дискуссии ставить рано // Отеч. история. 2000. № 1. С. 41–64; Данилов В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отеч. история. 1995. № 3. С. 33–44; Невежин В. А. Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? // Отеч. история. 1996. № 3. С. 62.

^{cdlxxvii} Арцыбашев В. А. Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. Гл. III. § 2.

^{cdlxxviii} Опубликовано в «Военно-историческом журнале» (1996. № 2, 3, 4, 5, 6) под общим заглавием «Конец глобальной лжи».

^{cdlxxix}

Советско-британское сотрудничество в области военной разведки в годы Второй мировой войны

Советско-британское военное сотрудничество в сфере разведки получило реальное развитие с прибытием в 1941 г. в Лондон в качестве главы военной миссии контр-адмирала Н.М. Харламова. Полученная им информация сообщалась в Москву, но она касалась в основном состава, дислокации и организации войск немецкой армии за прошедший месяц, что снижало ее оперативную ценность. В 1944 г. успешно продолжил его работу генерал-лейтенант А.Ф. Васильев^{cdlxxx}. В целом же, как полагают исследователи^{cdlxxxi}, оперативное взаимодействие между органами военной разведки СССР и Великобритании развития не получило. Однако ставшие доступными в современной историографической ситуации документы из фондов Центрального Военно-морского архива свидетельствуют, что это не совсем так. Наиболее показательный пример – взаимодействие разведок в ходе обеспечения безопасности союзных конвоев.

В августе 1942 г. с этой целью между представителями разведки Северного флота и Миссии старшего британского морского офицера (СБМО) в Северной России в г. Полярный было «достигнуто понимание о необходимости создания совместной радиопеленгаторной службы на одном из островов Шпицберген». Доставку оборудования, продовольствия и личного состава английская сторона предлагала взять на себя. Данный запрос нарком ВМФ СССР адмирал Н.Г. Кузнецов отклонил^{cdlxxxii}, но к концу году в Полярном была открыта английская морская станция радиопеленгования «У». С первых месяцев ее работы стало налаживаться взаимодействие с радиоразведкой Северного флота^{cdlxxxiii}. Однако отсутствие установленных сроков представления сведений и материалов радиоперехвата привело к недостатку в его организации – необоснованным задержкам доставки сведений на британскую станцию. Данное обстоятельство приводило к устареванию разведывательных сведений и снижало эффективность обеспечения безопасности конвоев. Например, 27 марта 1943 г. задержка составляла 10 ч. в пяти случаях, в одном – 16 ч., а в двух других – 19 часов. 30 марта офицер Миссии лейтенант Чокли обратился к командиру по радио разведки Северного флота капитан-лейтенанту П.М. Куприяненко с просьбой «придать этому делу серьезное внимание» и согласиться с тем, что «доставка сообщений с посыльным может вызывать задержку до 7 часов»^{cdlxxxiv}. Письмо было передано командиру берегового радиоотряда флота С.А. Арутюнову, который 1 апреля «дал указание начальнику информационного центра и начальнику оперативного отделения не задерживать разведывательные донесения»^{cdlxxxv}. При этом неоднократно поднимавшийся англичанами вопрос об установлении между станциями проводной линии связи отклонялся нашим командованием.

В дальнейшем развитие взаимодействия шло по направлениям расширения количества радиочастот, результаты перехвата на которых подлежали взаимообмену, увеличения доли первичных материалов радиоперехвата и радиопеленгования, а также сокращения сроков доставки донесений. Например, 19 июля 1943 г. Адмиралтейство в письме выражало признательность разведывательному отделу штаба Северного флота за предоставляемые сведения о позициях кораблей противника в Норвежском море, и запросило: «не могли бы данные радиопеленгования даваться всегда в форме пеленгов, а не в позициях»^{cdlxxxvi}. 22 июля Куприяненко ответил согласием. В августе 1943 г. не

только ранее установленный норматив доставки сведений за 7 ч. перестал устраивать англичан, но даже представление информации через 6 часов. 14 августа Чокли отправил письмо Куприяненко, в котором предложил встретиться и обсудить организацию более быстрого обмена сведениями^{cdlxxxvii}. В результате, в сентябре была введена в действие новая организация доставки сведений советской радиоразведки на английскую станцию^{cdlxxxviii}.

24 октября 1943 г. начальник штаба Миссии СБМО в Северной России контр-адмирал А. Руер обратился к командующему Северным флотом с просьбой дать разрешение «на посещение моими (английскими. – В.К.) штабными офицерами Центральной станции радиоразведки Северного флота, а также радиопеленгаторной станции»^{cdlxxxix}. При этом советские морские офицеры до этого уже посетили британскую станцию радиоразведки. Но вице-адмирал А.Г. Головкин посчитал, что «в Горячие Ручьи (место расположения приемного центра берегового радиоотряда. – В.К.) нельзя, можно где-нибудь оборудовать комнату с обычными приемниками и показать», приказав начальнику разведки «доложить соображения»^{cdxc}. В итоге, посещение англичанами наших подразделений радиоразведки не состоялось.

Признательность радиоразведчикам Северного флота за взаимодействие высказывали не только представители разведывательных органов Великобритании. Их информация была важна и для британских штурманских служб, корректировавших по данным разведки маршруты перехода конвоев. Вследствие этого не редко разведчики Северного флота получали благодарности от старших офицеров эскортных союзных конвоев и флагманского штурмана при Миссии СБМО в Северной России^{cdxci}.

Несмотря на потребность англичан в сведениях, добываемых советской радиоразведкой, результаты разведывательной деятельности англичан на Северном театре также представляли интерес для Северного флота. Во-первых, это было обусловлено высокими показателями радиоразведывательной деятельности англичан. Например, обеспечивая безопасность перехода конвоев JW.55B и RA.55A 25–26 декабря 1943 г., при поиске немецкого линейного корабля «Шарнхост»^{cdxcii} советской радиоразведкой было перехвачено две радиограммы, а англичанами – семь^{cdxciii}. Во-вторых, радиоразведка Северного флота просила союзников предоставлять разведывательную информацию, добываемую кораблями в море, по причине отсутствия собственных средств корабельной радиоразведки^{cdxciv}. Например, 13 марта 1943 г. Куприяненко, благодаря за информацию о конвое JW.53, обратился в Миссию с просьбой передавать в копии перехватываемый материал по ВВС Германии^{cdxcv}.

Помимо обмена союзниками материалами радиоперехвата и радиопеленгования иногда осуществлялся взаимообмен обобщенными разведывательными данными. Например, в сентябре 1944 г. состоялся обмен данными об организации радиосвязи Береговой обороны южной Норвегии – со стороны англичан, и данными об организации радиосвязи Береговой обороны в северной Норвегии, имевшихся в советской разведке^{cdxcvi}. Кроме того, начальнику отдела радиоразведки Разведывательного управления ГМШ ВМФ СССР С.М. Магницкому представителем Английской Военно-морской Миссии в СССР была передана книга «СВ-4002», содержащая данные об организации радиосвязи ВМС Германии^{cdxcvii}. В то же время, выполняя совместно задачу обеспечения безопасности союзных конвоев, командование разведки советского ВМФ

неоднократно обращалось к союзникам с просьбой приобретения у последних технических средств разведки. Так, в 1944 г. был поставлен вопрос о необходимости закупки в Великобритании корабельных КВ радиопеленгаторов ^{cdxcviii}. Однако до конца войны он так и не разрешился.

В конце декабря 1944 г. британская станция радиопеленгования в Полярном была закрыта: персонал отправили в Великобританию, а помещения передали береговому радиоотряду Северного флота. Но это не означало прекращения взаимодействия. В письме руководителя британской Миссии в Северной России контр-адмирала Эджертон командующему Северным флотом от 23 декабря высказывались признательность за сотрудничество в области разведки, а также пожелания его дальнейшего развития. В частности, он просил, чтобы «опознавательные позывных сигналов ВВС Германии направлялись в штаб Миссии СБМО в Полярном для дальнейшей передачи в Адмиралтейство, вместо передачи их на радиостанцию “У”» ^{cdxcix}. В письме начальнику радиоразведки Северного флота офицер британской разведки старший лейтенант К.Х. Бриттн высказывал уверенность, что «Адмиралтейство будет всегда восхищаться любыми сведениями, которые Вы будете в состоянии дать нам, и что оно предоставит Вам любую информацию, которую они смогут дать и которая будет ценна для Вас» ^d.

Подтверждением успешности использования данных морской разведки в обеспечении безопасности союзных конвоев служат следующие эпизоды. 24 января 1943 г. радиоразведка Северного флота обнаружила взлет с аэродрома в Биллефиорд и полет в сторону о. Медвежий четырех немецких торпедоносцев «Хе-115». Информацию передали командиру эскорта конвоя, находившемуся в районе острова. Эскорт заблаговременно подготовился и успешно отразил атаку авиации противника. Позже британцы сообщили об уничтожении двух «Хе-115» и выразили «благодарность русской радиоразведке за своевременное предупреждение». С получением сведений радиоразведки о подводных лодках Германии на маршруте следования конвоя РА.56, его курс был изменен в обход позиций противника ^{di}. В результате, конвой не был обнаружен и удачно прошел опасный район. В воздушных боях над союзными конвоями, благодаря заблаговременным сведениям, добытым морской радиоразведкой, было сбито 34 самолета противника ^{dii}.

Таким образом, совместная радиоразведывательная деятельность СССР и Великобритании на Северном театре играла важную роль в обеспечении безопасности союзных конвоев. Основными недостатками в ее организации являлись: отсутствие обмена разведывательной информацией в реальном масштабе времени; отсутствие корабельных радиопеленгаторов в советском ВМФ, лишавшее возможности эффективного ведения корабельной РЭР; нежелание союзников к более тесному сотрудничеству в области радиоразведки. Решение этих вопросов способствовало бы повышению эффективности разведки и безопасности союзных конвоев в целом. Современная историографическая ситуация, с одной стороны, позволяет более подробно осветить организацию советско-британского сотрудничества в области военной разведки в годы Второй мировой войны, с другой – современный политический дискурс наиболее острые моменты этого взаимодействия все же оставляет недоступными для открытых исторических исследований.

^{cdlxxx} Лота В.И. «Сведения получены от надежного источника». О взаимодействии военных разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 6,

-
- с. 57—58, 60—61. См. также: Очерки истории российской внешней разведки. М. 1999. Т. 4, с. 400—401, 404, 405. Dean John R. The Strangle Alliance. The Story Of Our Efforts at Cooperation with Russia. L. 1947, p. 55.
- cdlxxxix См., например: Лота В.И. Ук. соч., с. 61.
- cdlxxxii Центральный Военно-морской архив (ЦВМА), ф. 2, оп. 10, д. 28, л. 90.
- cdlxxxiii Там же, ф. 767, оп. 2, д. 217, л. 34.
- cdlxxxiv Там же, л. 37.
- cdlxxxv Там же, л. 39.
- cdlxxxvi Там же, л. 81, 81об, 82.
- cdlxxxvii Там же, л. 91.
- cdlxxxviii Там же, л. 115.
- cdlxxxix Там же, д. 216, л. 441.
- cdxc Там же, л. 442.
- cdxci Там же, д. 255, л. 2.
- cdxcii Sainsbury A.B. The Royal Navy day by day. England. Shepperton, 1992.
- cdxciii ЦВМА, ф. 767, оп. 2, д. 255, л. 8.
- cdxciv См. подробнее: Висовень В.С., Кикнадзе В.Г. Боевое применение радиоразведки советского ВМФ в Великой Отечественной войне // Флагман. 2004. № 6.
- cdxcv ЦВМА, ф. 767, оп. 2, д. 217, л. 12.
- cdxcvi Там же, д. 255, л. 19.
- cdxcvii Там же, ф. 2, оп. 10, д. 71, л. 154.
- cdxcviii Там же, д. 78, л. 101, 107.
- cdxcix Там же, ф. 767, оп. 2, д. 255, л. 42.
- d Там же, л. 33.
- di См. подробнее: Кикнадзе В.Г. Радиоразведка ВМС Великобритании в противолодочной борьбе на Атлантике в 1939–1945 гг. // Флагман. 2002. № 1.
- dii ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 59, л. 55, 56.

А.Ю. Ермолов

Влияние экономических факторов на перелом в ходе Второй мировой войны

Нет никаких сомнений, что перелом в ходе Второй мировой войны произошел в промежутке между летом 1942 и осенью 1943 года. Произошел он в Восточной Европе, а не на Тихоокеанском или Средиземноморском ТВД, которые занимали второстепенное положение. В какой степени влияние экономики предопределило перелом в ходе Второй мировой войны, и, следовательно, её итог? Для начала надо разобраться с самими экономическими факторами и механизмом их воздействия. Что они собой представляют? В первую очередь в голову приходит общий показатель экономической силы государства – ВВП. Но он сам по себе не превращается в нужные для ведения войны товары и услуги и даже не дает гарантий возможности их получения. Необходимо наличие в должном количестве необходимых для военной экономики ресурсов: сырья, материалов, оборудования, обученной рабочей силы, технологий^{diii}. Нужна способность эти ресурсы своевременно мобилизовать. В этом случае экономика даст необходимую для войны продукцию нужного качества в достаточном количестве. Иными словами, мы имеем дело со сложным передаточным механизмом, который может увеличивать, а может и ослаблять воздействие экономического потенциала.

Поэтому правильнее оценивать соотношение экономического потенциала участвующих в войне стран не только с точки зрения экономических показателей, но и с точки зрения физического производства военной техники, вооружения и боеприпасов. Особая сложность вопроса состоит в том, что такие сравнения всегда

будут страдать неполнотой без учета качественных показателей. Такой учет делает анализ менее формализуемым, но он неизбежен.

Кроме того, важное значение имеет логистическая проблема доступности театра военных действий. Например, Соединенные Штаты Америки вынуждены были вести войну, «проецируя силу» на достаточно удаленные от них территории. Значительно легче доставить танк из Сталинграда под Сталинград, чем из Детройта на остров Гуадалканал. Ещё сложнее проблема становится, когда мы переходим от доставки отдельных грузов к ведению широкомасштабных военных операций. Поэтому проблему логистики надо тоже брать в расчет и учитывать, какие силы могла реально выставить страна на отдаленных участках боевых действий.

Если брать показатели производства военной техники, то антигитлеровская коалиция обладала в 1942-43 годах многократным превосходством над осью. Но это превосходство в значительной степени было обусловлено работой военной промышленности США и Великобритании. Между тем, в силу указанных выше особенностей в 1942-1943 году англичане и американцы не могли в полной мере воспользоваться своим потенциалом. Показательно, что силы, использованные союзниками в Северной Африке и Италии, были не так уж и велики по сравнению с мощностью их тыла.

Безусловно, экономическая мощь западных держав воздействовала не только напрямую, но и косвенно, через помощь Советскому Союзу. Но эта помощь была ограничена теми же транспортными проблемами. В распоряжении союзников имелось три маршрута ограниченной пропускной способности: арктические конвои, автоперевозки через Персию и Транссибирская магистраль^{div}. В результате ленд-лиз давал СССР очень ограниченное количество военной техники и был ценен в первую очередь как источник стратегических материалов.

Собственное производство вооружения и военной техники в СССР было значительно выше германского^{dv}. Но нельзя забывать о качественных показателях. Почти треть советской бронетехники производства 1942 года – легкие танки Т-60 и Т-70, имевшие очень ограниченную ценность. Советская промышленность была более ориентирована на количество выпущенной техники, а не на её качество. Нехватка сырья, квалифицированной рабочей силы, перебои в работе транспортной системы усугубили ситуацию, породив кризис надежности^{dvi}. Например, ресурс работы советских танков значительно уступал немецким. В 1942 году многие из них выходили из строя, отработав менее 100 моточасов. К лету 1943 года ситуация улучшилась, но проблема сохранялась. С точки зрения боевых свойств бронетехники, превосходство в этот период тоже было на стороне Германии. С появлением в 1942 году новой модификации танка Pz-IV с длинноствольной 75 миллиметровой пушкой Т-34 утратил свое превосходство в бронезащите и вооружении, при этом значительно в эргономике и приборах наблюдения. Новые немецкие танки «Тигр» и «Пантера» ещё более увеличили качественное отставание.

Авиационная промышленность имела схожие проблемы. Падение качества изготовления самолетов привело к снижению летно-технических характеристик по сравнению с эталонными. Боевая ценность немецких и советских самолетов была далеко не одинаковой. Только в 1943 году появился истребитель, способный на равных противостоять немецким самолетам - Ла-5ФН^{dvii}. До того немецкие авиастроители были на шаг впереди. Стандартная бомбовая нагрузка Пе-2 была в 3 раза меньше, чем стандартная бомбовая нагрузка Ю-88.

Бесспорное превосходство у СССР было в области промышленности вооружений. Оно может даже показаться подавляющим, если не учитывать один важный фактор: перед советской промышленностью стояла задача компенсировать огромные потери в артиллерийских орудиях, понесенные в начале войны. Немцы же, сохранив свой парк артиллерийских орудий, не испытывали в них такой острой потребности. Их более интересовала проблема обеспечения имеющегося большого артиллерийского парка «хлебом войны» - боеприпасами. И в решении этой проблемы они преуспели. По подсчетам А. В. Исаева, в 1942 году артиллерия Вермахта использовала на Восточном фронте 651,7 тысяч тонн боеприпасов, а Красной Армии - только 461,6 тысяч тонн боеприпасов. Ситуация немного улучшилась для СССР в 1943 году, когда соотношение составило 946,6 тысяч тонн против 824 тысяч тонн.

Причина такого соотношения – на острейшая проблема СССР, нехватка пороха^{dviii}. Связана она была с тем, что в этой области не было возможности быстро переключить производственные мощности гражданской промышленности на военные нужды. Технические сложности затрудняли использование порохов, поставляемых союзниками. Вследствие долговременной утраты стратегической инициативы произошла переориентация приоритетов в организации артиллерии: вместо предвоенного подхода к дивизионной артиллерии как преимущественно гаубичной упор был сделан на полевые пушки, способные и бороться с танками, и вести огонь с закрытых позиций. С точки зрения соотношения пороха и веса снаряда гаубичная артиллерия в два раза эффективней пушечной. Немцы, у которых дивизионная артиллерия была полностью гаубичной, находились в более выигрышном положении.

Можно рассматривать высокие объемы производства танков и самолетов в СССР как своеобразное средство, компенсирующее невыгодное соотношение в боеприпасах. Разумеется, такая замена не была полноценной. Так, практика показала, что атака танков на подготовленную оборону без достаточной поддержки артиллерии не приносит результатов.

Ещё одним важным элементом экономического противостояния было производство автомобилей. В этой области у Советского Союза был значительный провал (от советской промышленности армией получено в 1942-43 годах всего 65 тысяч автомобилей), ограничивающий способность его вооруженных сил вести современную мобильную войну и ограничивала боеспособность подвижных соединений^{dix}.

В целом складывающаяся картина показывает, что в момент перелома в ходе войны потенциальное экономическое превосходство союзников не могло быть использовано в полной мере. Там, где решалась судьба войны, можно скорее говорить об ассиметричном равновесии: по одним показателям преимущество было на одной стороне, по другим – на другой. Безусловно, само наличие этого ассиметричного равновесия тоже являлось важным фактором, воздействовавшим на ход войны, так как без него перелом был бы невозможен. Но помимо него должны быть и другие факторы, повлиявшие на произошедший перелом.

^{diii} Harrison M. The economics of World War II: an overview// The economics of World War II. Cambridge, 1998.

^{div} См.: Паперно А. Л. Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998.

^{dv} Тема хорошо разработана в отечественной историографии. См. например: Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). М., 1965; Кравченко Г. С. Военная экономика СССР 1941 – 1945 гг. М., 1963; Советская экономика в период Великой Отечественной войны / Под ред. И.

А. Гладкова. М., 1970.

^{dvi} Подробнее о кризисе надежности см.: Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. Он же. Проблема подковы: Надёжность советских танков осенью-зимой 1942 года и её влияние на военные операции // Родина. 2008. №2.

^{dvii} Серов Г. Рождение Ла-5 или развитие и доводка мотора М-82 в годы Великой Отечественной войны // Авиация и космонавтика. 2005. №2,3,4,7.

^{dviii} О советской пороховой промышленности и проблемах использования ленд-лизингового пороха см.: Вернидуб И. И. Боеприпасы победы. М., 1998.

^{dxix} Подробнее об этой теме см.: История автомобильного транспорта России 1941-1945. М., 1998; Кочнев Е. Д. Автомобили Красной Армии 1918-1945. М., 2009.

В.Л. Герасимов

Дискуссионные вопросы отечественной морской авиации в современной историографии

В настоящее время одно из основных направлений недостатков в отечественной историографии, посвященной морской авиации периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., это большое количество ошибок по фактам тех или иных исторических событий. Вот один из таких примеров. У первого дважды Героя Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны, прославленного морского летчика и лидера авиаторов-североморцев, гвардии подполковника Бориса Феоктистовича Сафонова в количестве сбитых им лично и в составе группы самолетов врага в 1941–1942 гг. наблюдается разночтение в разных выходявших в нашей стране популярных и научных трудах.

Основная называемая цифра – это 25 лично сбитых вражеских самолетов и 14 в составе группы^{dx}. И только лишь недавно, с выходом в 2008 году книг-справочника М.Ю. Быкова «Советские асы 1941–1945. Победы Сталинских соколов», все более-менее стало на свои места. Указанное справочно-энциклопедическое издание полностью подготовлено на основе архивных документов, отложившихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске. И в связи с этим оно уже выгодно отличается от других изданий, написанных ранее в основной своей массе на основе мемуарных источников и журнальных публикаций и содержащих большое количество ошибок, неточностей, искажений и преувеличений по количеству сбитых советскими летчиками в годы Великой Отечественной войны самолетам противника.

Так вот летчик № 1 советской морской авиации первого периода Великой Отечественной войны, по материалам труда М.Ю. Быкова, лично сбил 17 самолетов врага и еще 2 вражеских летательных аппарата уничтожил в составе группы истребителей. С учетом предположительных побед^{dxii} Борису Феоктистовичу Сафонову прибавлено еще 3 воздушных победы: одна личная и две в группе. Таким образом, у дважды Героя Советского Союза гвардии подполковника Б.Ф. Сафонова значится 18 личных побед и 4 сбитых самолета в групповых боях^{dxiii}. Не утверждая, что приведенные в труде М.Ю. Быкова данные являются истиной в последней инстанции, тем не менее хочется заметить, что ничего ранее более подробного по личному боевому счету советских летчиков у нас в Советском Союзе и Российской Федерации в свет еще не выходило.

Указанный пример касается конкретной личности, но наряду с подобными неточностями, большое количество ошибок и издержек содержится и в историографических работах, касающихся истории отечественной морской авиации в целом.

В качестве примера рассмотрим труд ученого и исследователя авиации ВМФ Эдуарда Саввича Катаева «Боевые действия морской авиации в Великой Отечественной войне». В монографии сотрудника Военно-морской академии имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, кандидата военных наук, профессора генерала-майора в отставке Э.С. Катаева указывается: «Начиная исследование, хочу подчеркнуть, что в Великой Отечественной войне морская авиация была самым активным родом сил ВМФ. Хотя в 30-е годы боевыми документами ей отводилась скромная роль – обеспечивать надводные силы флота и содействовать им в решении задач на море. В силу этого на всех флотах ударная авиация составляла всего 25,7 % общего штатного состава ВВС флотов. К июню 1941 г. в действующих флотах насчитывалось около 1 400 самолетов (БФ^{dxiii} – 656, СФ^{dxiv} – 116, ЧФ^{dxv} – 629). Из этого количества 9,7 % составляли торпедоносцы, 14 % – бомбардировщики, 45,3 % – истребители, 25 % – разведчики на гидросамолетах и 6 % – самолеты специального и вспомогательного назначения. Ударная авиация (в основном бомбардировщики) была представлена на 3-х флотах следующим количеством самолетов: на БФ – 26,6 %, на СФ – 9 %, на ЧФ – 22 % (столь малая цифра для СФ объясняется нехваткой аэродромов и незначительной их емкостью). ВВС^{dxvi} ТОФ^{dxvii} были резервом для ВВС СФ, БФ, ЧФ, имея значительный состав самолетного парка более 1 180 самолетов и подготовленные к боевым действиям экипажи соединений и частей различных родов морской авиации. Таким образом, в структурном отношении в составе ВВС флотов к началу Великой Отечественной войны преобладающее место занимали истребители и разведчики (70,3 %)»^{dxviii}.

В данной цитате, к большому сожалению, как в прочем и во всей монографии профессора Э.С. Катаева, отсутствуют какие-либо ссылки на источники, откуда автором были заимствованы те или иные цифровые показатели и материалы. А вот, например в статье генерал-лейтенанта авиации в отставке А.М. Шугинина, опубликованной в 1966 году в журнале «Морской сборник» указывается, что на начало Великой Отечественной года на Северном флоте имелось два авиаполка и одна отдельная авиаэскадрилья, а всего самолетов было 114 единиц (49 истребителей, 11 бомбардировщиков СБ и 54 гидросамолета)^{dxix}, а не 116 самолетов, как у генерала Э.С. Катаева. Правда, опять же у генерала А.М. Шугинина не указывается источник, откуда был заимствован данный цифровой материал.

Не совсем ясно, о каких самолетах в материалах названных авторов идет речь – только боевых, боевых и вспомогательных, или боевых, вспомогательных и учебных? У генерала Э.С. Катаева, судя по всему, приводятся данные только по парку боевых крылатых машин морской авиации накануне начала войны. Но об этом можно только догадываться, так как автор ничего не указывает на этот счет в своем научном труде.

Сегодня существуют уже введенные в научный оборот и другие данные по этой проблематике, опубликованные в соответствующих научных работах, как например научный труд доктора исторических наук, профессора В.И. Жуматия^{dxix}, в

которых указывается, откуда заимствованы те или иные цифры и которые отличаются от тех что приводились здесь ранее.

И еще об одной, совсем недавно вышедшей в Симферополе книге об истории военно-воздушных сил Черноморского флота – «ВВС Черноморского флота в XX века (1910–1991 гг.)»^{dxxi}, посвященной истории черноморской авиации от самого ее зарождения в 1910 году и до распада СССР в 1991 году.

В труде «ВВС Черноморского флота в XX века (1910–1991 гг.)» также приведено большое количество справочных материалов, облаченных в табличную форму (особенно по периоду Великой Отечественной войне), но, к большому сожалению, также не указывается, откуда были почерпнуты те или иные данные. Притом при всем, что по некоторым из них возникают вопросы...

Необходимо особенно остановиться на начавшемся и незавершенном к началу войны процессе перевооружения отечественной авиации (в том числе и морской) на новые типы самолетов. «Опять-таки бесспорный факт: на 22 июня 1941 года в составе авиачастей западных приграничных военных округов только около 20 % самолетов были новых типов: МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3 и Пе-2. И дело не столько в том, что старые типы наших самолетов проигрывали немецким – сам процесс массового перевооружения неизбежно снижает боеспособность и боеготовность авиационной группировки. Научиться пилотировать самолет для летчика еще не значит научиться на нем воевать. Да и сами новые самолеты, обладая в целом высокими летно-тактическими данными, были неизбежно «сырыми» и не вполне надежными»^{dxxii}.

На начало Великой Отечественной войны в СССР четкого понятия (категории) «новый самолет» («новая авиационная техника (АТ)») не существовало, как не существует его, применительно к тому историческому периоду, и по сегодняшний день. Тем не менее, под «новой авиационной техникой» понимались и понимаются самолеты, поступившие в строевые авиационные части, а не только принятые на вооружение, т.к. принятие на вооружение ЛА могло быть и до поступления конкретного типа АТ в авиационную часть и после уже его поступления (осуществления «лидерной эксплуатации»).

Исходя из изложенного, «новой авиационной техникой» к 22 июня 1941 года предлагается считать отечественные самолеты Як-1, МиГ-1, ЛаГГ-3, Пе-2^{dxxiii} и Ил-2. Всего названных самолетов в ВВС КА и ВВС ВМФ числилось около двух тысяч^{dxxiv}.

Необходимо также отметить, что в морской авиации процент новых самолетов, поступивших в части к началу войны, был еще меньше чем в ВВС Красной Армии^{dxv} и по подсчетам автора материала в ВВС ВМФ по состоянию на 22 июня 1941 года он составлял около 5–6 % от общего числа боевых самолетов. С учетом исправности авиационной техники в ВВС флотов процент исправности новых летательных аппаратов не превышал 8–9 %.

Приведенные примеры из историографии Военно-Воздушных Сил Военно-Морского Флота^{dxvi} СССР говорят о том, что до объективного изложения истории авиации флота нашей страны, освещения ее роли и места в составе сил флота и армии предстоит пройти еще определенный путь и проделать конкретную исследовательскую работу.

^{dx} См., например: Иванов П.Н. Крылья над морем. М.: Воениздат, 1973. С. 241.

^{dxii} Официальные подтверждения отсутствуют, а самолеты засчитаны Б.Ф. Сафонову сбитыми только

на основании радиопереговоров.

dxii См.: Советские асы 1941–1945. Победы Сталинских соколов: Сборник / Авт.-сост. М.Ю. Быков. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 446.

dxiii Балтийский флот.

dxiv Северный флот.

dxv Черноморский флот.

dxvi Военно-воздушные силы.

dxvii Тихоокеанский флот.

dxviii Катаев Э.С. Боевые действия морской авиации в Великой Отечественной войне. Монография. СПб.: Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова, 2006. С. 23.

dxix См.: Шугинин А.М. Боевой путь морской авиации // Морской сборник. 1966. № 8. С. 20.

dxix См.: Жуматий В.И. Боевой и численный состав Военно-Морского Флота СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник. М.: Институт военной истории МО РФ, 2006. 328 с.

dxxi См.: Духопельников В.М., Пашеня В.Н., Ильиных В.А. ВВС Черноморского флота в XX века (1910–1991 гг.): Историко-документальный очерк. Симферопль: ДИАЙПИ, 2009. 276 с.

dxxii Сиников А.А. Господство в воздухе: история и перспективы // Военная Мысль. 2009. № 3. С. 43.

dxxiii В ВВС Красной Армии к началу войны таких машин насчитывалось около 150 единиц.

dxxiv Необходимо учитывать то, что на начало Великой Отечественной войны самолеты Пе-2 и Ил-2 в составе морской авиации отсутствовали.

dxv В ВВС Красной Армии он составлял 20 %. Более подробно см.: Сиников А.А. Господство в воздухе: история и перспективы / Военная Мысль. 2009. № 3. С. 43.

dxvvi Военно-Воздушные Силы Военно-Морского Флота – официальное название морской авиации в рассматриваемой в монографии период из истории отечественной авиации флота.

В.В. Коровин

История сопротивления немецко-фашистским оккупантам в трудах современных исследователей

Начавшийся в 90-е годы XX века период отечественной историографии Великой Отечественной войны отличается пересмотром многих прежних оценок, выработкой новых взглядов на события и факты минувшей войны, в том числе, связанные с борьбой в тылу противника.

Однако перемены происходят нелегко. Освещению истории войны сильно вредит налет политической конъюнктуры, она часто становится объектом разного рода идеологических спекуляций. Негативные последствия таких предвзятых подходов и оценок в общественном сознании, ведущих к разрушению светлого образа солдат Великой Отечественной войны, в последние годы становятся очевидными. На государственном уровне говорится о необходимости героико-патриотического воспитания как основы консолидации общества.

В книге «Оккупация. Правда и мифы» Б.В. Соколов утверждает, что народ, в отличие от государства, войну проиграл, умаляя подвиги партизан, боровшихся с оккупационным режимом, и ставя их рядом с теми, кто сотрудничал с врагом^{dxvii}. По мнению автора, они просто избрали разные способы выживания. «Выжить. Вот что было главной целью всех, кто находился на оккупированной советской территории» – пишет он об основном мотиве поведения всех оказавшихся под оккупацией, специально опуская многочисленные факты самопожертвования героев – партизан и подпольщиков^{dxviii}.

Из фундаментальных научных работ, посвященных военной истории и вышедших в последнее десятилетие, заслуживает внимания четырехтомник «Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки»^{dxix}. В

четвертом томе «Народ и война» затрагиваются такие проблемы, как функционирование советского тыла, партизанское движение, духовный потенциал советского народа, вопросы политического руководства фронтом и тылом. Авторы делают справедливый вывод о том, что судьбу войн в конечном итоге решает народ.

Докторская диссертация старшего научного сотрудника Военной Академии Генерального штаба ВС РФ Н.Ф. Азяского^{dxxx}, стала одним из первых научных трудов, в котором автор впервые выявил характерные закономерности в развитии организационного построения, форм и способов действия партизанских сил в тылу немецко-фашистских войск на Западном стратегическом направлении.

В 2007 г. защищена докторская диссертация С.В. Кулика «Антифашистское движение Сопротивления на оккупированной территории РСФСР в 1941-1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства)»^{dxxxii}. К сожалению, несмотря на обобщающий характер заявленной темы работы, автор ограничивает географические рамки исследования лишь западными и северо-западными областями РСФСР. В историографическом обзоре соискатель не приводит ни одного диссертационного исследования по обозначенной проблематике, выполненного в 2000-2006 гг.

История партизанского движения в отдельных областях СССР получила значительную разработку в ряде региональных исследований. Диссертации А.А. Волоковых, А.С. Линца, Ю.Л. Евтушенко, О.И. Кулагина^{dxxxiii} и монография В.А. Спириденкова^{dxxxiii} освещают вопросы организационно-тактического оформления, материально-технического обеспечения, боевой деятельности партизанских формирований Ленинградской, Псковской, Мурманской областей, Карелии, Ставропольского края и Кубани. Причем, отличительной особенностью современного подхода к изучению проблемы организации сопротивления становится детальный анализ объективных факторов развертывания партизанского движения, к числу которых отнесены: географические условия, экономическое положение, демографическая ситуация в регионах.

Фундаментальные издания «Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.)» и «История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945»^{dxxxiv} объединяет авторский коллектив, состоящий из ведущих специалистов по обозначенной проблематике и круг затронутых вопросов. Кроме традиционной проблемно-хронологической характеристики деятельности партизанских формирований, в них раскрываются и такие аспекты партизанской борьбы, как военное искусство и быт партизан, анализируются трудности и просчеты в становлении партизанского движения.

Новые публикации о партизанском движении, не умаляя его значения как важной составляющей всенародной борьбы с врагом, отличаются более критичным подходом, обращают внимание и на упущения, просчеты в организации и руководстве партизанскими силами в годы войны. Более объективно, нежели ранее, представлена роль в организации борьбы во вражеском тылу различных руководящих структур. В исследованиях докторов исторических наук В.И. Боярского и А.Ю. Попова^{dxxxv} впервые отражена ключевая роль структур НКВД в руководстве партизанской борьбой на начальном этапе Великой Отечественной войны, рассмотрены проблемы правового регулирования и тактики действий партизанских сил. Вместе с тем, в силу выбранной тематики, авторы не смогли

показать взаимосвязь партийно-политических структур, органов госбезопасности и военного командования в оперативно-стратегическом управлении партизанским движением.

Современная военно-политическая ситуация, выражающаяся в усилении угрозы терроризма и активном использовании в борьбе с ним спецслужб, стимулировали повышение интереса к истории партизанских и контрпартизанских действий, подготовке подразделений специального назначения. В издаваемой с 1997 г. под редакцией А.Е. Тараса серии «Коммандос» подготовлен ряд хрестоматий по интересующей проблеме^{dxxxvi}. Большая часть работ по истории партизанского движения периода Великой Отечественной войны, включенных в сборники, была издана в 1940-е годы ограниченными тиражами и длительное время была доступна лишь узкому кругу военных специалистов.

Ранее закрытая для широкого круга исследователей тема участия органов государственной безопасности и военной контрразведки в Великой Отечественной войне, в организации сопротивления оккупантам нашла отражение в ряде работ с презентабельными названиями: «НКВД - НКГБ в годы Великой Отечественной войны. Неизвестные страницы» - в серии «Лубянка открывает архивы»; «Супермены Сталина. Диверсанты страны Советов» - в серии «Спецподразделения и спецслужбы мира» и др.^{dxxxvii} Указанные издания тиражируют введенные ранее в научный оборот (в 1990-е – нач. 2000-х гг.) источники и фактический материал.

В условиях продолжающегося антагонизма подходов к освещению истории Великой Отечественной войны, заметно выделяются исследования военных историков старшего поколения Т.К. Дандыкина, В.А. Пережогина^{dxxxviii}, которые, несмотря на расширяющуюся источниковую базу, стремятся дать объективный анализ событий. К числу таких работ можно отнести и монографии Г.А. Куманева «Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» и «Проблемы военной истории Отечества (1938-1945 гг.)»^{dxxxix}. Глубокие выводы автора основаны не только на анализе большого количества документального материала, но и на личных встречах с организаторами и руководителями партизанского движения П.К. Пономаренко, К.В. Ворошиловым и др.

В 2008 в журнале для ученых «Клио» (Санкт-Петербург) была опубликована статья доктора исторических наук С.Н. Полторака «История сопротивления германскому фашизму глазами современных российских историков»^{dxli}. В ней автор анализирует современные тенденции изучения в России истории германского антифашизма, в том числе дает высокую оценку монографии «Поднимались воины народа»^{dxli}, в которой на большом фактическом материале центральных и региональных архивов, печатных источников, мемуаров участников событий, объективно освещается сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории Центрально-Черноземного региона РСФСР осенью 1941 – летом 1943 гг.

Таким образом, отечественными исследователями накоплен значительный опыт научного анализа проблем сопротивления немецко-фашистским оккупантам в годы Великой Отечественной войны. Но фундаментальная разработка проблем минувшей войны, но их популярное изложение, доступное широким слоям населения, в первую очередь, молодежи, формирование исторической памяти народа, предотвращение фальсификации истории Великой Отечественной войны, отстаивание национальные интересы Российской Федерации продолжают оставаться главными задачами военно-исторической науки в России. И долг

каждого честного историка - дать глубокий научный и гражданский анализ того, что он излагает на страницах своих исследований.

- dxxvii Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 329.
- dxxviii Там же. С. 4.
- dxxix Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки: В 4-х кн. М., 1998-1999.
- dxxx См.: Азянский Н.Ф. Опыт борьбы советских партизан на западном стратегическом направлении в 1941-1944 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М. 1993.
- dxxxii Кулик С.В. Антифашистское движение Сопротивления на оккупированной территории РСФСР в 1941-1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб, 2007.
- dxxxiii Волоковых А.А. Объективный фактор в организации и развитии партизанского движения на Северо-Западе Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2002; Евтушенко Ю.Л. Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны : Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2005; Кулагин О.И. Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы: 1941-1944 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005; Линец А.С. Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации: Июль 1942 – январь 1943 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.
- dxxxiv Спириденков В.А. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941-1944. М., 2007.
- dxxxv См.: Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Жуковский; М., 2001; История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Историографическое исследование партизанского движения на временно оккупированных территориях Российской Федерации во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. М., 2001.
- dxxxvi Боярский В.И. Партизаны и армия (История упущенных возможностей). Мн.; М., 2003; Он же. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. М., 2003. Попов А.Ю. Борьба гитлеровцев против советских партизан в годы Великой Отечественной войны. // Военно-исторический архив. 2002. № 9 (33). С. 125-145. Он же. НКВД и партизанское движение. М., 2003. Он же. Диверсанты Сталина. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004; Он же. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории (1941-1944 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – С.48.
- dxxxvii Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: хрестоматия. Мн., 2003; Спутник разведчика и партизана: Сборник. Мн., 2004; Антипартизанская война в 1941-1945 гг. М.; Мн., 2005; Пятницкий В.И., Старинов И.Г. Разведшкола № 005 / В.И. Пятницкий; История партизанского движения / И.Г. Старинов. М.; Мн., 2005.
- dxxxviii Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004; Попов А.Ю., Цветков А.И. Бог диверсий: Профессор русского спецназа Илья Старинов. М., 2004; Абрамов В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М., 2005; Дегтярев К. Супермены Сталина. Диверсанты Страны Советов. М., 2005; Зевелев А., Курлат Ф. Люди особого назначения. М., 2005; Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. М., 2005; Чертопруд С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005.
- dxxxix Дандыкин Т.К. Не ставшие на колени. – Брянск, 2005; Пережогин В.А. Партизаны в Московской битве. М., 1996.
- dxl Куманев Г.А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2004; Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938-1945 гг.). М., 2007.
- dqli Полторац С.Н. История сопротивления германскому фашизму глазами современных российских историков // Клио. – 2008. – № 2 (41). – С. 46-48.
- dqlii Коровин В.В. Поднимались воины народа (Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг.). – Курск, 2008. – С. 512.

А.А.Печенкин

О потерях генералитета в Великой отечественной войне: подведение итогов

В российской исторической литературе называются разные цифры генеральских потерь. А.А.Шабаев писал о 438 генералах и адмиралах, погибших в

период войны^{dxlii}, а И.И.Кузнецов назвал цифру – 442 человека^{dxliii}. В 1993 и 2001 годах двумя изданиями опубликовано статистическое исследование о потерях Советских Вооруженных Сил в XX веке^{dxliv}. Если в первом издании называлась цифра 421 генерал, то во втором она была уменьшена до 416 человек. Хотя должно было быть наоборот, так как за время, прошедшее между двумя изданиями, были выявлены дополнительные сведения о погибших на войне генералах, и общая цифра потерь должна была возрасти. В 1991-1994 годах в "Военно-историческом журнале" был опубликован список, содержащий 416 фамилий генералов и адмиралов^{dxlv}.

Изучение военно-исторической литературы, документов РГВА и ЦАМО РФ позволило автору выявить еще 44 генерала, погибших в 1941-1945 гг., доведя их число до 460 человек, в том числе 374 генерал-майора (81,3%), 66 генерал-лейтенантов (14,35%), 6 генерал-полковников, 4 генерала армии, 7 контр-адмиралов, 2 вице-адмирала и 1 маршал Советского Союза.

Установив общую цифру потерь, необходимо рассмотреть их по периодам войны и обстоятельствам смерти. К боевым потерям относятся 296 человек (64,35%), из них 182 погибли в бою, 62 умерли от ран, 15 пропали без вести, 23 погибли в плену, 9 подорвались на минах, еще 5 погибли при других обстоятельствах.

Закономерно, что наибольшие боевые потери имели место в 1941 г., когда Красная Армия отступала, целые армии попадали в окружение, сотни тысяч людей оказались в плену, в том числе десятки генералов. За годы войны свыше 70 генералов были пленены, из них 23 погибли. Боевые потери за шесть месяцев 1941 г. составили 74 человека, то есть ежемесячно погибало 12-13 генералов.

Тяжелая обстановка отступления зачастую вынуждала генералов заниматься не своим делом. Известно много случаев, когда генералы, вместо того, чтобы руководить боем с командного пункта, лично вели своих бойцов в атаку и погибали на поле боя.

Постепенно росло боевое мастерство офицеров и генералов, улучшалась обстановка на фронте, что привело к резкому сокращению генеральских потерь. В 1942 - 1944 гг. ежемесячные боевые потери сократились до 5 человек.

Динамика небоевых потерь была совершенно иной. В 1941 г. 1 генерал погиб в катастрофе, двое застрелились, трое умерли от болезней, а 26 генералов были осуждены и расстреляны по ложным обвинениям. В 1942 г. жертвами необоснованных репрессий стали 24 генерала, а в 1943 – еще 4. В 1941-1942 гг. доля репрессированных генералов в небоевых потерях составляла от 60 до 80 %.

В 1943-1945 гг. картина изменилась. Основную часть небоевых потерь (от 61 до 77%) составляли умершие от болезней. Если в 1941 г. их было 3, в 1942 г. – 12, в 1943 г. – 24, в 1944 г. – 32, а за январь-апрель 1945 г. от болезней умерло 11 генералов и адмиралов. Многим из умерших генералов (около 60%) не исполнилось еще 50 лет. Сказывалось огромное нервное и физическое напряжение военных лет, постоянные стрессы, приводившие к обострению старых недугов и преждевременной смерти.

Кроме того, в автомобильных и авиационных катастрофах за годы войны погибло 19 генералов и адмиралов, подавляющее большинство в 1944 и 1945 гг. Удельный вес небоевых потерь в 1941 г. составил 30 %, а в 1944 – 1945 гг. – 36-39% от общих потерь.

За 46 с половиной месяцев войны общие безвозвратные потери (боевые и

небоевые) достигли 460 человек, т.е. в среднем по 10 человек в месяц. Но эти потери по годам войны распределялись неравномерно. Наибольшими они были в 1941 г., когда за 6 месяцев погибли и умерли 106 человек, т.е. по 18 человек ежемесячно. В 1942 – 1944 гг. общие потери были вдвое меньше (от 8 до 9 человек в месяц). И в последние месяцы войны, январь – май 1945 г. вновь наблюдается большой рост безвозвратных потерь (по 12 человек в месяц). Однако в 1945 году этот рост в основном достигается за счет большого количества умерших от болезней и погибших в катастрофах.

Наибольшее число безвозвратных потерь в высшем офицерском составе армия и флот понесли в первые полтора года войны. За 1941—1942 гг. они составили более 45 % всех потерь генералов за войну. В 1943 г. выбыло из армии 94 генерала, две трети этого числа составили боевые потери.

В 1944 г. при росте общих потерь наблюдалось заметное снижение числа боевых потерь генеральского состава, что было естественным результатом роста технической оснащенности армии и повышения боевого мастерства, организаторских способностей командных кадров.

Важно проанализировать, какие должности занимали погибшие советские генералы и при каких обстоятельствах они погибли.

В годы войны погибли, умерли от ран и болезней 22 командующих армиями и 8 их заместителей, 55 командиров корпусов и 21 заместитель командира корпуса, 127 командиров дивизий и 8 командиров бригад. Чем объяснить такие большие потери?

В 1941-1942 гг., когда вермахт стремительно наступал, сближение с противником было максимальным. В этой обстановке генералы РККА нередко находились непосредственно на поле боя под артиллерийским и оружейным огнем и погибали. У генералов 1941-1942 гг. не было современного боевого опыта. На потерях сказалось и то, что в начале войны войскам иногда ставились нереальные задачи, попытка выполнить которые приводила к излишним жертвам, в том числе и среди генералитета.

Потери высшего офицерского состава Военно-Морского Флота были сравнительно невелики – 17 адмиралов и генералов. Дело в том, что наш флот не вел крупных морских баталий, в которых могли бы участвовать адмиралы и генералы ВМФ. Двенадцать из семнадцати составили небоевые потери от болезней, несчастных случаев, автомобильных и авиационных катастроф.

Безвозвратные потери генералов по составам, видам и родам войск распределились в следующем соотношении: командный состав 88,9%, политический – менее 2%, технический – 2,8 %, административный – 4,6%, медицинский – около 1%, юридический - 0,65%.

Рассмотрим потери генералов по видам Вооруженных Сил. Генералы Военно-Воздушных Сил составили 8,73 %, а адмиралы и генералы Военно-Морского Флота - 3,71 % общего числа потерь высших офицеров. Наибольшие потери имели Сухопутные войска — 87,56 % погибших генералов.

Можно сделать вывод, что из числа погибших и пропавших без вести высших офицеров наибольшая доля приходится на командный состав действующей армии: командующих войсками фронтов и армий, их заместителей и начальников штабов, командиров корпусов, дивизий, бригад. Верные воинскому долгу, военной присяге, генералы личным примером вдохновляли солдат на поле боя, вместе с ними побеждали и погибали.

На мой взгляд, интересно сравнить масштабы потерь советского и немецкого генералитета. По опубликованным данным, за годы войны были убиты 289 немецких генералов и адмиралов, без вести пропали - 48, умерли в плену - 188, покончили самоубийством - 110, казнены немцами - 22, казнены союзниками - 58, умерли от последствий войны - 196. Всего – 963^{dxlvi}. Общие потери немецкого генералитета вдвое превышают число погибших советских высших офицеров: 963 против 460. Причем по отдельным категориям потерь превышение было значительно больше. Так, например, в результате несчастных случаев немецких генералов погибло в два с половиной раза больше, без вести пропало в 3,2 раза больше, а в плену умерло в восемь раз больше, чем советских. Наконец, самоубийством покончили 110 немецких генералов, что в 11 раз (!) больше, чем советских. Это свидетельствует о катастрофическом падении в конце войны боевого духа гитлеровских генералов. На мой взгляд, эти цифры свидетельствуют о превосходстве нашего генералитета над генералами противника, о более высоком уровне советского военного искусства особенно на завершающем этапе войны.

Из 460 погибших в период Великой Отечественной войны советских генералов 63 человека, т.е. каждый седьмой были удостоены высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза. Их высокие награды доказывают, что они умело руководили войсками, владели тактикой и оперативным искусством, а когда требовалось, проявляли личную храбрость, вдохновляли своим примером подчиненных. Под руководством этих генералов, советские воины в годы Великой Отечественной войны проявили массовый героизм, изгнали агрессора с родной земли и разгромили сильнейшую армию Западной Европы, принесли свободу народам Европы. Славные полководцы и доблестные генералы Красной Армии, отдавшие жизнь за дело освобождения Родины от фашистских поработителей, навсегда останутся в памяти народной.

^{dxlii} Шабаев А.А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 180.

^{dxliii} Кузнецов И.И. Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940-1953 гг. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2000. С. 182.

^{dxliv} Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 321; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С.430.

^{dxlv} Военно-исторический журнал. 1991. № 9-12; 1992. № 6-12; 1993. № 1-12; 1994. № 1-6.

^{dxlvi} Военно-исторический журнал. 1962. № 12. С. 78.

Малышева Е.М.

Дискуссионные проблемы истории Второй мировой войны в новейшей германской историографии и формирование исторической памяти

Дискуссионные вопросы истории второй мировой войны, в том числе преодоление стереотипов наследия войны в восприятии образа России^{dxlvii} напрямую связаны с формированием исторического сознания немецкого общества и сохранением исторической памяти в германском обществе. С середины 80-х годов XX века одновременно с расширением источниковедческой базы, открытием

новых источников и материалов наблюдается развитие в германской историографии темы истории нацизма в период Второй мировой войны, активизируется в научных кругах интерес и расширяются дискуссии. Усилению, порой реанимации реакционных взглядов на некоторые страницы, связанные с этим непростым периодом истории Германии, а также решающее влияние на активизацию историографии темы оказал распад СССР, «падение» берлинской стены и крушение всей социалистической системы. Наблюдается некоторая попытка ревизии отдельных оценок нацистского государства и общества в свете новых документов. Это касается, в том числе, экономической основы нацистского государства, идеи «народного сообщества», роли некоторых государственных органов в нацистской системе власти: гестапо, вермахта и др., преступлений нацистского режима. В немецкой историографии и публицистике наряду с конструктивным поиском объективной истины и исторического осмысления событий 65-летней давности, время от времени настойчиво реанимируется тезис о превентивной войне Гитлера против СССР, «обосновываются» суждения о «равной ответственности» нацистской Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны. Осужденные в Нюрнберге системные преступления нацистов против человечности пытаются уравнивать со спонтанными актами насилия по отношению к гражданскому населению со стороны советских войск. Гитлеровская война на уничтожение идентифицируется со сталинской войной на уничтожение. Все эти суждения крайне реакционного характера дополняются в настоящее время попытками пересмотра со стороны националистической части общественности бывшего «социалистического лагеря» и некоторых республик распавшегося СССР тезиса об антифашистской, освободительной миссии Советского Союза в Европе^{dxlviii}. Позитивное влияние на объективное освещение исторических реалий оказывает усиление взаимодействия германских историков российскими и с восточноевропейскими коллегами в области изучения нацизма.

В поле дискуссионного дискурса современной германской историографии такие вопросы истории, как «война Гитлера на Востоке», осмысление «вины немецкого народа», преступления вермахта, государство и общество Третьего рейха. Социальная история германского общества переживает основательные трансформации, связанные с развитием исторической антропологии, «школ повседневности», истории ментальности, «устной» локальной истории, интересом к гендерным сюжетам. Тема войны на Востоке вновь становится объектом внимания немецких историков. Необходимо подчеркнуть, что достаточно серьёзные результаты достигнуты и многое сделано либеральным направлением новейшей германской историографии для формирования антифашистского исторического сознания немецкого общества и усвоения Германией уроков нацистского прошлого. К солидным исследователям либерального направления относятся А. Мессершмидт, Г.Юбершер, Вольфрам Ветте, Х-Х.Нольте, Вигберт Бенц, Моммзен, Випперман, Фауленбах и др. Исследования и суждения этих немецких историков, их, оценки нацизма войны на Востоке и вины немцев определили тенденцию объективного подхода к освещению сложных проблем социальной истории войны. Особое внимание уделяется влиянию на общественное сознание нацистской пропаганды во время войны, изучению деятельности НСДАП, роль концлагерей в экономика рейха, Холокост, Соппротивление и др. Немецкие авторы используют современные методики исследования индивидуального и группового менталитета солдат вермахта, таких источников личного

происхождения, как фронтовые письма, дневники, зарисовки военных будней, воспоминания. В этом контексте интерес представляет монография известного германского историка К.Герлаха «Преступник в разрезе: действия и мотивации». В новейшей немецкой историографии продолжается разработка проблемы геноцида: особое место занимает «Холокост», гетто, основательно изучается расовая теория нацистов, юстиции и законодательство Третьего рейха, здравоохранение и медицина. В формате дискуссии высказывается точка зрения демократических авторов, что геноцид был не следствием войны, а проявлением расизма, в отличие от точки зрения их оппонентов, объясняющих Холокост причинами войны.

Важная составляющая часть немецких исследований - судьба жертв нацизма, советских военнопленных, остарбайтеров, концлагеря, «трудовые» лагеря. Одна из наиболее дискутируемых в Германии - это тема участия вермахта в преступлениях нацистского режима. Длительное время в западногерманском обществе превалировала точка зрения о том, что если вермахт и совершал преступления, то они носили единичный характер, немецкие солдаты честно выполняли свой долг, армия в условиях нацизма была втянута в них. Неоднократно в научных трудах и СМИ Германии, на конференциях говорилось о психологическом «шоке» немецкого общества, вызванного передвижной выставкой о преступлениях вермахта на Восточном фронте, в войне против СССР. Выставка экспонировалась в всех крупных городах Германии и стала, по отзывам, потрясением для немецкого общества. Экспозиция основательно разрушила в историческом сознании немцев легенду о «чистом» вермахте, тем не менее, в немецкой историографии до сих пор существуют глубокие разногласия по этому вопросу. Большим коллективом авторов – представителей разных поколений историков был подготовлен солидный компендиум «Вермахт: мифы и реальность». По мнению российских исследователей, он преследовал цель смягчить негативное впечатление о вермахте, вызванное выставкой «Преступления вермахта»^{dxlix}. Исследования поведения солдат и офицеров вермахта с гражданским населением в период военных действий и оккупации показали высокую степень их участия в преступлениях нацистского режима. Подготовка, развязывание и осуществление «расово-мировоззренческой войны» на востоке остаётся одной из дискутируемых и изучаемых тем. Поиск объективной истины и историческое осмысление событий 65-летней давности преступной «войны на Востоке» германскими историками дал значительные результаты: В. Ветте, Х-Х. Нольте, Г. Юбершер, М. Мессершмидт, Андреас Хильгрубер, Юргена Хабермаса [и др. историки внесли в это большой вклад. Тем не менее, остаются дискуссионными многие вопросы, в том числе «превентивность» войны; не все авторы разделяют тезис о характере войны против СССР как «войны на уничтожение».^{dl}

Спустя десятилетие это миф был развеян в ряде работ немецких историков. Г.Юбершер, называет «абсурдным» заключение, что советское руководство «само спровоцировало» нападение Гитлера. Следствием стремления некоторых историков установить непосредственную связь – «причинную связь» (Нольте) – между Освенцимом и ГУЛАГом может оказаться представление, будто взаимосвязь между массовым уничтожением европейских евреев и войной Гитлера на уничтожение за «жизненное пространство на Востоке» распалась. Да, некоторым хочется отвлечься от воспоминаний о преступлениях, совершенных немцами на захваченных территориях. От исторического бремени расистски мотивированной войны на Востоке быстрее всего освободиться, если представить

приказ Гитлера о нападении на СССР – а также преступления Холокоста в Освенциме – как «вынужденную меру» и одновременно как страх перед потенциальным «азиатским нашествием» - пишет Г.Юбершер^{dlii}.

Предпринятая в тени «спора историков» попытка истолковать немецкое нападение на СССР 22 июня 1941 г. как «превентивную войну» строится спекуляциях, которые представил в книге «Война Сталина» (1985) Эрнст Топич^{dlii}, на выводах И.Хофмана. Попытки доказать «относительность» преступлений нацистского государства и поставить под сомнение особенный характер нацистских массовых убийств встретили резкие возражения, в том числе Юргена Хабермаса.^{dliiii} Острота дискуссии связана с проблемой исторической памяти и поиском национальной идентичности немцев, вызвавшие поиски позитивного образа Германии. Осмысление «вины немецкого народа» обозначено в «Восточном меморандуме» евангелической церкви в Германии: «Война против Советского Союза планировалась и велась как всецело захватническая и была войной на уничтожение».^{dliiv} Это признание прозвучало и в концепции берлинской выставки 1991 г. «Война против Советского Союза 1941-1945 гг.».^{dliiv} Сотрудничество немецких и российских историков ярко проявилось в ходе празднования в 2003 г. 60-летия Сталинградской битвы. Состоявшаяся в Волгограде (автор настоящей статьи Е.М.принимала участие), солидная международная конференция, выступления известных германских специалистов по войне на Востоке, в основном – демократического направления показала, что эти немецкие учёные за объективное освещение событий войны и формирование неискаженной исторической памяти германского общества. В. Ветте подчёркивает значение новых оценок роли вермахта в нацистских преступлениях для формирования культуры исторической памяти немцев. В материалах конференции немецкие историки в целях формирования антифашистского исторического сознания молодого поколения разрушают старые мифы о нацизме, истребительной войне на Востоке, блокируют механизм вытеснения исторической правды из немецкого общества. Преодоление разночтений в оценке одних и тех же событий в историографической ситуации связано с расширением сотрудничества немецких и российских учёных. Развитие исследовательского интереса позволит создать взвешенную многоаспектную картину прошлого, и будет способствовать эффективности поиска объективной истины и историческому осмыслению событий 65-летней давности, из которого всем необходимо извлекать уроки.

^{dxlvii} Ветте В. Россия в представлениях немцев в XX веке // Германия и Россия: События, образы, люди. Сборник российско-германских исследований. Вып. 1. Воронеж, 1998. С. 4-22; Юбершер Г.Р. «Образ России» в кругах германского Сопротивления Гитлеру // Там же. С. 34-47; и др.

^{dxlviii} Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985-2005). Автореферат дисс.....учён.степени .и.н. Кемерово, 2007. С.10.

^{dxlix} Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985-2005). Кемерово, Кузбассвузиздат, 2007. – 275. История Германии в 3 томах. Учебное пособие для студентов вузов. Под общей редакцией Б.Бонвеча, Ю.В.Галактионова.- Кемерово, Кузбассвузиздат, 2005. Том 2. Глава IV. Германия в годы нацистской диктатуры. – С. 190-283. Korneva L. Die Diskussion ueber den Nationalsozialismus in den "Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte" 1993-2003. // Auseinandersetzungen mit der Diktaturen. Russische und deutsche Erfahrungen. Hg. Hans-Heinrich Nolte: Muster-Schmidt Verlag.- Gleichen- Zuerich, 2005. – S. 153–158.

^{dl} Пост В. «Гитлер развязал войну против Советского Союза не столько из идеологических и расовых мотивов, сколько из реально-политических событий 1940 – начала 1941 г.»

^{dli} Ueberschär G.R. Das „Unternehmen Barbarossa“ gegen die Sowjetunion – ein Präventivkrieg? Zur Wiederbelebung der alten Rechtfertigungsversuche des deutschen Überfalls auf die UDSSR 1941 // Wahrheit und

„Auschwitzlüge“. Zur Bekämpfung „revisionistischer“ Propaganda [Правда и «ложь» Освенцима. Борьба с «ревизионистской» пропагандой] Hrsg. von B. Bailer-Galanda, W. Benz und W. Neugebauer. – Wien, 1995. S. 163–182 Герд Р. Юбершер. План «Барбаросса» против Советского Союза – превентивный удар? К вопросу о попытках оправдать нападение Германии на СССР в 1941 г.

^{dlii} . Topitsch E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. – München, 1985, 2. Aufl., 1986, 3. Aufl. 1990.

^{dliiii} . Gerd R. Ueberschär. Deutsche Zeitgeschichte in Hitlers Schatten. Ein Überblick zum „Historikerstreit“ über die Ursprünge und Vergleichbarkeit der NS-Verbrechen // Erler, Müller u.a. S. 2–85; „Historikerstreit“ und „Präventivkriegsthese“ // Tribüne. Nr. 26 (1987). S. 108–116.

^{dliiv} / Versöhnung und Frieden mit den Völkern der Sowjetunion / Hrsg. von Arbeitsgemeinschaften Solidarischer Kirche Westfalen und Lippe u. a. Herausforderungen zur Umkehr. Eine Thesenreihe. Redaktion: H. Lenhard. – Gütersloh, 1987; дае в: Neue Thesen zur Versöhnung mit der Sowjetunion. „Glasnost“ auch im Westen // Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt. Nr. 23 (7.6.1987). S. 16.

^{dliiv} . Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 – 1945. Eine Dokumentation (Ausstellungskatalog) / Hrsg. von R. Rürup. – Berlin, 1991.

А.В Голубев

"Англия и Америка повернут нас на старый лад..."

В данном докладе речь пойдет о том, как в ходе войны, прежде всего в 1943-1945 гг., когда исход ее стал очевиден, в массовом сознании советского общества ставился и решался вопрос о роли союзников по антигитлеровской коалиции в послевоенном развитии страны и мира.

Предполагалось, что союз с США и Великобританией должен привести к демократизации советского общества. А сохранение этого союза казалось многим необходимым для послевоенного восстановления СССР.

Впрочем, здесь были разные мнения. Так, Вс.Вишневский 28 января 1943 года записал в дневнике: "Непрерывное обсуждение проектов послевоенного устройства мира. Существует ряд конкретно разработанных планов... СССР должен прийти к "круглому столу", имея максимальные ресурсы и наиболее выгодные военные и политические позиции. Воля СССР должна быть осуществлена!" Физик В.С.Сорокин писал в частном письме в январе 1944 г.: "Насчет того, что планируют союзники, прочти в № 10-11 "Мирового хозяйства" о том, что они собираются сделать в Европе после войны. Вот уж кто мерзавцы, так это они. Ханжи и бандиты, каких больше не найдешь нигде. Не далее как в 1947 г. мы будем иметь с ними дело"^{dlivi}.

И все же чаще встречались более оптимистические представления о послевоенном будущем. Точнее и глубже многих выразил это академик В.И.Вернадский (запись в дневнике от 15-16 ноября 1941 г.): "Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется - огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами - демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения - особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий..."^{dliivii}

Необходимость коренных изменений ощущалась многими. Весной 1943 г. в Институт экономики АН СССР была представлена докторская диссертация Н.И.Сазонова "Введение в теорию экономической политики". По мнению автора диссертации, соглашения и договоры с Англией и США "открывают широчайшие

перспективы международного экономического сотрудничества". Диссертант выступал за отказ от монополии внешней торговли и привлечение в экономику страны иностранных капиталов. Интересен следующий вывод рецензента: "автор пытается теоретически обосновать необходимость возвращения России в систему капиталистических государств. *Обстановка, созданная войной, как видно, начинает формировать определенную идеологию и с этой стороны работа заслуживает внимания*" [курсив мой – авт.]^{dlviii}

"Коренных изменений" под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне. "Усиленно распространяются слухи о том, что скоро будет у нас введена свобода различных политических партий, а также свобода частной торговли, что будет выбран новый царь, что после войны миром будут руководить Америка и Англия и т.д." - утверждалось в справке о политических настроениях в Свердловске в 1943 г. А крестьяне Тихвинского района Ленинградской области в 1944 г. говорили, что "после войны у нас коммунистов не будет. Партия большевиков должна отмереть и отомрет, потому что наши союзники Англия и Америка капиталисты, поставят дело так, как им нужно"^{dlxix}.

Среди вопросов, заданных весной 1943 г. во время собраний или лекций, в частности, в Башкирской области, есть и такой: "Правда ли, что при заключении договора союзники ставили три вопроса - открытие церквей, введение погон, роспуск колхозов?" Подобный вопрос задавали и в Удмуртии - "Правда ли, что Америка требует от нас роспуска колхозов и восстановления церкви?" Введение в Красной армии погон приписывалось давлению англичан и рабочими свердловских заводов^{dlx}.

Ликвидация колхозов представлялась особенно вероятной. Вот примеры подобных высказываний: "Они требуют, чтобы не было больше колхозов, а наши не соглашаются. Возникнет новая война и нам тоже уж не справится, заберут нас англичане и не будет больше колхозов... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка"^{dlxi}.

Характерно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: "Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников - Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад..."^{dlxii}

Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей - позитивной или негативной - оценки этого решения, причину его практически единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам: "Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое безусловно способствует укреплению связи между СССР и союзниками... Нам начинают диктовать и вообще сейчас мы во многом зависим от союзников... Роспуском Коминтерна мировую революцию похоронили навечно... Компартии на западе влачили жалкое существование, а теперь и эта система рухнула под нажимом Америки и Англии". И вполне логичным казался следующий вывод: "Коминтерн как неудобная нашим союзникам организация уже распущена и

ропуск этот совпал с пребыванием у нас серьезных представителей от союзников. Надо полагать, что это сделано по их предложению, теперь надо ждать дальнейших изменений в государственном строе в СССР". Приведенные здесь высказывания зафиксированы в Ленинграде, но сохранились справки об отношении к роспуску Коминтерна в Ульяновской и Свердловской областях, которые дают практически идентичную (хотя и менее подробную) картину. В Удмуртии даже высказывалось предположение, что роспуск Коминтерна приведет к роспуску коммунистической партии в СССР^{dlxiii}.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. Например, в Ленинграде в 1942 г. появились слухи о том, что ведутся переговоры о сдаче города "в аренду" на 25 лет. В результате "скоро будет изобилие продуктов и разных товаров, так как город сдают в аренду англичанам и американцам". Впрочем, о судьбе Ленинграда в других частях страны высказывались в связи с союзниками еще более неожиданные предположения. Так, в Удмуртии лектору был задан вопрос: "Правда ли, что Рузвельт предъявил т.Сталину, чтобы отдали Ленинград немцам, тогда будем помогать". В июне 1944 г. подобные слухи были зафиксированы в Архангельске, где трудящихся волновал среди прочего такой вопрос: "Правда ли, что благоустроят города Архангельск и Молотовск [*ныне Северодвинск – авт.*] в связи с передачей их в аренду Англии"^{dlxiv}.

Встречались и такие предположения, что в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений, "все наши ценности союзники заберут и мы на них работай". Иногда подобные опасения конкретизировались: "Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?" - спрашивали жители Башкирской области весной 1943 г.^{dlxv}

Ленинградец И.И. Жилинский в своем блокадном дневнике в январе 1942 г. сделал, пожалуй, наиболее трезвый вывод: союзники "имеют попытку повлиять на внутренний режим в нашей стране в смысле свободы слова и вероисповедания в полном смысле этих терминов на демократических началах. Однако наши в этом, конечно, проявят достаточно увертливости, а Америка и Англия отступят и разрешат нам "вариться в собственном соку"^{dlxvi}.

Так и произошло; более того, послевоенная история характеризуется прежде всего политикой "холодной войны", в ходе которой негативные довоенные стереотипы относительно друг друга не только возродились, но и были дополнены подозрениями и обидами уже военного времени.

^{dlvi} Вишневский В.В. Дневники военных лет (1943,1945 гг.) М.,1979. С.62-63; Сорокин В.С. Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново,1995. Вып.2. С.161.

^{dlvii} Вернадский В.И. "Коренные изменения неизбежны..." Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С.215-216.

^{dlviii} РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.133. Л.1,10.

^{dlxix} Там же. Оп.125. Д.181. Л.5; Международное положение глазами ленинградцев, 1941-1945 (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.,1996. С.125.

^{dlx} РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.255. Л.112; Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (ЦДНИУР). Ф.16. Оп.1. Д.3790. Л.12; Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.161. Оп.6. Д.1651. Л.28

^{dlxi} Международное положение глазами ленинградцев... С.126.

- dlxii Цит. по: Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 гг. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 3. С.36.
- dlxiii Международное положение глазами ленинградцев... С.94-95; РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.247. Л.29-29 об.; Оп.125. Д.181. Л.3-5; ЦДНИУР. Ф.16. Оп.1. Д.3790. Л.14.
- dlxiv Международное положение глазами ленинградцев... С.44; ЦДНИУР. Ф.16. Оп.1. Д.3790. Л.14; РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.262. Л.88.
- dlxv Международное положение глазами ленинградцев... С.124; РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.255. Л.126.
- dlxvi Жилинский И.И. Блокадный дневник (осень 1941 - весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С.6.

С.А. Герасимова

Военные действия в районе ржевско-вяземского выступления в 1942-1943 гг. в современной историографии

За последнее двадцатилетие в истории Великой Отечественной войны рухнули многие сложившиеся в советское время штампы и мифы. По ряду проблем военной истории идет острая полемика.

Это относится и к оценке военных действий в районе ржевско-вяземского выступления в 1942 - начале 1943 гг. Используя обнародованные в 1990-2000-е годы новые документы, факты, ряд исследователей, в частности, автор данной публикации, краеведы, участники событий, опираясь на существующий в военно-исторической науке понятийный аппарат, предложили рассматривать эти военные действия не как бои, или отдельные операции, а как битву. Город Ржев, подобно Москве, Сталинграду, Курску, стал городом-символом, давшим название битве, развернувшейся на территории ржевско-вяземского выступления в линии советско-германского фронта. Целью Ржевской битвы было, с советской стороны - ликвидация опасного плацдарма вермахта у столицы и нанесение поражения группе армий «Центр», с германской стороны – удержание выгодного плацдарма в центре советско-германского фронта. Завершение битвы при получении стратегических результатов не привело к достижению конечной цели ни одну из сторон: советская сторона ликвидировала опасный плацдарм противника, но не уничтожила его войска, немецкая сторона потеряла плацдарм, но сохранила войска, которые были использованы на других участках фронта. Ни одна из четырех крупных наступательных операций советских войск на этом участке фронта не достигла поставленных конечных целей и считаются незавершенными, что позволяет говорить о неудачных действиях здесь известных советских полководцев. Битва носила крайне жестокий, кровопролитный характер, что привело с обеих сторон к большим людским и материальным потерям. Значение битвы в том, что она оказало серьезное влияние на стратегию воюющих сторон в 1942-1943 гг., в том числе, на военные действия на центральном участке советско-германского фронта, в районе Сталинграда, Кавказа, Ленинграда, в Европе и в целом для достижения победы в войне. По территориальному размаху, продолжительности, количеству участвовавших с обеих сторон сил, по потерям, значению Ржевская битва сравнима с другими битвами Великой Отечественной войны, в том числе со Сталинградской.^{dlxvii}

Эта интерпретация мало освещенных в советское время событий не была принята представителями официальной историографии. Активную критику этой точки зрения демонстрируют некоторые представители кадрового офицерского

корпуса, отдельные участники войны с устойчиво сложившимися представлениями о военной истории. Они отрицают существование самостоятельной Ржевской битвы («Ржевская битва – псевдонаучный термин», «мифическая Ржевская битва») и большие потери в ней советских войск. Большие споры идут вокруг операции «Марс», оценки действий Г.К. Жукова в районе ржевско-вяземского выступа. В то же время серьезной работы или хотя бы научной статьи, опровергающей основные аргументы сторонников существования Ржевской битвы, нам неизвестны.^{dlxviii}

Официальной господствующей точкой зрения на военные действия в районе ржевско-вяземского выступа на данный момент можно считать перечень четырех крупных наступательных операций, осуществленных здесь советскими войсками: Ржевско-Вяземская стратегическая 1942 г., 1-я Ржевско-Сычевская (летняя), 2-я Ржевско-Сычевская (зимняя), Ржевско-Вяземская 1943 г.^{dlxix} Нужно отметить, что советская историография насчитывала только три операции на этом участке фронта. Операция «Марс» была включена уже в постсоветский период.

Появившиеся в последние годы публикации свидетельствуют о том, что в рядах представителей официальной науки также появилось стремление к пересмотру сложившихся схем истории войны. Сотрудник Института военной истории Б.И. Невзоров, предложил считать крупные наступательные операции советских войск в районе ржевско-вяземского выступа летом, зимой 1942 г. и весной 1943 г. частью битвы за Москву, а окончание Московской битвы отнести к завершению ликвидации немецкого ржевско-вяземского плацдарма. Это – очень основательная поддержка утверждения автора данной публикации о том, что в районе ржевско-вяземского выступа разворачивались военные действия стратегического масштаба - битва.

Также подверглись критике цифры потерь Красной Армии в операциях на ржевско-вяземском выступе, названные в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века»: общие потери в 4-х операциях – 1 324 823 человека. Так, по подсчетам С.Н. Михалева потери в Ржевско-Вяземской операции 1942 г. были больше на 170 тысяч человек.^{dlxx}

В огромной массе литературы по военной истории отдельные российские авторы касаются событий в районе ржевско-вяземского выступа. Многие из них - не профессиональные историки, их работы часто носят научно-популярный характер. Одни из них говорят о неудачных действиях нашей армии на выступе и больших потерях, другие подробно исследуют отдельные эпизоды операций. Не делая глобальных выводов, они вводят в научный оборот новые факты, цифры, имена, тем самым, укладывая «кирпичики» в концепцию самостоятельной Ржевской битвы.^{dlxxi}

К истории военных действий на московском направлении, в районе ржевско-вяземского плацдарма вермахта обращались и обращаются и зарубежные авторы. Работы многих из них написаны достаточно давно, но их переводами в наши дни завалены полки книжных магазинов. Их активно читают, на них ссылаются. Фрагментарно, поверхностно, с неточностями в датах уделяли внимание военным действиям в районе ржевско-вяземского выступа В. Хаупт, П. Карель и др.^{dlxxii}

Наибольший интерес по рассматриваемому вопросу представляет книга генерала Х. Гроссмана, командира 6-й пехотной дивизии, воевавшей в Ржеве в 1942 г. “Rshew-Eckpfeiler der Ostfront”, изданная в 1962 г. Автор описал действия немецкой 9-й армии в верхней части выступа. При этом к книге прилагались схемы всего ржевско-вяземского выступа. По мнению автора, с октября 1941 г. по апрель 1943 г. было шесть сражений вокруг Ржева. Утверждения Гроссмана определяют

точку зрения немецкой стороны на военные действия в районе Ржева до сегодняшнего дня.

В 1996 г. эта книга была переведена и издана в Ржеве под её названием - «Ржев – краеугольный камень Восточного фронта». Это был взгляд с другой стороны, и он во многом вызывал возражения и вопросы. В начале этого года книга была издана издательством «Яуза-Пресс» под названием «Ржевский кошмар глазами немцев». Вероятно, она найдет своих читателей на волне интереса к теме.^{dlxxiii}

Значительным событием в изучении операций в районе ржевско-вяземского выступа стали в 1990-е годы статьи американского историка Д. Гланца, который вначале в ряду “забытых” назвал 2-ю Ржевско-Сычевскую операцию советских войск, а потом первым в историографии вопроса дал её подробное описание, возложив вину за её неудачу на Г.К. Жукова. Исходя из анализа сил к началу наступательных действий в этой, и в Сталинградской операциях, Гланц утверждает, что операция «Марс» была не отвлекающей, а основной. Свои взгляды он изложил в книге «Крупнейшее поражение Жукова», переведенной на русский язык в 2006 г.^{dlxxiv} Книга подверглась жесткой критике историков, представляющих государственные структуры, советских и российских офицеров и ветеранов войны.

Таким образом, к концу нашего десятилетия при наличии большого общественного интереса к военным действиям на московском направлении в 1942-43 гг. в историографии наличествуют их разные оценки, в том числе, отрицающие друг друга. Также присутствует критика официальной отечественной историографии по отдельным аспектам темы со стороны отдельных российских и западных историков, их особая оценка ряда операций на этом участке фронта. Борьба мнений, усиленная некоторыми событиями культурной жизни, продолжается. Будем надеяться, что по мере открытия архивных фондов новые интерпретации событий будут более доказательны.

^{dlxxvii} Герасимова С.А. Не пора ли переосмыслить роль и значение боев под Ржевом? // Вопросы истории. 1998. № 5; Герасимова С.А. Битва за ржевско-вяземский плацдарм // Вопросы истории. 2000. № 4-5; Герасимова С.А. Военные действия в районе ржевско-вяземского выступа в январе 1942 – марте 1943 гг.: Ржевская битва. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тверь, 2002; Герасимова С. Ржев 42. Позиционная бойня.- М.: Яуза, Эксмо, 2007 и др.; Кондратьев О.А. Ржевская битва: полвека умолчания. Ржев, 1998.

^{dlxxviii} Невзоров Б.И.. Выступление на online-конференции «Главные сражения Великой Отечественной войны» в РИА Новости 19.06.2008 г. // <http://www/rian.ru/online/20080619/111323572/html>; Телепровокация к празднику. Интервью с президентом Академии военных наук генералом армии М.А. Гареевым // Красная звезда. 2009. 28 февраля; Все равно перед ними в долгу. Интервью с начальником управления МО по увековечению памяти погибших при защите Отечества генерал-майором А.В. Кирилыным // Литературная газета. 2009. 6-12 мая; Карпов В. Фильм – оскорбление // Там же; Ржевская битва - Традиция // <http://traditio.ru/wiki/> и др.

^{dlxxix} Военная энциклопедия: В 8 томах // Пред. гл. ред. комиссии С.Б. Иванов. Т.7. М.: Воениздат, 2003. С.231-235.

^{dlxxx} Невзоров Б.И. О значении Битвы под Москвой в ходе Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 22; В новой издании книги «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь». М.: «Вече». 2009. С. 104, 179, 180, 181 потери по операциям указаны те же; Михалев С.Н. Стратегические решения. Кн. 2. Красноярск, 1998. С.49.

^{dlxxxi} Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 2002; Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М.: Яуза, Эксмо, 2006; Исаев А.В. Потерянное звено. Предисловие к книге Д. Гланца. Крупнейшее поражение. М.: АСТ: Астрель. 2006; Мельников В.М. Трагедия и бессмертие 33-й армии. Кн. 2. М.: Издательство Патриот, 2006; Абатуров В.В. 1941. На Западном направлении. М, 2007 и др.

dlxxii Карель В. Восточный фронт. Книга 1. Выжженная земля. Книга 2. М, 2003; Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М, 2006 и др.

dlxxiii Grossmann H. Rshew - Eckpfeiler der Ostfront. Freidberg, 1962; Aus dem Kampf der 9.Armee. Hergestellt im Bundesarchiv-Militararchiv. Bestand RH 20-9/635 // Из личного архива Е.С.Федорова; Х. Гроссман. Ржев – краугольный камень Восточного фронта. Ржев, 1996; Х. Гроссман Ржевский кошмар глазами немцев. М, 2010

dlxxiv Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 г.М, 2006.

Л.А. Молчанов

Русские коллаборационистские листовки в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

В годы Великой Отечественной войны командование германскими армиями создало на оккупированной территории СССР мощный агитационно-пропагандистский аппарат. Накануне войны органы пропаганды фашистской Германии являлись одними из самых эффективных в мире. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы с солдатами противника и с гражданским населением оккупированных территорий. Этот опыт они использовали в войне против СССР. В деятельности германского пропагандистского аппарата большое место занимали листовки, с помощью которых удавалось сравнительно быстро реагировать на меняющееся настроение масс. С первых дней Великой Отечественной войны на бойцов и командиров Красной армии, на жителей оккупированных областей СССР обрушился поток фашистских летучих изданий. Листовки выпускались на многих языках народов СССР. Среди них особую роль играли листовочные издания на русском языке.

Общее руководство идеологической работой на оккупированных территориях Советского Союза осуществляло министерство народного просвещения и пропаганды И. Геббельса, одной из важнейших структур которого было управление пропаганды. Это крупнейшее ведомство третьего рейха занималось подготовкой и выпуском брошюр, листовок, газет и плакатов для населения СССР. Своя система организации пропаганды и агитации действовала в аппарате министерства оккупированных восточных территорий А. Розенберга. При генеральном штабе германской армии работало специальное управление по ведению агитации среди населения захваченных областей. В каждой армии имелись взводы и роты пропаганды.

К моменту нападения на СССР в войсках, предназначенных к боевым действиям на восточном фронте, было организовано 19 рот пропаганды. В их составе пропаганды организовывались отделы печати. Кроме того, в войсках SS насчитывалось 6 взводов военных корреспондентов. В их состав входили военные журналисты, фото, кино, радиорепортеры и операторы, агитаторы, художники, переводчики, специалисты по изданию и распространению антисоветской прессы и листовок. На оккупированной территории СССР фашистам удалось полностью развернуть свои пропагандистские подразделения. К апрелю 1943 года численность подразделений пропаганды вермахта достигала 15 тысяч человек. Они активно занимались агитационной работой, нацеленной на красноармейцев и население советской России. В оккупированных населенных пунктах, при военно-полевых комендатурах и городских управах начали организовываться отделы пропаганды, дома и уголки «просвещения».

Работа по подготовке листовок для восточного фронта началась в министерстве пропаганды с апреля 1941 г. В первые недели войны оккупантами распространялись листовки, подготовленные в пропагандистских органах третьего рейха и отпечатанные в Германии, или в типографиях фронтовых частей. По мере наступления немецко-фашистских войск листовки начали готовить коллаборационистские издательства и редакции русских коллаборационистских газет, которые выпускали органы местного управления и штабы русских антибольшевистских воинских частей, повсеместно формируемые оккупационными властями. Активно издавали листовочный агитационный материал пропагандистские органы Русской освободительной армии Власова. Нередко листовки выпускались совместно русскими издательствами и отделами пропаганды немецких воинских соединений.

В штате редакций коллаборационистских газет и журналов обязательно были представлены профессиональные немецкие пропагандисты, а также русские эмигранты, имевшие довоенный стаж сотрудничества с пропагандистскими органами Германии. Постепенно в состав редакций включались коллаборационисты из среды местного населения. Активно привлекались к работе бывшие советские журналисты и представители других творческих профессий. При этом особым доверием оккупантов пользовались люди, пострадавшие от советской власти. Со временем в подготовке летучих изданий стали принимать участие слушатели и выпускники фашистских школ пропагандистов, куда набирались жители оккупированных территорий, согласившиеся сотрудничать с оккупантами. Аналогичные школы и курсы действовали в русских добровольческих частях и в лагерях для военнопленных.

Многие коллаборационистские листовки были подготовлены профессионально. Их содержание строилось вокруг одной основной идеи, они, звали массы к определенному действию. Эти листовки отличала конкретность в изложении материала, целеустремленность и ясность аргументации. Они были написаны простым и ясным языком. Как правило, листовки отличались хорошим шрифтом и умелой версткой. Во многих случаях текст сопровождался иллюстративным материалом.

Деятельность коллаборационистских изданий и типографий контролировалась оккупационной администрацией, которая обеспечивала материальную базу их работы. В листовках использовались материалы специально подготовленных информационных бюллетеней немецкого телеграфного агентства, министерства пропаганды и других идеологических учреждений Германии на русском и немецком языках. Коллаборационистские листовки подвергались строгой военной и политической цензуре со стороны оккупационных властей. Цензурные функции осуществляли органы главного управления SS, вермахта, министерства пропаганды и министерства восточных территорий.

В листовках печатались приказы германского командования, распоряжения русских органов самоуправления, переводы выдержек речей и выступлений руководителей Германии, сведения информационных агентств Германии и ее союзников. В летучих изданиях печатались выдержки из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, конституции СССР 1936 г., постановлений ЦК ВКП(б) и ИККИ, приводились цитаты из выступлений Сталина и других советских руководителей, воспроизводились материалы сводок Совинформбюро, публиковались выдержки из советских газет с антибольшевистскими комментариями.

Одной из разновидностей коллаборационистских листовок являлись листовки-фальшивки. В такой форме выпускались обращения от лица руководства

ВКП(б), НКВД и политорганов РККА, прокламации от несуществующих антисоветских организаций, действующих в советском тылу, раскаяния советских партизан и подпольщиков. В ряде случаев листовки-фальшивки оформлялись в виде писем пленных, выдержек из дневников убитых красноармейцев, вырезок из советских газет. Во многих случаях в этих листовках отсутствовала ярко выраженная антисоветская направленность. Был налажен выпуск поддельных «Вестей с советской Родины», основного издания советской листовочной агитации, которое распространялось на оккупированной территории. Как правило, фальшивки делались качественно. Миллионные тиражи коллаборационистских листовок предназначались для разбрасывания с самолетов, расклейки и распространения с помощью специальных снарядов на линии фронта, в советском тылу, на оккупированной территории.

Русские коллаборационистские листовки носили установочный, внушающий и информационный характер. В листовках говорилось о международной обстановке, о положении на фронтах, о политике германского правительства по отношению к оккупированным территориям Советского Союза, о ситуации в советском тылу. В листовках пропагандировалась политика национал-социалистической партии Германии. Населению оккупированных районов СССР внушалась мысль, что германская армия принесет советским гражданам «настоящий социализм». Все, что говорилось в листовках о германском «истинном социализме» и о целях германской агрессии, являлось агитационной демагогией. Захват территории Советского Союза должен был удовлетворить амбиции нацистской политической элиты, обогатить финансово-промышленные круги Германии. Советская власть, руководство коммунистической партии подвергались в листовках резкой критике. Говорилось, что во главе советского общества стоит номенклатура, верхушка бюрократического аппарата СССР, которая превратилась в новый правящий класс. Содержание русских коллаборационистских летучих изданий преследовало одну цель – заставить советских людей прекратить сопротивление. Большинство листовок были антисемитского характера, но в ряде случаев в листовках полностью отсутствовала антисемитская риторика.

Наибольшее влияние на население оккупированных территорий русские коллаборационистские листовки оказывали на начальном этапе войны, когда успехи вермахта на фронте и популистские обещания фашистской агитационной продукции дезориентировали часть красноармейцев и населения оккупированных областей, и дали им надежду на то, что тоталитарный советский режим может быть свергнут. И только со временем стало ясно, что фашисты не дадут советским людям ни благополучия, ни счастливой жизни. И тогда война с оккупантами стала отечественной войной за выживание советских граждан. Своей главной целью большинство советского общества стало видеть в том, чтобы их Родина была освобождена от оккупантов. При таком общественном настроении агрессоры были обречены, а их пропаганда не могла оказать заметного влияния на население СССР.

А.А.Киличенко

Роль советского ВМФ в ходе Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. в оценках новейшей российской историографии

Определение роли советского флота в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. войны, раскрытие значения его действий для всего хода войны стало ключевой проблемой все послевоенной историографии советского флота в силу объективных причин. Исход второй мировой, как и Великой Отечественной войны, решался на сухопутном фронте, основные усилия СССР и Германии в борьбе друг с другом были сосредоточены на суше. Как следствие, военно-морские силы обеих сторон решали подчиненные задачи, обеспечивая действия сухопутных армий. Второй причиной стало то, что советский ВМФ в 1930-е гг. готовился к ведению, прежде всего, самостоятельных действий, задачи же поддержки армии считались второстепенными.

При общем взгляде на новейшую отечественную историографию участия советского военно-морского флота в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., прежде всего, обращает на себя внимание ее динамика, специфику которой составила явная привязка к юбилейным датам и избирательность в исследовании конкретных проблем. Первой такой, датой, по сути, ставшей отправной точкой в развитии постсоветской историографии флота, стало 300-летие российского ВМФ, праздновавшееся в 1996 г. К этому событию, почти совпавшему по времени с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне, был приурочен выход в свет сразу нескольких фундаментальных работ, в которых участию флота в Великой Отечественной войне уделялось самое пристальное внимание.^{dlxxv} В это же время происходит формирование новых сегментов проблемно-исследовательского спектра отечественной историографии, определяется новый характер исследовательского интереса. В центре внимания историков оказался новый набор проблем – подготовка советского флота к войне с Германией в 1930-е гг., действия флота в начальный период войны, взаимодействие сил армии и флота в этот период, действия флота по защите приморских городов и военно-морских баз, роль морской пехоты и морских десантов в ходе войны, действия сил флота на коммуникациях противника.

Пожалуй, самая примечательная особенность этого периода – критическая направленность юбилейных изданий, в результате чего на первый, а зачастую и единственный, план выходили ошибки, промахи и просчеты, допущенные в действиях флота во время войны. Совершенно обоснованно исследователи искали первопричины этого в предвоенном периоде.

Авторы юбилейного трехтомного издания «Три века Российского флота» в завершающей главе второго тома дали подробный анализ вопросов подготовки флота к надвигающейся войне с Германией. Особое внимание было уделено разработке вопросов оперативно-стратегического применения флота в будущей войне. При этом отмечалось, что корнем многих проблем было неверие руководства Красной Армии «в способность флотов решать оперативно-стратегические задачи» В результате совершенно нерешенными и в теории, и на практике остались вопросы взаимодействия флота как вида вооруженных сил с армией и авиацией. Во многом, по мнению исследователей, этому способствовал сам И.В. Сталин, прямо игнорировавший «необходимость решать флотские вопросы в комплексе с проблемами других видов вооруженных сил. В то же время решения по стратегическому развертыванию, общий замысел применения

вооруженных сил в войне с конкретным противником, действия приморских фронтов – все это прямо касалось флота, и должно было наполнять содержание его оперативных планов, определять систему базирования, дислокацию береговой обороны, развертывание морской авиации, оборудование театра и т.д.» Ссылаясь на воспоминания бывшего наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, авторы отмечали, что все попытки пригласить наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной Армии генерала армии Г.К. Жукова на совещания командующих флотами по оперативным вопросам закончились ничем.^{dlxxvi}

Нерешенность накануне войны важнейших вопросов управления флотом как важнейшая причина неудач начала войны оставалась в фокусе исследований на протяжении всего последующего периода. Однако спустя 10 лет в работах, приуроченных к очередному юбилею Победы в Великой Отечественной войне, отчетливо обозначилась тенденция смягчения критической направленности исследовательского анализа, стремление к объективистскому подходу. Так, бывший заместитель Главкома ВМФ СССР адмирал флота И.М. Капитанец в своей работе, посвященной развитию военно-морского искусства в период второй мировой войны, в главе «ВМФ СССР в канун войны» выделял и целый ряд позитивных моментов в развитии советского флота в конце 1930-х гг. К ним автор относил подготовку ВМФ на основе требований «тщательной координации задач и действий флота с действиями других видов вооруженных сил для достижения общей цели». Одновременно предусматривалось и решение самостоятельных задач флота – уничтожение морских сил противника, действия на морских сообщениях противника, обеспечение своих коммуникаций, борьба с морской блокадой, минно-заградительные действия.^{dlxxvii} Однако автор не мог не остановиться на недостатках, сводивших, по сути, на нет эти положительные моменты: оперативная подготовка большинства флотов не охватывала отдельных проблем, которые пришлось заново решать во время войны, базирование и корабельного состава и авиации флотов не в полной мере соответствовало требованиям обеспечения боевых действий на море. «Все это, в общем итоге, являлось следствием просчетов политического руководства страны в оценках характера будущей войны на суше и на море в оценке противников и союзников, недостатками в разработке военной и военно-морской теории.^{dlxxviii}

Такой же позиции придерживался помощник Главкома ВМФ РФ по научной работе, контр-адмирал Л.Г. Сидоренко, автор введения к другому юбилейному изданию – «Военно-Морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», подчеркивавший, что принципы стратегического применения ВМФ «в целом, как показал опыт войны, оказались правильными». Но и в этом случае имевшиеся недостатки и промахи, по мнению исследователя, выглядели куда более значимыми. «Накануне войны у нас не было четкой военной доктрины, а поэтому не могло быть и четко сформулированных задач флоту, не была определена его роль в системе вооруженных сил. Без этого нельзя было приступить к разработке конкретных задач флотам... Нельзя не отметить, что многие задачи имели стратегические масштабы и были невыполнимыми. Варианты неблагоприятного развития событий на приморских направлениях вообще не рассматривались, поэтому перед флотом оборонительные задачи не ставились». Учитывая содержание предстоящих задач в неумолимо надвигающейся войне, особенно тревожным было то, что вопросы, касающиеся содействия флота

сухопутным войскам, в теории и, особенно, на практике были разработаны слабо.^{dlxxxix} На ошибки в организации подготовки флота к войне указывал в своей статье и главком ВМФ РФ адмирал В.И. Куроедов, отмечая, что «четких и определенных задач флоту руководством страны накануне войны поставлено не было». Основным нормативный документ ВМФ, принятый в 1940 г. – «Наставления по ведению морских операций» (НМО-40) формулировал общие оперативно-стратегические задачи, но лишь для самостоятельных действий флота.^{dlxxx}

Одновременно исследователи отмечали и целый ряд упущений со стороны самого командования флотом. Вплоть до самого начала войны «традиционно уязвимым местом отечественного флота было слабое развитие инфраструктуры флотов и невысокий уровень обеспечения боевой деятельности... Все это чрезвычайно усугублялось сохранявшимся дефицитом командно-начальствующего состава (в штабах флотов и флотилий некомплект составлял более 20%)», имевшиеся же командные кадры проявляли «чрезмерное внимание к решению хозяйств вопросов и рутине повседневной деятельности в ущерб оперативно-тактической подготовке, работе над повышением своего военно-теоретического уровня». Существенно ослабляли готовность флота к войне его структурные и технические недостатки (полное отсутствие авианесущих и десантных кораблей, современных средств радиолокации, гидроакустики и борьбы с минной угрозой).^{dlxxxii} Л.Г. Сидоренко, подводя общий неутешительный итог, приходил к выводу, что, в целом, «уровень боевой подготовки немецкого флота... значительно превосходил уровень подготовки нашего флота».^{dlxxxii}

В исследованиях действий советского ВМФ в ходе Великой Отечественной войны ряд отдельных проблем получил подробное освещение. К их числу относятся проведение флотом десантных операций, действия подводных сил флота, а также развитие военно-морской техники.

Внимание исследователей к истории десантных операций периода Великой Отечественной войны и тесно связанным с ними проблемам развития советской морской пехоты – вполне закономерно.^{dlxxxiii} Высадка тактических и оперативно-тактических десантов стала самой распространенной и масштабной формой взаимодействия флота и армии в годы войны. Но одновременно она же являлась и самой сложной, выявившей крупные недостатки в подготовке и армии, и флота к войне. Главным и самым первым из них, проявившемся уже в начале войны оказалась недооценка этого вида действий флота в предвоенный период, когда произошло «снижение интереса высшего военного руководства страны [к проведению десантных операций]... недооценка их важности в боевых действиях армии и флота на приморских направлениях, снижение интенсивности подготовки к десантным действиям в боевой подготовке армии и флота...» Следствием этого стала недоработка «многих деталей вопросов подготовки и ведения морских десантных операций», а также «отсутствие десантных кораблей и десантно-высадочных средств специальной постройки... отсутствие в армии и флоте специального наставления по подготовке и ведению морских десантных операций, слабая подготовка транспортного флота к перевозке десантных войск ...»^{dlxxxiv}

Непредвиденный ход событий начального периода войны выдвинул в качестве приоритетной задачи флота содействие приморским флангам Красной Армии. Высадка морских десантов оказалась самой действенной формой этой поддержки. Более того, советский флот впервые в мировой практике начал высаживать десанты как часть оборонительных операций.^{dlxxxv} Успех этих первых

десантных операций был во многом предопределен их неожиданностью для противника.^{dlxxxvi} Однако их же опыт, как отмечают исследователи, выявил и целый ряд серьезнейших недостатков, и, прежде всего, в сфере управления и планирования. Сухопутное командование фатально недооценивало сложность подготовки флота к десантированию назначенных сил. В результате на подготовку отводилось сутки-двое. Как правило, «определяя район проведения десантных операций, армейское командование исходило главным образом из обстановки на фронте и недостаточно учитывало обстановку на море и возможности флота».^{dlxxxvii} Одновременно первый опыт выявил, что «флот получал указание на проведение операции, исходящее из предполагаемых наступательных действий войск фронта... Но если по какой-то причине фронт оставался на месте, то десантники просто оказывались брошенными на произвол судьбы...»^{dlxxxviii}

Явным просчетом армейского и флотского командования стало отсутствие какой-либо системы анализа и применения опыта первых десантных операций, полученного такой дорогой ценой. В результате, как отмечал один из исследователей, «каждый флот варился в своем собственном соку... все учились исключительно на собственных ошибках».^{dlxxxix} Не удивительно, что завершающий десант 1941 г., ставший одновременно самым крупным за всю войну,^{dxс} – Керченско-Феодосийский продемонстрировал все те же недостатки в организации и управлении силами армии и флота.

Одним из вопросов, тесно связанных с организацией и проведением такого количества десантных было развитие морской пехоты в составе советского ВМФ. Именно морская пехота являлась родом войск, наиболее подготовленным к десантным операциям. Однако к началу войны морская пехота входила состав только Балтийского флота, и ее пришлось создавать уже в ходе войны, включая в состав ее подразделений матросов и офицеров из экипажей кораблей, береговой обороны флота и береговых служб. Всего же в годы Великой Отечественной войны на Балтийском флоте были сформированы одна дивизия, девять бригад, четыре полка и 9 батальонов морской пехоты, а общая численность морской пехоты с учетом маршевых подразделений и пополнений составила около 120 тыс. чел. Северный флот сформировал три бригады, два полка и семь батальонов морской пехоты общей численностью 33480 чел, Черноморский флот – шесть бригад, восемь полков и 22 батальона морской пехоты общей численностью около 70 тыс. чел. Одно соединение и пять отдельных батальонов морской пехоты сформировал в годы войны Тихоокеанский флот. Кроме того, десятки тысяч моряков вошли в состав стрелковых соединений Красной Армии.^{dxci} Уход с флота на сухопутные фронты 489000 матросов и офицеров в советской историографии обычно рассматривался как еще один вклад флота в общую победу без учета его следствий для самого флота. Но позднее исследователи обратили внимание и то, что столь массовая передача личного состава на сухопутный фронт все же не могла не сказаться на боеготовности флота, особенно, в 1941 г. Уже позднее часть моряков, в первую очередь, корабельные специалисты, были возвращены на флот.^{dxcii}

В то же время исследователи отмечают, что соединения морской пехоты отличались высокими морально-боевыми качествами, боевой и психологической устойчивостью, повышенной способностью переносить тяготы и лишения в боевой обстановке, основой чего было чувство флотского товарищества и взаимовыручка.^{dxciiii} Благодаря этим качествам моряки сыграли важнейшую роль в обороне Москвы (12 тыс. матросов и офицеров), действиях на Ленинградском

направлении (около 125 тыс. чел.), Сталинградском (около 100 тыс. чел.) и Кавказском (свыше 40 тыс. чел.), а также в обороне военно-морских баз: Таллин (около 16 тыс. чел.), Одессы (около 50 тыс. чел.), Севастополь (около 75 тыс. чел.).^{dxciiv} Соединения морской пехоты, как правило, использовались на решающих участках наступления, «буквально тараня» оборону противника.^{dxciv} Е.П. Абрамов в своем диссертационном исследовании подробно изучил действия советской морской пехоты в период Великой Отечественной войны, выявив особенности формирования и боевой подготовки соединений и подразделений морской пехоты, способы их использования в ходе боевых действий, отметил важную роль в ключевых операциях. В то же время вопрос эффективности (хотя бы по соотношению потерь и достигнутого результата) автором затронут не был.^{dxcivi}

Действия подводных сил советского ВМФ в 1941-1945 гг. – еще одна проблема, исследовательский интерес к которой явственно обозначился в последнее время. Причину тому следует искать в особой роли, которую сыграл советской подводный флот в годы войны. К ее началу подводные силы Советского Союза были самыми многочисленными в мире – в составе ВМФ к 22 июня 1941 г. насчитывалось 212 подводных лодок всех типов, еще 54 лодки вошли в состав флота в годы войны.^{dxciyii} Подводные лодки сыграли роль одной из главных ударных сил советского флота, но тяжелейшие условия в которых им пришлось действовать привели к многочисленным потерям. 102 советские подводные лодки были потеряны в ходе боевых действий.^{dxciyii} В действиях подводных сил очень ярко и рельефно проявились, как недостатки, так и преимущества советского флота периода Великой Отечественной войны.

Наиболее обстоятельное и фундированное исследование действий советских подводных сил в 1941-1945 гг. предприняли М.Э. Морозов и К.Л. Кулагин, проанализировав ключевые вопросы этой деятельности – строительство подводного флота в межвоенный период, технические характеристики подводных лодок, их вооружения и оборудования, разработка теории применения подводных лодок накануне войны, подготовка подводников к боевым действиям, действия подводных лодок в составе воюющих флотов в 1941-1945 гг. Выводы исследователей свелись к следующему. К началу войны СССР, действительно, располагал самым многочисленным подводным флотом, но нет оснований считать его по-настоящему боеспособным и эффективным. Ни количество, ни качество личного состава подводных сил до конца не удовлетворяло потребностей флота. Система базирования не обеспечивала восстановление боевой мощи подводных сил. Первым подтверждением этому стали итоги боевой деятельности подводных лодок на Севере, Балтике и Черном море, где в 1941 г. в общей сложности они потопили 8 кораблей и судов противника, потеряв при этом 34 лодки. По показателям успешности торпедных атак советские лодки уступали зарубежным субмаринам в 2-4 раза. Пожалуй, единственным качеством советских подводных сил, которое на протяжении всей войны оставалось самым высоким, авторы считают политико-моральное состояние экипажей и воинскую дисциплину.^{dxciix} Примерно такая же тональность оценок содержится и в других работах.^{dc}

Важнейшей проблемой для современной историографии остается оценка роли и эффективности действий советского флота в ходе Великой Отечественной войны. И.М. Капитанец, посвятив свою работу исследованию развития советского военно-морского искусства в период войны, пришел к заключению, что в 1941-1945 гг. оно «непрерывно совершенствовалось и к моменту окончания войны

достигло высокого уровня».^{dc1} Также высоко оценивает советское военно-морское искусство периода войны и В.И. Куроедов, приводя в качестве примера «разработку эффективных способов действий и форм организации войск и сил для обороны крупных приморских городов», чего не было у наших союзников, допустивших «сдачу без сопротивления таких хорошо подготовленных к обороне военно-морских баз, как Гонконг и Сингапур». Впрочем автор, имея ввиду судьбу севастопольского гарнизона, признает, что «до конца не удалось решить проблему эвакуации войск с изолированных приморских плацдармов, основной причиной которой явилась неспособность обеспечить оборону коммуникаций».^{dcii}

Подведение общих итогов такой масштабной деятельности как действия советского ВМФ в 1941-1945 гг. – очень сложная исследовательская задача. Во сто крат она усложняется при отсутствии четких и обоснованных критериев оценки. В этой ситуации исследователям поневоле приходится использовать условные показатели и ограничиваться обобщающими заключениями. В этом отношении совсем не случайным представляется то, что бывший Главнокомандующий ВМФ РФ адмирал В.И. Куроедов завершил свою статью той самой, вынесенной в эпиграф фразой из приказа Верховного Главнокомандующего 1945 г.: «Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной».^{dciii}

dlxxv Грибовский В.Ю., Раздолгин А.А. История Российского Флота. - СПб., 1995; Краснов В.Н. История российского флота. М., 1995; Доценко В.Д. Флот. Война. Победа, 1941-1945. СПб., 1995; Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского. М., 1996; Капитанец И.М. Итоги и уроки трехсотлетней истории Российского Флота. М., 1996; Три века Российского флота. В 3-х т. / Б.И.Родионов, В.Д.Доценко, Г.Г.Костев и др. Авт.-сост. Б.И.Родионов / Под ред. И.В.Касатонова. СПб., 1996; Москва и судьбы российского флота. Архивные документы и исторические очерки / Сост. А.Н.Давыдов, А.А.Киличенков. М., 1996 и др.

dlxxvi Три века Российского флота. В 3-х т. Т.2 / Б.И.Родионов, Н.Ю.Березовский, В.Ю. Грибовский и др. Авт.-сост. Б.И.Родионов / Под ред. И.В.Касатонова. СПб., 1996. С. 370.

dlxxvii Капитанец И.М. Война на море. 1939 - 1945: Военно- морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. М., 2005. С. 102.

dlxxviii Там же. С. 110, 112-113.

dlxxix Сидоренко Л.Г. Опыт войны – основа победы // Военно-Морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.: научно-исторический труд / Общ. ред. В.И. Куроедов; 2-е изд., испр. и доп. Том 1. Северный флот. – СПб., 2005. С. 8-9.

dlxxx Куроедов В.И. Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне // Военная мысль. 2005. № 4. С. 60.

dlxxxi Три века Российского флота. В 3-х т. Т.2... С. 375-377.

dlxxxii Сидоренко Л.Г. Подвиг черноморцев // Военно-Морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.: научно-исторический труд / Общ. ред. В.И.Куроедов. 2-е изд., испр. и доп. Том II. Черноморский флот. – СПб., 2005. С. 10.

dlxxxiii Показателем исследовательского интереса к данной теме в настоящее время стала успешная защита ряда диссертаций. См.: Жуматий В.И. Развитие искусства подготовки и ведения морских десантных операций Вооруженных Сил СССР (1918-1945 гг.): автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2004; Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. : автореферат дис. ... доктора исторических наук. СПб., 2007; Киселев И.В. Взаимодействие Красной Армии и ЧФ в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : автореферат дис. кандидата исторических наук. Майкоп, 2009.

dlxxxiv Жуматий В.И. Указ. соч. С. 14-15.

dlxxxv См.: Платонов А. Опыт первых советских морских десантных операций // Десанты Великой отечественной войны / ред.-сост. В. Гончаров. М., 2008. С. 207.

dlxxxvi См.: Платонов А. Опыт первых советских морских десантных операций... С. 207.

dlxxxvii См.: Жуматий В.И. Указ.соч. С. 17.

dlxxxviii Платонов А. Опыт первых советских морских десантных операций... С. 262.

dlxxxix См.: там же.

dxс Всего в период 25.12.1941-2.01.1942 гг. в районах Керчи и Феодосии было высажено 42000 человек. (См.: Боевой путь советского Военно-морского флота. С. 549.)

dxci См.: Абрамов Е.П. Указ.соч.С. 7, 34-35.

-
- dxcii См.: Три века Российского флота. В 3-х т. Т.3... С. 12, 95.
- dxciiii См.: Абрамов Е.П. Указ.соч.С. 45; Три века Российского флота. В 3-х т. Т.3... С. 62.
- dxciiv См.: Абрамов Е.П. Указ.соч. С. 38.
- dxciv См. Три века Российского флота. В 3-х т. Т.3... С. 62.
- dxcivi См.: Абрамов Е.П. Указ.соч. Материалы диссертации были опубликованы в виде монографии. (См.: Абрамов Е.П. "Черные дьяволы": морская пехота в Великой Отечественной войне. М., 2008.)
- dxciyii См.: Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Советский подводный флот, 1922- 1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 350-351.
- dxciyii См.: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф.Кривошеев, В.М.Андроников, П.Д.Буриков, В.В.Гуркин. М., 2009.С. 351-353. (В число погибших включена английская ПЛ В-1, переданная советскому флоту в счет репараций итальянского флота и погибшая при переходе на Северный флот)
- dxciix См.: Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Указ.соч. С. 808, 810-811.
- dc См.: Три века Российского флота. В 3-х т. Т.3... С. 18; Крамаренко В. Применение подводных лодок в Великой Отечественной войне // Морской сборник. 2005. № 5. С. 44-50.
- dci Капитанец И.М. Война на море. 1939 – 1945... С. 242.
- dcii Куроедов В.И. Военно - Морской Флот Советского Союза в годы Великой Отечественной войны... С. 8.
- dciii Куроедов В.И. Военно - Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне... С. 68.

ОБ АВТОРАХ

Анфертьев И.А. – канд. ист. наук, главный редактор журнала «Вестник архивиста», профессор РГГУ, г.Москва

Архипова Т.Г. – д-р ист.наук, декан факультета документоведения ИАИ РГГУ, зав.кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, профессор РГГУ

Быстрова И.В. – д-р ист. наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, г.Москва

Герасимов В.Л. – канд.ист.наук, доцент, заместитель начальника Военно-энциклопедического управления ИВИ МО РФ, г.Москва

Герасимова С.А. – канд.ист.наук, ведущий научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея, г.Тверь

Голубев А.В. – канд.ист.наук, руководитель Центра по изучению отечественной культуры, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, г.Москва

Ермолов А.Ю. – канд.ист.наук, доцент Московского института электроники и математики, г.Москва

Ерофеев Д.А. – соискатель ИРИ РАН, г.Москва

Загыртдинов Р.Б. – ст.преподаватель кафедры гуманитарных наук филиала ГОУ ВПО УГНТУ, г.Стерлитамак

Золотухин А.Ю. - студент Курского государственного университета, г.Курск

Кикнадзе В.Г. – канд.воен.наук, начальник отдела военной истории ИВИ МО РФ, капитан II ранга, г.Москва

Киличенков А.А – канд.ист.наук, доцент РГГУ, г.Москва

Колдомасов И.О. – ст.преподаватель кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, г. Магнитогорск

Копылов Н.А. – канд.ист.наук, начальник отдела ДПО Института повышения квалификации РГГУ, г.Москва

Коровин В.В. – д-р ист.наук, профессор кафедры конституционного права Курского государственного технического университета, г.Курск

Кузьминых А.Л. – канд.ист.наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, г.Вологда

Куренков Г.А. – начальник отдела научно-технической обработки и архивного хранения документов ОАО «АрхивКонсалт», г.Москва

Литвиненко В.А. – научный сотрудник ИВИ МО РФ, г.Москва

Малышева Е.М. – д-р ист.наук, профессор Адыгейского государственного университета, академик РАЕН, г.Майкоп

Манжосов А.Н. – вице-президент Курского областного научного краеведческого общества, г.Курск

Мартынов А.С. – аспирант Донецкого национального университета, г.Донецк

Мельтюхов М.И. – д-р ист.наук, старший научный сотрудник Всероссийского НИИДАД, г. Москва

Миц М.М. – канд.ист.наук, научный сотрудник ИНИОН РАН, г.Москва

Можяева Л.А. – канд.ист.наук, доцент РГГУ, г.Москва

Молчанов Л.А. – д-р ист.наук, профессор РГГУ, г.Москва

Печенкин А.А. – д-р ист.наук, декан гуманитарного факультета Вятского государственного университета, г.Киров

Пивовар Е.И. - д-р ист.наук, чл.-кор. РАН, ректор РГГУ, г. Москва

Разин С.Ю. – ст.преподаватель кафедры общественных наук Института Гуманитарного образования и информационных технологий, г.Москва

Садовников С.И. – канд.ист.наук, зав.кафедрой воспитания и молодежной политики Федерального института развития образования, г.Москва

Сатаева С.А. – архивист Центрального государственного архива кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан, г.Алматы

Сенявская Е.С. – д-р ист. наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, г.Москва

Сенявский А.С. – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра «Россия и СССР в истории XX века» ИРИ РАН, г.Москва

Соколов Б.В. – д-р филолог.наук, член Русского ПЕН-Центра, г.Москва

Сомов В.А. – д-р ист.наук, доцент кафедры современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г.Нижний Новгород

Спирин Д.В. – аспирант ИРИ РАН, г.Москва

Торгашев Р.Е. – преподаватель кафедры социальных коммуникаций и технологий РГГУ, г.Москва

Хавкин Б.Л. – профессор РГГУ, редактор отдела журнала «Новая и новейшая история», г.Москва

Хохлов В.А. – канд.ист.наук, доцент РГГУ, г.Москва

Христофоров В.С. – д-р юрид.наук., начальник УРАФ ФСБ России, генерал-лейтенант, профессор РГГУ, г.Москва

Цурганов Ю.С. – канд.ист.наук, доцент РГГУ, г.Москва

Научное издание

СССР, ЕГО СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС,
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ, ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы
в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.

21-22 апреля 2010 г.